Э. Г. ф.-Валь.

КЪ ИСТОРІИ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ.

Дѣятельность генералъ-адъютанта Щербачева.

„Ибо если между вами зависть, споры и разногласія: то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли обычаю поступаете?“
1-ое посл. ап. Павла къ Коринѳянамъ гл. 3.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.
Таллиннъ.
1935.

Дар Б. П. Вайнарского

Э. Г. ф.-Валь.

Къ исторіи бѣлаго движенія.

Дѣятельность генералъ-адъютанта Щербачева.

„Ибо если между вами зависть, споры и разногласія: то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли обычаю поступаете?“
1-ое посл. ап. Павла къ Коринѳянамъ гл. 3.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.
Таллиннъ.
1935.

Trükikoda B. Beilinson, Tallinn.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работая надъ представленными мнѣ матеріалами по борьбѣ ген.-ад. Щербачева съ совѣтскимъ правительствомъ, я старался отнестись къ нимъ съ объективностью, воздерживаясь отъ одобренія или порицанія дѣйствій Щербачева. Свѣдѣнія мною были проконтролированы изученіемъ трояkaго рода источниковъ:

1) матеріаловъ, замѣтокъ, воспоминаній или отвѣтовъ на мои вопросы, полученныхъ отъ А. Д. Щербачева, сына генерала, ген.-лейт. А. В. Геруа, бывшаго начальника штаба румынскаго фронта съ 1918 года, ген. штаба подполковника Н. Н. Мельчакова, прибывшаго съ ген. Щербачевымъ изъ 7 арміи и состоявшаго при немъ до конца войны штабъ-офицеромъ для порученій, А. А. Вадина, А. Ѳ. Шебунина и многихъ другихъ; всѣхъ ихъ прошу принять мою искреннюю благодарность;

2) свѣдѣній изъ «Краснаго Архива» и статей, появившихся въ совѣтской Россіи;

3) замѣтокъ и воспоминаній иностранцевъ, бывшихъ въ совѣтской Россіи въ 1918—1919 г.г.

„Всѣ числа переведены на новый стиль; такъ какъ въ нѣкоторыхъ источникахъ стиль не былъ обозначенъ, то возможны ошибки въ 13 дней. Лица, незнакомыя съ бѣлымъ движеніемъ, найдутъ указанія на стр. 89, 127, 136 прим. 24, 153 и 157.

Глава 1-ая.

Въ первыхъ числахъ декабря 1917-го года въ маленькомъ особнякѣ на страда Кароль въ Яссахъ замѣтно было особое оживленіе. Къ «Поглавкоруму» генералъ-адъютанту Д. Г. Щербачеву, помощнику Румынскаго короля по веденію военныхъ операцій и главнокомандующему русскими арміями на румынскомъ фронтѣ, пріѣхала миссія отъ совѣтскаго правительства съ предложеніемъ найти почву, на которой новая центральная власть могла бы сговориться съ высшимъ военнымъ начальникомъ, сохранившимъ фронтъ противъ внѣшняго врага. Миссія возглавлялась молодымъ товарищемъ Рошалемъ, извѣстнымъ расправой съ офицерами въ Кронштадтѣ. Его сопровождала нѣкая Бошъ, дама семитскаго типа, и нѣсколько другихъ представителей большевиковъ румынскаго фронта. Давая согласіе на пріемъ миссіи, Щербачевъ ограничилъ число представителей 6-ю лицами безъ оружія. На самомъ дѣлѣ явилось 15-18 человѣкъ; какъ оказалось потомъ — всѣ были вооружены револьверами. Большинство было въ кожаныхъ курткахъ безъ погонъ. Со сто-

роны военнаго начальства присутствовали инспекторъ артиллеріи фронта князь Масальскій и нѣсколько офицеровъ штаба.

Страна и фронтъ съ напряженіемъ ожидали результатовъ этого совѣщанія, отъ котораго зависѣло ближайшее будущее.

Щербачевъ, еще не оправившійся отъ ушиба, полученнаго при автомобильномъ столкновеніи, принялъ Рошаля и нѣсколькихъ изъ явившихся большевиковъ, сидя на кушеткѣ въ кабинетѣ адъютанта, смежномъ съ его столовой. Остальные члены делегаціи были проведены въ гостиную, расположенную въ противоположномъ углу особняка. Тонъ совѣщанія былъ сдержанный: отправной точки для соглашенія найдено не было. Рошаль предложилъ членамъ миссіи, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ у Щербачева, удалиться въ гостиную для совѣщанія съ оставшимися делегатами. Выйти изъ гостиной можно было только черезъ большую пріемную комнату, находившуюся въ центрѣ дома; другая дверь въ кабинетъ Щербачева была передъ прибытіемъ большевиковъ закрыта на ключъ. Чины штаба, адъютантъ, дежурные и ординарцы въ этой пріемной ожидали конца совѣщанія. Отъ времени до времени въ нее входили изъ гостиной, гдѣ за закрытыми дверьми совѣщался Рошаль, отдѣльные делегаты. Появленіе оттуда въ пріемной нѣкоего Коренева не обратило на себя особаго вниманія. Онъ, не торопясь, направился къ комнатѣ, гдѣ полчаса тому назадъ былъ принятъ Рошаль. Подойдя къ дверямъ, онъ выхватилъ револьверъ и бросился впередъ. У самаго входа онъ былъ задержанъ подполковникомъ

Мельчаковымъ, схватившимъ его за руку. Почти одновременно на Коренева бросилось два другихъ офицера штаба. Отскочивъ назадъ, Кореневъ откинулъ верхнюю часть кожаной куртки, подъ которой былъ китель съ штабсъ-капитанскими погонами и закричалъ: «я офицеръ». Онъ былъ арестованъ, а въ пріемную были введены чины охраны. Покушеніе могло бы удаться, даже послѣ первой неудачи, если бы большевики проявили рѣшительность: на требованіе выдать оружіе они отвѣтили протестомъ, въ то время какъ среди нихъ было достаточно вооруженныхъ, чтобы осилить немногочисленную охрану.

Тѣмъ временемъ подоспѣла помощь со стороны находившейся поблизости румынской роты. Делегація подъ эскортомъ была направлена на станцію Сокала. Покушавшійся на Поглавкорума Кореневъ и начальникъ делегаціи комиссаръ Рошаль были потомъ арестованы.

Не исключается возможность, что совѣтское правительство, въ виду особаго положенія на румынскомъ фронтѣ, дѣйствительно намѣревалось привлечь Щербачева на свою сторону. Вѣдь и крайній правый Муравьевъ сыгралъ памятную роль на службѣ новой власти. Щербачевъ зарекомендовалъ себя еще до войны въ тѣхъ случаяхъ, когда войска призывались къ подавленію безпорядковъ (1). Вопросъ о мирѣ хотя въ принципѣ большевиками и былъ давно рѣшенъ, но Троцкій склонялся къ нѣко-

(1) Въ 1905 году Щербачевъ усмирилъ возстаніе въ Кронштадтѣ, причаливъ къ берегу на пассажирскомъ пароходѣ, имѣя войска и артиллерію на баржахъ на буксирѣ, въ виду военныхъ судовъ, находившихся въ рукахъ мятежниковъ.

торому сопротивленію для достиженія лучшихъ условій съ Германіей. Одними Крыленками удержать фронтъ было нельзя. Наиболѣе вѣской причиной пріѣзда Рошаля, однако, была необходимость держать общій фронтъ съ румынами, для чего нужно было лицо, пріемлемое румынскому королю.

Со своей стороны, Щербачевъ, считалъ, что все въ Россіи устроится, лишь бы была выиграна война. Если бы удалось вызвать новый порывъ національныхъ чувствъ, то можно было расчитывать продержаться до близкаго мира.

Обѣ договаривающіяся стороны ошиблись въ расчетахъ: Щербачевъ отказалъ большевикамъ во вмѣшательствѣ совѣтскихъ комиссаровъ въ распо-

---

Въ Петербургѣ, въ одной изъ инженерныхъ частей, взбунтовавшіеся саперы собрались въ казармѣ, готовые отразить огнемъ попытку усмиренія. Щербачевъ вбѣжалъ въ дверь и крикнулъ «смирно». Люди были ошеломлены. Въ это мгновеніе солдаты Павловскаго полка, которымъ тогда командовалъ Щербачевъ, ворвались въ казармы и обезоружили бунтовщиковъ.

Той частью войскъ, которая 9-го января 1906 года была въ районѣ Зимняго дворца, тоже командовалъ Щербачевъ.

Соціалъ-революціонная партія включила Щербачева въ число лицъ, подлежащихъ ликвидаціи; былъ произведенъ рядъ покушеній на него: одна просительница принесла съ собой бомбу; въ боковое окно автомобиля Щербачева, въ которомъ ѣхали члены его семьи, былъ произведенъ выстрѣлъ; на углу Литейнаго и Невскаго револьверная пуля пробила заднее окошко и пролетѣла между Щербачевымъ и его сыномъ; при поѣздкѣ въ саняхъ на представленіе въ Зимній дворецъ Щербачевъ и его братъ, директоръ воспитательнаго дома, оба въ парадной формѣ подверглись нападенію со стороны студента; послѣдній промахнулся и ударилъ по треуголкѣ брата, ранивъ самого себя объ ея шитье.

ряженія военнаго командованія и въ допущеніи пропаганды въ войскахъ. Онъ потребовалъ заявленія о продолженіи войны противъ центральныхъ державъ.

Но и его расчетъ на національное чувство былъ невѣренъ. Для того, чтобы въ тѣ дни его вызвать, необходимы были конкретные объекты. Массы воодушевляются лишь когда возможенъ захватъ того, что находится въ чужихъ рукахъ: тогда появляется и національный подъемъ даже у нравственно уставшихъ. На окраинахъ такимъ факторомъ была русская власть. Для ея сверженія въ Польшѣ и въ Финляндіи люди разныхъ направленій объединились. Уничтоженіе привелигированнаго политическаго и матеріальнаго положенія меньшинства легло въ основу созданія Балтійскихъ государствъ, вызвавъ въ нихъ національный порывъ. Подобное временное исчезновеніе партій на той же почвѣ мы видѣли и въ Германіи. Этихъ факторовъ для центральной Россіи не было. Плѣнить же народъ надеждой на захватъ чужой страны, въ которой онъ нашелъ бы удовлетвореніе всѣхъ желаній, въ 1917 году уже было невозможно. Наконецъ, расчетъ на національное чувство былъ еще и потому несбыточенъ, что руководство внутренней политикой Совѣтской Россіи взяли на себя элементы въ большинствѣ не русскіе, для которыхъ возбужденіе національзма и легко изъ него проистекающаго шовинизма, было непріемлемо (²).

(²) Характерны, напримѣръ, слова Радека: «Господи, если бы въ этой борьбѣ за нами стоялъ другой народъ, а не русскій, мы могли бы сорвать весь міръ съ петелъ» (Зап. Локкарта).

Послѣ неудачи миссіи между совѣтской властью и Щербачевымъ началась открытая война. Воззваніемъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» — Щербачевъ былъ объявленъ врагомъ народа.

Со своей стороны, Щербачевъ привелъ въ движеніе гигантскіе рычаги, чтобы погубить совѣтскую власть. Послѣдующія главы покажутъ его достойнымъ того исключительнаго вниманія, которое на него было обращено вышеописанной миссіей Рошаля.

Глава 2-ая.

Люди, изображенные въ книгахъ, обладаютъ опредѣленными качествами; живые же отличаются отъ нихъ тѣмъ, что, въ зависимости отъ обстановки, проявляютъ то одно свойство, то противоположное. Всякая характеристика субъективна. Въ сущности, судъ людской несправедливъ — онъ выноситъ свои приговоры на основаніи отдѣльныхъ поступковъ. Понятіе о добродѣтели относительно: что по воззрѣніямъ одного благородно, то по убѣжденію другого преступно. Сама государственная власть, устанавливающая нравственныя нормы, весьма различно ихъ опредѣляетъ, какъ мы видимъ въ послѣдній періодъ исторіи. Безцѣльно писать про человѣка, что онъ былъ уменъ и добродѣтеленъ. Читатель, стоящій на другой политической платформѣ, резонно возразитъ: «гдѣ же тутъ умъ и прочее, если герой даже не понялъ, что единственно вѣрное ученіе то, которому я слѣдую». Разныя оцѣнки Людовика XIV представляютъ собой примѣръ, на сколько отлича-

ются сужденія о человѣкѣ. Пусть и о Щербачевѣ судитъ по-своему всякій, — но лишь на основаніи историческихъ фактовъ. Отмѣчу безспорное.

Кто видѣлъ Щербачева какъ скромнаго, мягкаго, уступчиваго члена семьи, не могъ его узнать въ роли военачальника. Его прямолинейность и твердость не вязалась съ его исключительными дипломатическими способностями. По наружному виду онъ былъ своеобразенъ. Его лицо съ рѣзко очерченными чертами отличалось подвижностью. Взглядъ былъ у него проницательный и придавалъ его лицу орлиное выраженіе. Подчиненные его любили, даже обожали, знакомые его уважали. Онъ былъ въ высшей степени набоженъ. Сынъ его пишетъ: «Не я одинъ, но многіе, случайно слышавшіе, какъ онъ молится каждое утро и каждый вечеръ, были потрясены его молитвой. Обыкновенно онъ молился, какъ всѣ, про себя, но часто въ порывѣ искренней молитвы онъ начиналъ молиться въ полголоса, и его фразу, вѣрнѣе молитву, «Боже, спаси Россію!» — я слышу, какъ сейчасъ. Надо было слышать, съ какою любовью и просьбой онъ ее произносилъ».

Молодой офицеръ, Л. Гв. Конно-артиллерійской бригады Щербачевъ (3), участвовавшій въ конныхъ

(3) Служебный путь: Орловская Военная гимназія, 3-е военное Александровское и Михайловское артиллерійскія училища 1876. Гвард. Конная артиллер. бригада. Окончаніе Академ. Ген. Шт. 1884. Старшій адъютантъ штаба 2-ой Гв. пѣх. дивизіи. Цензовое командованіе ротой въ Л. Гв. Егерскомъ полку 1884—1898. Нач. Штаба 2-ой Гв. пѣх. див. 1898—1901, командиръ 145 пѣх. Новочеркаскаго Им. Александра III полка — 1903, командиръ Л. Гв. Павловскаго полка — 1906,

состязаніяхъ и бравшій не мало призовъ, хорошо былъ извѣстенъ петербургскимъ обывателямъ конца семидесятыхъ годовъ. Изъ поля зрѣнія публики онъ ушелъ, поступивъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Послѣ ея окончанія онъ служилъ на штабныхъ должностяхъ въ Петербургскомъ округѣ. Для постороннихъ онъ выдѣлился изъ общей массы офицерства, когда былъ взятъ въ Свиту. О немъ заговорилъ военный міръ послѣ его назначенія начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба. Онъ взялся за реформы ея программы и ея системы обученія. Въ этотъ періодъ у него завязались дружескія отношенія съ французскими генералами Жоффромъ, Жаненомъ и Фошемъ, начальникомъ военной академіи. Щербачевъ былъ командированъ во Францію для ознакомленія съ постановкой высшаго военнаго образованія.

Императоръ Николай II относился съ симпатіей къ реорганизаторскимъ начинаніямъ Щербачева, военный же министръ Сухомлиновъ считалъ дѣятельность его вредной. Завязалась война двухъ партій въ академіи. Къ одной принадлежали профессора Головинъ, Кельчевскій, Юнаковъ; къ другой — Бончъ-Бруевичъ, Баіовъ. Между ними умѣло лавировалъ Янушкевичъ, прислушивавшійся къ проявленіямъ желаній и настроеній Вел. Кн. Николая Николаевича. Чтобы лишить Щербачева воз-

---

зачисленіе въ Свиту. Командиръ 1-ой финляндской стрѣлковой бригады 1907. Нач. Академіи Ген. Штаба до 1912 г., Команд. 9-го армейскаго корпуса 1913—1914 г., командующій 11-ой арміей 1915, Команд. 7 арм. 1915 г.. Генералъ-Адъютантъ Командующій Румынскимъ фронтомъ 1917 г.

можности сообщаться съ Государемъ, Сухомлиновъ произвелъ его внѣ очереди въ генералъ-лейтенанты, чѣмъ кончалось пребываніе въ Свитѣ. Его дѣятельность была окончательно прервана назначеніемъ на должность командира 9-го арм. корпуса. Итакъ военный министръ устроилъ Щербачеву съ цѣлью удаленія двойное повышеніе.

Въ Галиціи. въ самомъ началѣ войны Щербачевъ во главѣ 9 арм. корпуса удачно дѣйствовалъ въ бою подъ Злочевымъ; побѣдой на своемъ участкѣ онъ привелъ къ выигрышу общаго сраженія на Золотой Липѣ. Изъ ряда выходящимъ было его рѣшеніе взять Львовъ вопреки плану и категорическому приказанію Командующаго 3-й арміей генерала Рузскаго. Когда доложили послѣднему, что крѣпость занята безъ боя войсками 42-ой пѣх. дивизіи ген. Роде, онъ воскликнулъ: «Щербачевъ увлекается, этого не можетъ быть». Черезъ нѣсколько часовъ послѣ побѣды къ Щербачеву прибыла подвода, высланная штабомъ арміи наканунѣ, нагруженная руководствами по осадѣ крѣпостей и планами крѣпости Львовъ. Во время великой Галиційской битвы онъ разбилъ австрійцевъ на высотахъ Раввы Русской. Щербачевъ получилъ Георгіевскій Крестъ 4-ой ст. и золотое оружіе. Послѣ этого послѣдовало его назначеніе командующимъ Перемышльской осадной арміей. По опыту съ Львовымъ Щербачевъ попросилъ у Брусилова разрѣшенія ворваться въ крѣпость на плечахъ разбитыхъ австрійцевъ и для этого подвелъ свои части къ фортамъ. Брусиловъ колебался и медлилъ рѣшеніемъ, чѣмъ далъ австрійцамъ время опомниться. Теперь изъ показаній быв-

шаго противника можно вынести убѣжденіе, что въ первые дни Перемышль не оказалъ бы серьезнаго сопротивленія. 5-го апрѣля 1915 г. Щербачевъ назначается командующимъ 11-ой арміей, стоявшей фронтомъ на Ужгородъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого весь русскій фронтъ на Дунайцѣ началъ отступленіе, что̀ заставило и 11-ую армію отходить. Но и здѣсь Щербачевъ выдѣляется. Германскія войска, форсировавшія Днѣстръ у Жидачева и разбившія 22-ой армейскій корпусъ, атакуются имъ во флангъ и тылъ присланными на поддержку ген. Ивановымъ 3-ей гвардейской и 82 дивизіями. Цѣлый германскій гв. полкъ попадаетъ въ плѣнъ. За эту побѣду во время отступленія Щербачевъ награждается Георгіемъ 3-ей степени изъ рукъ Государя. Къ этому періоду относится историческая фраза Щербачева: «не могу дольше держаться, а потому перехожу въ наступленіе».

Въ октябрѣ 1915 года Щербачевъ назначается командующимъ 7-ой арміей, формированной въ Одессѣ, съ цѣлью дессанта въ Константинополѣ. Ознакомившись съ обстановкой и тѣмъ положеніемъ, въ которое могла бы попасть армія даже послѣ удавшагося захвата Константинополя, Щербачевъ докладываетъ Государю, что считаетъ операцію авантюрой. Несмотря на то, что Императору Николаю II идея весьма нравилась, онъ уступаетъ. Щербачевъ не только не впадаетъ въ немилость, но назначается ген.-адъютантомъ, а VII армія перебрасывается согласно его предложенію въ Галицію, гдѣ лѣтомъ 1916 г. въ раіонѣ къ югу отъ Тарнополя одерживаетъ успѣхи.

Въ апрѣлѣ 1917 г. Щербачевъ назначается Командующимъ Румынскимъ фронтомъ. Тутъ онъ оказываетъ неоцѣнимую услугу союзникамъ, въ частности Румыніи.

На совѣщаніи представителей Согласія въ Шантильи было принято рѣшеніе произвести общій ударъ весной 1917 г. Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ и общими указаніями Ставки, Щербачевъ совмѣстно со своимъ Начальникомъ Штаба ген. Н. Головинымъ выработалъ планъ наступленія на румынскомъ фронтѣ. Главный ударъ былъ намѣченъ на нижнемъ теченіи рѣки Серетъ въ районѣ тетъ-де-пона Немолоаза на востокъ отъ Фокшанъ. На фронтѣ въ 15 километровъ должна была быть сосредоточена огромная масса войскъ: вновь сформированная подъ руководствомъ французовъ 1-ая румынская армія, большая часть 6-ой русской арміи, ¾ всей тяжелой артиллеріи фронта, 2-ой кавказскій корпусъ и рум. кав. дивизія. Остальныя силы сжимались сильно къ югу. Послѣ прорыва фронта собранный кулакъ долженъ былъ направиться на западъ на Рымникулъ-Сарата-Фокшанъ съ охватомъ праваго фланга ген. Макензена. Одновременно 2-ая рум. армія ген. Авереско и 4-я русская армія должны были прорвать фронтъ противника въ раіонѣ Рекоаза, что въ случаѣ успѣха могло привести къ полному окруженію группы Макензена (записка ген. Геруа).

Чтобы отдать себѣ отчетъ о размѣрахъ подготовлявшейся операціи, достаточно указать, что на 40-километровомъ участкѣ фронта, общее протяженіе котораго было около 500 клм., предполагалось сосредоточить 24 дивизіи со всей тяжелой артилле-

ріей, тогда какъ на остальныхъ 460 клм. оставалось лишь около половины всѣхъ силъ фронта. Для парированія возможныхъ неожиданностей со стороны противника на растянутомъ сѣверномъ участкѣ большая часть 9-ой арміи выводилась въ общій резервъ фронта.

Мы видимъ тутъ стратегію, не уступающую по размаху наиболѣе отважнымъ кампаніямъ исторіи войны.

Этотъ планъ былъ встрѣченъ румынами несочувственно. Государственные люди во главѣ съ Братіано, считали его рискованнымъ въ виду пошатнувшагося, послѣ революціи, духа русскихъ войскъ. Командующій 2-ой рум. арміей ген. Авереско считалъ необходимымъ главный ударъ наносить на фронтѣ его арміи. Братіано настоялъ на созывѣ Коронного Совѣта. Въ убѣдительной рѣчи Щербачевъ указалъ на то, что всѣ свои бывшія операціи онъ считалъ рискованными, однако, онѣ увѣнчались успѣхомъ. Планъ былъ одобренъ.

Для отвлеченія вниманія нѣмцевъ отъ раіона главнаго удара, 2-я рум. армія ген. Авереско должна была начать наступленіе на два дня раньше атаки главной группы. Начатое 11 іюля, оно увѣнчалось успѣхомъ. Главная ударная масса приступила къ артиллерійской подготовкѣ и заканчивала послѣднія передвиженія, чтобы со своей стороны прорвать фронтъ противника, когда 12 іюля, наканунѣ атаки, прибыла телеграмма Керенскаго, предписывающая, отъ имени Правительства, отмѣнить атаку, въ виду общаго отступленія войскъ на Юго-Зап. фронтѣ (Тарнополь-Калущъ).

Произведенное сосредоточеніе войскъ на южномъ участкѣ, однако, не только не пропало даромъ, но оказалось роковымъ для противника въ предпринятой имъ атакѣ румынскаго фронта. Дѣло въ томъ, что, считаясь съ угрозой, нависшей надъ правымъ флангомъ фронта въ виду событій на юго-зап. фронтѣ, Щербачевъ началъ перегруппировку войскъ къ сѣверу, предполагая замѣнить часть русскихъ войскъ на югѣ дивизіями 1-ой румынской арміи. Фельдмаршалъ Макензенъ, сообразно съ успѣхомъ, достигнутымъ на юго-зап. фронтѣ, рѣшилъ нанести сокрушительный ударъ румынскому фронту. Къ раіону его атаки направлялись въ этотъ моментъ части 1-ой рум. арміи. 24 іюля завязалось большое сраженіе въ раіонѣ Марашешти, въ которомъ приняли участіе войска 4-ой и 6-ой русской и 1-ой румынской арміи, которое закончилось для противника неудачей 6 августа. Если въ началѣ германской атаки часть русскихъ войскъ сдала, не оказавъ достаточнаго сопротивленія, то въ дальнѣйшемъ русскія дивизіи имѣли успѣхъ. Румынскія войска выдержали этотъ серьезный экзаменъ послѣ печальныхъ результатовъ перваго періода войны. Румынскій солдатъ показалъ, что, будучи обученъ, вооруженъ, снабженъ всѣмъ необходимымъ и подъ хорошимъ руководствомъ, онъ является отличнымъ боевымъ элементомъ (записки ген. А. Геруа).

Фельдмаршалъ Макензенъ отказался отъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій. Еслибъ планъ его удался, Германія могла бы диктовать свою волю, если не противникамъ, то своимъ союзникамъ. Развалъ ихъ не могъ бы имѣть мѣсто.

Все теченіе событій на востокѣ Европы приняло бы иное направленіе.

Противникъ остался прикованнымъ къ мѣсту. Имя Щербачева стало въ Румыніи чрезвычайно популярнымъ. Государственные люди Румыніи воспрянули духомъ, получивъ доказательство, что они могутъ уже расчитывать на собственныя силы. Среди русскихъ генераловъ нашелся полководецъ, который сумѣлъ, почти полгода послѣ приказа № 1, организовать сопротивленіе натиску Макензена.

Дабы обезпечить правый флангъ фронта отъ возможныхъ наступательныхъ попытокъ противника, Щербачевъ въ концѣ августа, несмотря на продолжавшееся ухудшеніе духа русскихъ войскъ, сосредотачиваетъ въ раіонѣ 18-го армейскаго корпуса, нѣсколько корпусовъ 9-ой арміи для удара на фронтѣ отъ Серета до Сольки. Наступленіе началось удачной атакой частей 18 корпуса ген. Геруа, но развить успѣхъ оказалось невозможнымъ, въ виду распространенія на войска 9-ой арміи пагубнаго вліянія со стороны сосѣднихъ войскъ юго-зап. арміи (записки ген. А. Геруа).

Боевая роль ген. Щербачева, какъ Главнокомандующаго войсками фронта, была закончена.

Глава 3-я.

Еще до окончательнаго разрыва съ центральной совѣтской властю Щербачевъ находился въ сложной обстановкѣ. На немъ лежала задача сглаживать тренія, неизбѣжно возникающія при совмѣстныхъ съ

другой державой дѣйствіяхъ. Расположеніе арміи на территоріи другого государства чревато послѣдствіями. Цѣль всякой войны побѣда. Но интересы двухъ союзниковъ не совпадаютъ. Зачастую возникаютъ равногласія и въ выборѣ путей къ достиженію конечной общей цѣли. Руководители суверенкаго государства весьма неохотно мирятся съ необходимостью уступить иностранцамъ главную роль въ ихъ странѣ. хотя бы дѣло и шло лишь о военныхъ операціяхъ. Противъ иностранца, на котораго выпадаетъ эта роль, образовывается враждебная партія. Достаточно вспомнить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя выпали на долю Веллингтона на Иберійскомъ полуостровѣ въ его борьбѣ противъ наполеоновскихъ войскъ.

Рѣдко удается согласовать работу военнаго командованія съ воззрѣніями дипломатическихъ представителей, находившихся раньше въ странѣ.

Въ Яссахъ положеніе усложнялось еще тѣмъ, что при Королѣ состояли, кромѣ дипломатическихъ, еще и военные представители союзниковъ. которые требовали дѣйствій, когда это было желательно для ихъ государствъ.

Въ противоположность своимъ предшественникамъ Щербачевъ въ кратчайшій срокъ наладилъ всѣ отношенія. Онъ сталъ близкимъ человѣкомъ для Румынскаго Короля. Командующій румынской арміей ген. Презанъ сталъ его другомъ. Установились нормальныя отношенія съ русскимъ посломъ въ Румыніи Поклевскимъ-Козеллъ и съ военными представителями, а въ частности съ ген. Бертело, на-

чальникомъ французской миссіи, руководившимъ реорганизаціей румынской арміи.

Одновременно съ этой дипломатической дѣятельностью, ничего общаго съ прямой работой по военнымъ операціямъ не имѣющей, Щербачеву приходилось удерживать армію и тылъ отъ революціоннаго разложенія. Авторитетъ строевого начальства былъ подорванъ установившейся при вр. правительствѣ системой. Распоряженія центральной власти стали передаваться дежурнымъ генераломъ при Ставкѣ черезъ начальниковъ политическихъ отдѣловъ фронта и арміи прямо въ войска, минуя строевое начальство. Еще чаще правительство обращалось радіограммами непосредственно къ войсковымъ комитетамъ. Этимъ въ свою очередь воспользовался противникъ: установивъ выходъ въ Петроградѣ какого-либо разлагающаго постановленія, онъ передавалъ его русскимъ войскамъ радіограммами.

Послѣ переворота 26 октября было разослано объявленіе «вся власть у большевиковъ», т.-е. не у строевого начальства. Командиры частей получали подобныя распоряженія, а одновременно съ ними и требованія Щербачева о дисциплинѣ и стойкости на фронтѣ. Въ самомъ штабѣ фронта находился политическій отдѣлъ подъ начальствомъ ген. Сытина, работавшій въ противоположномъ Щербачеву направленіи.

Не всѣ лица командного состава вели себя одинаково при вновь смѣнившейся обстановкѣ. Командующій 6-ой арміей ген. Цуриковъ и его начальникъ штаба ген. Радусъ-Зеньковичъ придерживались линіи поведенія, настолько разнящейся отъ взглядовъ

Щербачева, что послѣдній въ частной бесѣдѣ на вопросъ объ ихъ достоинствахъ, взвѣсивъ свои слова, отвѣтилъ, «это совершенные негодяи». Между тѣмъ смѣна старшихъ начальниковъ стала фактически неосуществимой. Деникинъ пишетъ и Щербачевъ согласился предоставить Каледину 6 армію вмѣсто Цурикова, окончательно запутавшагося въ демагогіи. Но по требованію комитетовъ Цуриковъ былъ оставленъ. (Оч. рус. смуты II стр. 163).

Нѣсколько обстоятельствъ помогли Щербачеву задержать темпъ распада арміи: ему удалось добиться того, что фронтовой комитетъ 30 октября 1917 г. принялъ рѣшеніе о непризнаніи совѣтской власти. Позднѣе ему помогло то, что на фронтѣ стояли румынскія войска, близость коихъ удерживала солдатъ отъ порывистаго проявленія свободъ. Наконецъ, между центральной властью и румынскимъ фронтомъ выросла петлюровская Украина. Францiя признала ее 18 дек. 1917 г., Англія и Германія въ началѣ 1918 года. Будучи убѣжденнымъ противникомъ расчлененія Россіи, Щербачевъ все же учелъ этотъ факторъ. Онъ командировалъ въ Кіевъ командира 18-го армейскаго корпуса ген. Геруа съ цѣлью выяснить возможность соглашенія съ директоріей. 3 декабря 1917 г. генеральный секретаріатъ Украинской Народной Республики объявилъ приказъ, въ коемъ указывалось, что петроградское правительство народныхъ комиссаровъ безсильно устроить жизнь изстрадавшихся народовъ Россіи и справиться съ разрухой, царящей въ арміи. Не желаябыть безучастнымъ свидѣтелемъ происходящаго, Генеральный Секретаріатъ постановилъ поэтому

объединить юго-западный и румынскій фронты въ одинъ общій украинскій. Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ признанъ Щербачевъ. Предложеніе перенести Ставку въ Житоміръ Щербачевъ, однако, отклонилъ, указавъ на важность дипломатическихъ связей въ Яссахъ. Начальникомъ своего штаба онъ вопреки желаніямъ Рады назначилъ ген. А. Геруа, возвратившагося изъ Кіева во второй половинѣ декабря 1917 г.

Еще раньше этого во второй половинѣ октября передъ захватомъ власти большевиками, Духонинъ предлагалъ Щербачеву принять верховное командованіе надъ всей русской арміей. Чувствуя, что онъ не можетъ справиться съ обстановкой, Духонинъ нѣсколько разъ вызывалъ Щербачева къ юзу, посвящалъ его въ обстановку и совѣщался о возможныхъ мѣропріятіяхъ. Эти разговоры сынъ Щербачева описываетъ такъ: «Юзы Штаба находились въ полуподвальномъ помѣщеніи штаба. Въ 9 часовъ вечера большинство аппаратовъ не работало. Въ помѣщеніи горѣла лампочка надъ юзомъ Ставки. Въ полной тишинѣ было слышно только шипѣніе аппаратовъ. Присутствовалъ при разговорахъ, кромѣ папы, лишь телеграфистъ и я». Примѣрно въ это время въ штабъ фронта заѣхалъ полк. Одинцовъ. Щербачевъ, отпуская его обратно въ Ставку, поручилъ ему подробно освѣтить обстановку. Когда въ Ставкѣ стали извѣстны намѣренія Крыленки, Духонинъ сообщилъ Щербачеву, что онъ не уступитъ и останется на своемъ посту до конца. Послѣдній посовѣтывалъ ему перенести Ставку въ Кіевъ, гдѣ ручался за ея сохранность. Духонинъ возра-

зилъ, что это можетъ имѣть видъ бѣгства. Щербачевъ настаивалъ. На слѣдующій день Духонинъ просилъ Щербачева, если что случится, принять верховное командованіе. Завѣщаніе его было принято Щербачевымъ съ повтореніемъ совѣта переѣхать. Еще день и Одинцовъ, якобы отъ имени Духонина телеграфировалъ, чтобы Щербачевъ немедленно выѣхалъ въ Ставку ([1]). Однако, послѣ передачи этой телеграммы было получено частное извѣщеніе, что Духонинъ убитъ и что Щербачева въ случаѣ его прибытія въ Ставку ожидаетъ та же участь.

Украинскимъ верховнымъ главнокомандующимъ Щербачевъ оставался недолго. . 12 января 1918 г. Украина объявила 4-ый универсалъ съ рѣшеніемъ заключить миръ. Щербачевъ отказался отъ подчиненія Украйнѣ. Директорія предала его (на бумагѣ) суду. Осложнилъ положеніе выпущенный приказъ о демобилизаціи, переданный и со стороны противника непосредственно въ расположеніи войскъ. Солдаты съ фронта стали уходить. Въ тылу, который служилъ не только русской, но и румынской арміи, воцарилась анархія.

Иностранные представители рѣшили, что единственнымъ исходомъ изъ положенія является созданіе независимой Бессарабіи. Отъ ихъ имени графъ СентъОлеръ предложилъ Щербачеву объявить себя самостоятельнымъ правителемъ Бессарабіи. Посовѣтовавшись со своимъ начальникомъ штаба ген.

([1]) Исходила ли эта телеграмма дѣйствительно отъ Одинцова, поступившаго одновременно съ этимъ на службу къ совѣтскому правительству, или нѣтъ, осталось невыясненнымъ.

Геруа, Щербачевъ, не имѣя никакихъ средствъ воздѣйствія на тылъ, отказался. Румынское правительство заняло Бессарабію своими войсками, послѣ захвата революціонерами Кишинева, перерыва желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія фронта съ тыломъ и послѣ того, какъ посланный Щербачевымъ для усмиренія ген. Некрасовъ, не доѣхавъ до Кишинева, былъ убитъ. Впослѣдствіи, когда русскій фронтъ пересталъ существовать, образовавшаяся въ тылу директорія «Сфатулъ Церіи» обратилась къ румынскому правительству съ просьбой о присоединеніи Бессарабіи къ Румыніи, что привело къ акту 28 марта 1918 г. Щербачевъ согласился на первое введеніе войскъ въ Бессарабію подъ условіемъ декларацін, что румынское правительство выведетъ войска лишь только порядокъ будетъ возстановленъ.

При такой общей обстановкѣ Щербачевъ удержалъ свой фронтъ отъ хаоса. При содѣйствіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, румынскихъ войскъ ему удалось воспрепятствовать массовому уходу войсковыхъ частей съ фронта, что позволяло поддерживать относительный порядокъ и въ тылу. Препятствовать-же просачиванію въ тылъ безоружныхъ было невозможно, фронтъ таялъ. Чтобы создать устойчивыя войсковыя единицы, было приступлено къ формированію національныхъ частей, которыя намѣчено было свести въ 5 корпусовъ: 2-хъ польскихъ Довборъ-Мусницкаго и Галлера, 1-го мусульманскаго Сулькевича и 2-хъ украинскихъ. 6-ой корпусъ предполагалось составить изъ добровольцевъ подъ начальствомъ ген. Кельчевскаго.

Одновременно съ этимъ, по соглашенію съ румынскимъ командованіемъ, на фронтъ выводились всѣ румынскія дивизіи. Щербачевъ полагалъ, что 18 румынскихъ дивизій, укомплектованныхъ полностью, обученныхъ и отлично снабженныхъ необходимымъ, могли вмѣстѣ съ оставшимися еще на фронтѣ русскими войсками удержать до 35-40 слабыхъ по численности дивизій противника.

Имущество фронта зарегистрировывалось и сдавалось подъ расписку румынамъ, поскольку оно не нужно было для новыхъ формированій. Насколько быстро фронтъ таялъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ концѣ ноября 1917 г. было 1.190.264 противъ штата 1.761.245 чел. (382.883 русскихъ и 129.555 румынскихъ штыковъ). Къ 5/18 января 1918 г. на фронтѣ оставалось немногимъ больше 50.000 русскихъ штыковъ. Приказъ о демобилизаціи былъ данъ лишь 25 марта 1918 г.

Между тѣмъ, германскія войска проникли въ Украину, обходя правый флангъ румынскаго фронта. Приглашенный директоріей (Голубовичемъ) ген. Эйхгорнъ занялъ 21/III Кіевъ, 4/IV Харьковъ, 7/V Ростовъ. Австрійцы заняли 12/III Одессу.

При такомъ отчаянномъ положеніи Румынскій Король обсуждалъ съ Щербачевымъ предложеніе, присланное Алексѣевымъ, отойти на новую оборонительную линію въ районъ Дона. Несмотря на рискъ и трудности, Король былъ склоненъ принять этотъ планъ, но правительство колебалось, событія же развивались: формированіе національныхъ частей не дало того, на что расчитывало русское командованіе.

Два украинскихъ корпуса разсыпались: одинъ, будучи еще во времена Рады посланъ на Украину, растаялъ подъ вліяніемъ проникшей въ его ряды пропаганды; другой былъ самовольно снятъ съ фронта и не безъ искусства уведенъ мимо румынскихъ частей въ тылъ временно командующимъ ген. Шильдбахомъ. По прибытіи на родину его постигла та же участь, какъ и перваго. Телеграмма № 65.786 даетъ картину положенія на фронтѣ передъ его уходомъ: «Поглавкорум приказалъ объявить, что замѣнить части 23 (украинскаго) корпуса на позиціи 10-мъ корпусомъ не можетъ, въ виду слабаго численнаго состава. Оставленіе 23-мъ корпусомъ позиціи безъ замѣны кѣмъ-либо равносильно измѣнѣ родинѣ и всякій, кто такой примѣръ подастъ, будетъ считаться измѣнникомъ. Въ случаѣ движенія 23-го корпуса безъ приказанія съ фронта онъ будетъ согласно приказа № 01980 разоруженъ. Приказъ о движеніи 23-го и 16-го корпусовъ Поглавкорум отмѣняетъ и приказалъ напомнить тяжелую отвѣтственность всѣхъ, кто беретъ на себя очищеніе фронта и увеличеніе развала арміи. Яссы, 28 декабря № 0,2224 Геруа». На польскіе корпуса также не приходилось уже расчитывать. Ихъ нельзя было увлечь въ обратномъ отъ ихъ родины направленіи. Они были отосланы въ Польшу, куда и прибыли послѣ всякихъ приключеній. Мусульманскій корпусъ Сулькевича, отосланный въ Крымъ, по дорогѣ, на Днѣстрѣ, былъ окруженъ оккупаціонными войсками нѣмцевъ и лишенъ войскового имущества. Формированіе добровольческаго корпуса свелось къ

набору 600 человѣкъ подъ начальствомъ Дроздовскаго.

При такомъ положеніи на фронтѣ Щербачевъ рѣшилъ взять на себя инищіативу переговоровъ о перемиріи, давая Румынскому Королю сохранить лицо передъ союзниками. Румыны сохранили благодарность Щербачеву за этотъ актъ. Для переговоровъ о перемиріи былъ посланъ ген. Кельчевскій, который выговорилъ условіе, что противникъ не уведетъ съ фронта своихъ дивизій до заключенія мира. Перемиріе между русскимъ Главнокомандующимъ и фельдмаршаломъ Макензеномъ не было унизительнымъ для русскихъ.

Румынія заключила миръ. Германія согласилась на присоединеніе къ Румыніи Бессарабіи.

Въ условія мира было включено расформированіе, если понадобится силой, всѣхъ національныхъ и добровольческихъ русскихъ частей на румынской территоріи. Раньше чѣмъ это условіе было обнародовано, Дроздовская бригада исчезла изъ предѣловъ Румыніи.

18 апрѣля 1918 г. Щербачевъ сообщилъ союзнымъ миссіямъ, что передаетъ ликвидацію фронта ген. Держхайло, и переѣхалъ частнымъ человѣкомъ въ Гдынцы, замокъ князя Богдана. По случаю ухода Щербачева союзные посланники въ Яссахъ обратились къ нему со слѣдующимъ коллективнымъ письмомъ:

Yassy 8 avril 1918.

Excellence

Par votre lettre du 7 avril N 113576, vous nous communiquez que vous vous dem ttez de vos fonctions de Commandant en Chef des Armées Russes du front Roumain et que le général Perjkhaîlo est nommé chef de la commission de démobilisation du front.

Au moment ou vous abandonnez votre poste, permettez nous de vous exprimer nos regrets de ne plus pouvoir travailler en commun et de vous confirmer toute l'estime que vous avez su vous gagner par votre fermeté et votre entière loyauté grâce auxquelles, dans les situations les plus pénibles, vous avez su soutenir dans la mesure du possible les interèts des Alliés.

Veuillez agréer, Excellence, l'assurance de notre complète estime.

Ambassadeurs	de Grande Brétagne	I. Barclay
	des Etats Unis d'Amérique	C. Vopica
	de France	St. Aulaire
	d'Italie	Faciotti

Ходатайство Щербачева о разрѣшеніи переѣхать въ Швейцарію осталось безъ отвѣта со стороны нѣмцевъ.

Въ это время Троцкій прислалъ члена Румгерода Брашевана съ предложеніемъ всему штабу Щербачева въ полномъ составѣ перейти на совѣтскую

службу въ качествѣ полевого штаба Красной арміи. Штабъ отказался.

Изъ общей массы изложенныхъ здѣсь фактовъ выдѣлимъ то, что относится къ темѣ. Въ изложенный періодъ Щербачевъ ведетъ борьбу со внѣшнимъ врагомъ и одновременно готовитъ вооруженныя дѣйствія одними русскими средствами, безъ иностранной помощи, противъ совѣтской власти. Онъ разсчитываетъ на отличающуюся отъ великороссовъ психологію инородцевъ. Кромѣ того, онъ надѣется набрать цѣлый корпусъ изъ русскихъ людей, настолько убѣжденныхъ въ необходимости борьбы съ большевиками, что они съ оружіемъ въ рукахъ последуютъ за нимъ на бой съ совѣтской властью. Расчетъ его не оправдывается. Малороссійскія войска отличаются отъ великорусскихъ лишь темпомъ разложенія. Національныя чувства поляковъ побуждаютъ ихъ идти на родину, а не на вмѣшательство во внутреннія дѣла бывшаго завоевателя. Татарскій корпусъ не выдерживаетъ испытанія. Добравшись до Крыма, татарскія части корпуса уходятъ при первыхъ признакахъ появленія противника.

Неточнымъ оказался и расчетъ на другую категорію борцовъ противъ совѣтовъ — добровольцевъ. Находясь на территоріи чужого государства, Щербачевъ могъ расчитывать найти необходимые для этого элементы лишь въ войскахъ фронта. Между тѣмъ, солдатскій элементъ ухватился за вѣсть о мирѣ. Какъ можно было направить его на борьбу съ большевиками, которые позволяли ему немедленно вернуться домой и обѣщали всю власть передать въ

руки «народа»? Оставались офицеры, дравшіеся съ мужествомъ, а зачастую и геройски противъ внѣшняго врага. Для нѣкоторыхъ оставшихся въ живыхъ теперь понятно почему имъ необходимо было бороться, хотя бы съ точки зрѣнія личной безопасности, не говоря о политической идеи. Тогда же обстановка была для нихъ не ясна. Февральскій переворотъ и послѣдующая политика Временнаго Правительства внесли политическій сумбуръ въ офицерскую среду. Эта среда была по своему составу къ концу 1917 г. далеко не тѣмъ, что въ мирное время.

Русское офицерство было въ корнѣ аполитично. По стандарту жизни русскихъ офицеровъ нельзя было причислить къ буржуазіи. Для многихъ изъ нихъ военная карьера являлась средствомъ къ существованію. Прерогативы классовъ не могли ни въ коемъ случаѣ увлечь ихъ на самопожертвованіе.

Выпущенные во время войны офицеры вели себя доблестно въ бояхъ, но имъ казалось, что они офицеры лишь на время войны, а съ переходомъ на мирное положеніе они становятся снова простыми гражданами, какими были раньше. Мысль о томъ, что какая-либо власть можетъ преслѣдовать ихъ за то, что они выполнили свой долгъ на фронтѣ съ офицерскими погонами, не приходила многимъ, первоначально, въ голову.

При формированіи добровольческихъ частей нельзя было апеллировать къ опредѣленной государственной мысли, изъ опасенія, что любая формула найдетъ наряду съ приверженцами большое число противниковъ. Поэтому и Деникинъ пишетъ: «Мы

не предрѣшали будущаго государственнаго устройства, ни путей и способовъ, коими русскій народъ объявитъ свою волю.»

Нельзя не упомянуть и о фатализмѣ и его дѣтищѣ инертности. Чувство долга побѣждаетъ эту покорность судьбѣ, но когда долгъ не ясенъ и остается лишь личный вопросъ, средній русскій человѣкъ не склоненъ къ рѣшительному воздѣйствію на общій ходъ событій. Поговорка «одинъ въ полѣ не воинъ» не существуетъ ни на одномъ западно-европейскомъ языкѣ. Человѣку съ воинственнымъ эгоизмомъ она не понятна (5).

Такое странное явленіе можно однако объяснить и паденіемъ энергіи. Ллойдъ Джорджъ говоритъ: «Сложная вещь — человѣческая натура. Иногда люди неожиданно дѣлаютъ усиліе, грандіозность котораго всѣхъ изумляетъ. Такимъ усиліемъ была послѣдняя война. А иногда, въ случаяхъ, касаю-

(5) Въ концѣ декабря 1917 г. матросы захватили Ялту, послѣ чего организаторы этого дѣла съ такой-же цѣлью переѣхали на частномъ пароходѣ въ Одессу. Старшимъ начальникомъ въ Одессѣ былъ ген. Санниковъ. Наканунѣ ихъ прибытія не подчиненные ему украинскіе гайдамаки оставили городъ. Когда ген. Санникову доложили о всѣхъ подробностяхъ предполагавшагося на слѣдующій день выступленія, для котораго у матросовъ не могло быть въ началѣ выступленія болѣе 500 чел., онъ лишь развелъ руками. На указаніе, что въ Одессѣ насчитывалось около 10.000 чел. въ офицерскомъ союзѣ, возглавляемомъ ген. Леонтовичемъ, онъ съ грустью сдѣлалъ безнадежный жестъ. Горсть возставшихъ произвела переворотъ въ Одессѣ. Поставили заставы на выходахъ изъ города. Былъ объявленъ срокъ 24 часа для свободнаго ухода изъ города офицеровъ. Повѣрившихъ захватили на заставахъ, прочихъ розыскали по домамъ.

щихся ихъ ближнимъ образомъ, они не предпринимаютъ рѣшительно ничего».

Между тѣмъ исторія показала, что и инертные люди такъ или иначе вынуждены были участвовать въ гражданской войнѣ. Не отдѣльный человѣкъ рѣшаетъ свое отношеніе къ событіямъ, а стихія. Фатализмъ наперекоръ логикѣ близокъ къ истинѣ. Разумъ—величина другого, чѣмъ истина, измѣренія. Объема нельзя измѣрить точкой. Черви вникаютъ основательнѣе въ окончательные результаты человѣческаго бытія, чѣмъ Кантъ со своимъ «чистымъ разумомъ» и «категорическимъ императивомъ». При данной обстановкѣ офицеры ни «категорическаго» ни вообще какого-либо «императива» не могли у себя обнаружить, и ихъ въ этомъ никто не можетъ винить.

Эти обстоятельства, а также неблагопріятно создавшаяся впослѣдствіи обстановка, въ связи съ проникновеніемъ нѣмцевъ въ Малороссію и заключеніемъ мира Румыніей, воспрепятствовали закончить формированіе на румынскомъ фронтѣ добровольческаго корпуса. На помогу добровольческой арміи, на югъ Россіи, отправилась лишь бригада ген. Дроздовскаго, пробившись туда черезъ оккупированную нѣмцами территорію. Кромѣ того, подъ начальствомъ полк. Ильина, былъ отправленъ въ Добровольческую армію пароходъ съ санитарнымъ имуществомъ, весьма пригодившимся добровольцамъ. Впослѣдствіи была налажена отправка вооруженія и аммуниціи.

Неудача съ формированіемъ національныхъ и добровольческихъ частей изъ войскъ румынскаго фронта, казалось, выбивала карты изъ рукъ Щерба-

чева. Въ дальнѣйшихъ главахъ мы увидимъ, однако. какіе у него нашлись еще неожиданные козыри.

Глава 4-ая.

Живя въ сторонѣ, въ замкѣ Гдыицы, Щербачевъ обдумывалъ планы, могущіе при разныхъ обстановкахъ привести къ побѣдѣ надъ большевиками. Онъ велъ переписку съ начальниками добровольческихъ армій, гдѣ послѣ смерти Алексѣева и въ особенности послѣ германской оккупаціи (Ф. Кнерцеръ, имѣя 3 пѣх. дивизіи и 1 кав. дивизію. послѣ кровопролитнаго боя занялъ въ началѣ мая Батайскъ и стремился установить сношеніе съ казаками), происходили нелады между ген. Деникинымъ и атаманомъ Красновымъ. Первый обвинялъ второго въ германофильствѣ. Красновъ же указывалъ на свое непосредственное соприкосновеніе съ германскими оккупаціонными войсками и на необходимость сохраненія добрососѣдскихъ съ ними отношеній. Онъ получалъ отъ нѣмцевъ снабженіе и, передавалъ таковое и деникинской арміи.

Принятіе Щербачевымъ верховнаго командованія надъ всѣми антисовѣтскими арміями юга Красновъ считалъ единственнымъ средствомъ для устраненія дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Щербачевъ, однако, думалъ объ иныхъ путяхъ: онъ расчитывалъ на побѣду надъ большевиками лишь съ помощью союзниковъ; всѣ его помыслы шли къ тому, чтобы стать связующимъ звеномъ между верховнымъ совѣтомъ союзниковъ въ Парижѣ, и ар-

міями уже существующими, а также и тѣми, которыя онъ мечталъ создать съ ихъ помощью. Поэтому онъ отъ предложенія Краснова отказался и просилъ Краснова подчиниться Деникину.

Осенью 1918 г. Щербачевъ послалъ въ добровольческую армію полк. ген. штаба Мельчакова съ письмами командному составу для полученія отъ старшихъ начальниковъ ихъ соображеній по поводу его плановъ. Отвѣтъ совпалъ съ крушеніемъ южнаго фронта центральныхъ державъ.

Когда ген. Бертело во главѣ союзныхъ войскъ въѣхалъ черезъ Джорджіу въ Букарестъ, Щербачевъ отправился къ нему для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе. Ген. Бертело, передавъ ему отъ имени Франціи почетный легіонъ большого креста и обсудивъ съ нимъ обстановку, остановился на планѣ, о которомъ Щербачевъ въ тотъ же вечеръ, 15 ноября 1918 г., писалъ ген. Деникину слѣдующее:

«Милостивый Государь Антонъ Ивановичъ, какъ я писалъ Вамъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, я посѣтилъ ген. Бертело въ его главной квартирѣ въ Букарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Маршала Франшэ д'Эспре и далѣе въ Парижъ съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны въ Россіи.

Въ Букарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли предположенія.

Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣній съ генераломъ Бертело, съ коимъ насъ свя-

зывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Франшэ д'Эспре.

Генералъ Бертело, имѣющій личную идѣйную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя союзныхъ версальскихъ совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнокомандующаго арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи» и въ качествѣ таковаго лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся юга Россіи и спасенія ея отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ впередъ настолько, что нынѣ едва ли остается желать въ этомъ отношеніи ничего сверхъ предположеннаго на совѣщаніяхъ моихъ съ генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1) Для оккупаціи Юга Россіи будетъ двинуто настолько быстро, насколько это только возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на сихъ же дняхъ.

2) Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3) По предложенію союзниковъ и Бертело, я буду состоять при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4) База союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ теперь быстро.

5) Союзными войсками на югѣ Россіи первое время будетъ командовать корпусный генералъ д'Ансельмъ съ Главною Квартирой въ Одессѣ, гдѣ

буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6) Генералъ Бертело, до времени, со своей Главною Квартирой остается въ Букарестѣ.

7) По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ, несомнѣнно, заняты ко времени полученія Вами этого письма, союзники займутъ быстро Кіевъ, Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе сорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8) Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на югѣ Россіи во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и районахъ формированій этихъ армій, по мѣрѣ продвиженія союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ союзныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9) Въ Одессу, какъ главную базу союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч.

10) Боевые запасы бывшаго Румынскаго фронта и Украины, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось дѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество союзниковъ.

11) Относительно финансовой поддержки намъ у союзниковъ вырабатывается особый специальный планъ.

Изъ изложенной схемы Вы видите широту достигнутаго въ Букарестѣ. Подробности сообщу Вамъ лично, для чего прибуду въ Новороссійскъ на французскомъ военномъ кораблѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. О выѣздѣ предупрежу Васъ особо.

Все сообщаемое — секретъ, частью неизвѣстный даже начальнику штаба генерала Бертело. Успѣхъ дѣла требуетъ, до времени, искуснаго храненія тайны.

Не откажите телеграфировать мнѣ о времени полученія этого письма срочнымъ порядкомъ черезъ адмирала Ненюкова, по двумъ адресамъ: въ Яссы черезъ Русскаго Посланника и въ Одессу черезъ Адмирала Ненюкова.

Примите и проч.»

Выѣхавъ въ Яссы, Щербачевъ добавилъ къ этимъ свѣдѣніямъ подробности, о которыхъ узнаемъ изъ письма отъ 20 ноября 1918 г.

«Глубокоуважаемый Антонъ Ивановичъ, съ Капитаномъ Федоровымъ (ген. Штаба, посланецъ ген. Деникина, — А. Г.) я сообщилъ Вамъ общее положеніе и работу въ Яссахъ ко времени моей поѣздки къ генералу Бертело. Въ прилагаемомъ письмѣ, написанномъ въ Букарестѣ, (оно въ копіи у Васъ, — А. Г.) изложено все то, что мною тамъ сдѣлано. Вчера вечеромъ я вернулся въ Яссы и въ настоящее время хочу изложить свои впечатлѣнія и нѣкоторыя данныя для Вашего свѣдѣнія.

Все изложенное, какъ въ прилагаемомъ письмѣ, такъ и въ этомъ извѣстно только посланнику Поклевскому и подполковникамъ Щербачеву и Мельчакову безъ права сообщенія кому-нибудь, такъ какъ ген. Бертело просилъ все сохранить въ секретѣ до нашего прибытія въ Одессу.

Кого найдете нужнымъ, не откажите посвятить, главнымъ образомъ, мнѣ кажется, С. Д. Сазонова.

По пріѣздѣ въ Букарестъ 15 ноября, я узналъ, что къ вечеру прибудетъ туда генералъ Бертело со Штабомъ (пока неофиціально до торжественнаго въѣзда Короля 19 ноября).

Тотчасъ по пріѣздѣ вечеромъ я былъ у ген. Бертело и вторично 16 утромъ съ генераломъ Геруа и былъ приглашенъ французскій генералъ д'Ансельмъ, который будетъ командовать первыми высадившимися войсками въ Одессѣ.

Генералъ Бертело, съ которымъ я работалъ почти годъ въ Румыніи, проявилъ выдающуюся любезность и твердо заявилъ, что союзниками рѣшено оказать серьезную помощь Россіи, въ видахъ возстановленія порядка и единой Россіи: не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла, дать возможность скорѣе организовать Всероссійское Правительство. Изъ разговора съ нимъ ясно было отрицательное отношеніе ко всѣмъ, кто работалъ съ нѣмцами, и самое доброжелательное отношеніе къ Добровольческой Арміи и къ Вамъ лично и готовность оказать полное содѣйствіе.

Будучи назначенъ Версальскимъ совѣщаніемъ Главнокомандующимъ Союзными войсками въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи, широко по-

нимая это и получивъ широкія полномочія и права, онъ отъ имени союзниковъ и себя предложилъ мнѣ состоять при немъ, указавъ, что ничего не будетъ предпринято безъ моего согласія и добавилъ, что моя поѣздка въ Парижъ теперь была бы излишней, такъ какъ всѣ вопросы могутъ быть рѣшены съ нимъ.

Руководствуясь данными мнѣ полномочіями состоять при высшемъ союзномъ командованіи, я счелъ себя вправѣ дать согласіе и переговорить по всѣмъ главнымъ вопросамъ съ генераломъ Бертело. Думаю, что при этихъ условіяхъ и постоянно поддерживая связь съ Вами, легче будетъ координировать дѣйствіе нашихъ войскъ и союзниковъ и содѣйствовать выполненію принятаго Вами плана.

Какъ я писалъ, всего будетъ назначено 12 французскихъ и греческихъ дивизій и кромѣ того одна или двѣ англійскихъ направлено со стороны Каспійскаго моря. Румыны офиціально не принимаютъ участія, но въ виду недостатка французскихъ войскъ, будутъ добавлены румыны, примѣрно по батальону на полкъ, причемъ все командованіе будетъ французское и, быть можетъ, даже французская форма одежды.

Главная Квартира Бертело пока остается въ Бухарестѣ, а для поѣздокъ у него будетъ поѣздъ.

Первыми высаживающимися войсками будетъ командовать генералъ д'Ансельмъ, имѣя Главную Квартиру въ Одессѣ, куда меня просилъ также пріѣхать генералъ Бертело, а для выясненія съ Вами всѣхъ вопросовъ и установленія общаго плана дѣйствій, онъ придаетъ большое значеніе скорѣйшему моему личному свиданію съ Вами, обѣщавъ предо-

ставить мнѣ для этого французскій крейсеръ. О времени выѣзда буду телеграфировать, надѣюсь около 30 ноября быть у Васъ.

Приняты мѣры по установленію прямой связи Одессы съ Бухарестомъ и съ Вами и съ главными городами юга.

Независимо энергичныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій на югѣ, предположено наступленіе англичанъ на Петроградъ и высадка въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря, наступленіе японцевъ и американскихъ войскъ въ Сибири и содѣйствіе польскихъ войскъ на западѣ: такимъ образомъ большевизія будетъ окружена сплошнымъ кольцомъ, послѣ чего будетъ предъявленъ рѣшительный ультиматумъ большевикамъ.

Генералъ Бертело придаетъ большое значеніе скорѣйшему формированію русскихъ армій по мѣрѣ продвиженія союзниковъ для предстоящихъ активныхъ дѣйствій.

Мое личное мнѣніе, что надо имѣть 4—5 армій, — 1) Добровольческую, 2) 1—2 арміи на Дону и 3) двѣ арміи въ Малороссіи и Новороссіи, для чего теперь же долженъ быть разработанъ планъ формированія, призывъ, при чемъ можно использовать кадры и подготовку, сдѣланную въ Украинскомъ Штабѣ.

При этомъ придется сформировать штабъ Главнокомандующаго войсками Южной Россіи, который, вѣроятно, будетъ выдѣленъ изъ штаба Добровольческой Арміи и два Штаба армій въ Малороссіи и Новороссіи. Намѣтивъ Командующихъ этими арміями, можно на нихъ возложить формированія. Со своей стороны могъ бы указать на генераловъ Кельчевскаго

и Пержхайло, бывшихъ командующихъ 9-й и 6-й армій, до послѣдней минуты высказавшихъ себя съ лучшей стороны.

Генералъ Пержхайло въ Кіевѣ и имѣетъ подготовленныхъ нѣсколько личныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и знакомъ съ обстановкой. Оба всегда были строго русскаго направленія и пользовались довѣріемъ союзниковъ.

По указаннымъ вопросамъ ко времени моего пріѣзда къ Вамъ желательно получить Ваше рѣшеніе.

Генералъ Бертело высказалъ, что до сформированія Всероссійскаго Правительства и назначенія соотвѣтствующихъ административныхъ лицъ, лучше предоставить продолжать работу существующей администраціи, кромѣ лицъ враждебныхъ союзникамъ. Въ виду же особаго значенія, которое получаетъ Одесса, казалось бы, здѣсь нужно лицо энергичное, твердое и строго общерусскаго направленія, чему генералъ Раухъ, думаю, не отвѣчаетъ.

Всѣ лица, состоящія при мнѣ, будутъ работать съ французскимъ штабомъ, и всѣ наши усилія будутъ направлены для достиженія русскихъ интересовъ. По прибытіи, надѣюсь, подробно ознакомить съ общей обстановкой и получить рѣшеніе по всѣмъ возникающимъ вопросамъ. Генералъ Герua останется при генералѣ д'Ансельмѣ на случай возникновенія какихъ-либо вопросовъ, и я прибуду съ 1—2 лицами и надѣюсь въ 2 дня удастся все переговорить.

Примите и проч.».

Разрабатывая схему дальнѣйшихъ дѣйствій, Щербачевъ ждалъ въ Яссахъ прибытія генерала Бертело, пославшаго весь планъ на утвержденіе Клемансо и маршала Франшэ д'Эспре. Окончательныя дѣйствія должны были быть установлены на совѣщаніи въ Яссахъ по полученіи соотвѣтствующихъ отъ Клемансо указаній.

Къ частичному осуществленію плана было, однако, приступлено сразу же. Началась переброска въ Одессу, въ видѣ авангарда намѣченной къ развертыванію на югѣ Россіи союзной арміи, частей генерала д'Ансельма.

Не получивъ извѣстій отъ ген. Бертело, Щербачевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прибытія въ Яссы. Прошло болѣе двухъ недѣль и нетерпѣніе начало переходить въ безпокойство. Между тѣмъ съ самаго начала выполненія плана начались тренія. Такъ, ген. д'Ансельмъ назначилъ начальнику Штаба фронта генералу Геруа, который долженъ былъ состоять при немъ, мѣсто на одномъ изъ судовъ, везшихъ его обозъ, подчеркнувъ этимъ насколько онъ собирался съ нимъ считаться. Поэтому вмѣсто ген. Геруа былъ назначенъ полковникъ Кропочевъ.

Наконецъ ген. Бертело пріѣхалъ въ Яссы на похороны французскаго ген. Лафона и сообщилъ, что планъ не нашелъ одобренія верховнаго совѣта союзниковъ. Клемансо его отмѣнилъ и предложилъ рядъ другихъ мѣръ. Во что все вылилось, видно изъ письма Щербачева В. А. Маклакову отъ 1—14 декабря.

«Милостивый Государь, Василій Алексѣевичъ. Обстановка вновь измѣнилась, а слѣдовательно и планъ дѣйствій.

Генералъ Бертело заявилъ, что эти дни имѣлъ рядъ сношеній съ г. Клемансо и, по соглашенію съ союзниками, призналъ рискованнымъ дѣйствовать утомленными войсками, не имѣя притомъ возможности снабдить и обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ. Вслѣдствіе этого рѣшено сформировать новыя французскія дивизіи и сегодня одинъ полкъ французовъ высаживается въ Одессѣ, другой въ Севастополѣ, а третій двинутъ изъ Яссъ въ Тирасполь; я предложилъ занять Раздѣльную и Николаевъ. Одновременно предъявлено требованіе нѣмецкимъ войскамъ содѣйствовать поддержанію порядка на Украйнѣ, а Винниченко и Петлюрѣ заявлено, что въ случаѣ, если они будутъ способствовать нарушенію порядка, то они будутъ лично отвѣтственны. Относительно дѣйствій на сѣверѣ англичанъ и на востокѣ американцевъ переговоры продолжаются. Принимая во вниманіе изложенное, я вмѣстѣ съ однимъ французскимъ офицеромъ послѣзавтра ѣду въ Букарестъ и оттуда черезъ Констанцу въ Новороссійскъ и Екатеринодаръ для переговоровъ съ ген. Деникинымъ. Это важно, какъ въ виду установленія дальнѣйшаго плана дѣйствій, такъ и по возможности, чтобы постараться сгладить тренія, возникшія между ген. Деникинымъ и Атаманомъ Красновымъ. . .»

Итоги всего предпріятія опредѣляетъ Н. Какурінъ въ книгѣ «Какъ сражалась революція» изд. 1926 г. томъ II.

«Въ половинѣ февраля 1919 г. въ Одесской оккупаціонной зонѣ было сосредоточено: дивизія французовъ (ген. Деникинъ считаетъ 1½ дивизіи), около 6.000 чел., 2.000 (2 дивизіи) грековъ. (Начальникомъ греческаго корпуса въ Одессѣ былъ генералъ Негропонтусъ, (зап. ген. Геруа), около 4.000 (1 бригада) поляковъ и до 1.500 добровольцевъ (5.000 добровольческ. бригада ген. Тимановскаго): всего 12.000 чел. Въ началѣ апрѣля во Франціи пало министерство Клемансо, дѣятельнаго сторонника активной интервенціи, и первыми шагами его преемника было отозваніе союзнаго десанта изъ предѣловъ совѣтской территоріи.

Франко-греческія войска получили приказаніе очистить территорію Одессы въ 3-дневный срокъ, но они поспѣшили очистить территорію города и порта въ сутки съ небольшимъ, войдя въ переговоры о различныхъ подробностяхъ своего ухода съ мѣстнымъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и передавъ ему всю власть въ городѣ.

Войска атамана Григорьева 6 апрѣля заняли городъ Одессу. 17 апрѣля части красной арміи вступили въ Севастополь.

На этомъ и окончилась попытка активной интервенціи Франціи».

Если изложенная въ предшествующей главѣ первая попытка Щербачева свергнуть большевиковъ одними россійскими средствами въ корнѣ таила элементы неудачи, то грандіозный планъ, выработанный съ генераломъ Бертело, не удался лишь благодаря стеченія ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Самостоятельный и убѣжденный въ правильности своихъ дѣйствій и рѣшеній энергичный начальникъ, облеченный полною властью, могъ выслать впередъ всѣ 12 дивизій одновременно. Онѣ въ кратчайшій срокъ вѣроятно безъ сопротивленія заняли бы линію Кіевъ-Харьковъ. Иностранной арміи, отлично снабженной всѣми техническими средствами, большевики и дальше не могли бы оказать серьезнаго сопротивленія. Никакой прочной организаціи въ этотъ періодъ у нихъ еще не было, а съ голыми руками противъ танковъ и аэроплановъ сражаться было немыслимо. Народныя массы съ полной апатіей покорялись чужеземной власти, какъ мы видѣли повсемѣстно при германской оккупаціи, Бертело могъ поставить союзниковъ передъ совершившимся фактомъ, всегда оправдываемымъ необходимостью обезпечить себя со стороны большевиковъ и установить связь съ Польшей. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ оказалось и то, что для выполненія плана предназначались первоначально французскіе войска, а не войска другихъ союзниковъ, коихъ не пришлось бы отзывать по мѣняющемуся настроенію французскаго кабинета или парламента. Во главѣ авангардныхъ группъ, французскій начальникъ и начальникъ его штаба оказались мало подходящими для выполненія возложенной на нихъ задачи.

Не будь этихъ факторовъ, то кромѣ немедленнаго продвиженія на линіи Кіевъ-Харьковъ, которое уже само по себѣ сыграло бы моральную роль, размѣръ коей учесть трудно, въ тылу за этой линіей началось бы формированіе войска отчасти изъ французскихъ кадровъ, въ кои должны были вливаться русскія, а

также греческія, а можетъ быть и румынскія силы ([6]).

Всѣ войска могли быть снабжены съ избыткомъ изъ военнаго имущества бывшаго румынскаго фронта, сданнаго Румыніи, и использованіе котораго не встрѣчало бы серьезныхъ препятствій. Наконецъ, денежныя средства даже еще 18 февраля — 5 марта были весьма значительны и, при успѣхѣ, въ нихъ не было бы отказано.

Планъ былъ принятъ ген. Бертело 15/28 ноября, а отозваніе войска изъ Одессы произошло въ началѣ апрѣля. За 4 мѣсяца войска съ линіи Кіевъ-Харьковъ могли дойти до Москвы. Если же они ограничились бы выдвиженіемъ на эту линію, то за этотъ срокъ новыя формированія, т. е. цѣлыя арміи до 500.000 чел., уже независимыя отъ политическихъ

([6]) Одинъ изъ позднѣйшихъ проектовъ формированія такихъ бригадъ, коимъ при послѣдующей, иной уже обстановкѣ ген. Шварцъ въ Одессѣ долженъ былъ заняться, упоминается въ письмѣ ген. Геруа ген. Деникину, отъ 18/II — 5 марта 1919 г. № 255, Букарестъ.

«По поводу бригадъ «mixtes» генералъ Бертело, видимо, желалъ бы быть понятымъ и, ища сближенія мысли насчетъ организаціи будущей вооруженной силы въ районѣ Одесскаго плацдарма, чѣмъ онъ очень озабоченъ, выразился такъ: «Я думалъ оказать пользу общему дѣлу, привлекая русскихъ и французовъ къ созданію общихъ войсковыхъ единицъ, обезпеченныхъ значительнымъ содержаніемъ. Конечно, я расчитывалъ впослѣдствіи, когда это дѣло окрѣпло бы, передать эти войсковыя части русской власти.» Повидимому, генералу Бертело въ бесѣдѣ со мною хотѣлось разсѣять сомнѣнія многихъ русскихъ въ цѣляхъ созданія бригадъ «mixtes». И мнѣ показалось, что это усиліе генерала Бертело убѣдить меня, имѣло совершенно чистосердечное происхожденіе. . .»

теченій во Франціи, оказались бы достаточнымъ средствомъ для достиженія конечныхъ цѣлей Щербачева.

Совѣтская власть должна была пасть: случайное стеченіе обстоятельствъ ее спасло.

Наступило бы послѣ этого всеобщее умиротвореніе?

Въ своемъ письмѣ Щербачеву, написанномъ наканунѣ смерти, Алексѣевъ высказываетъ опредѣленное убѣжденіе, что Россія не созрѣла для монархической идеи. Періодъ мартъ-октябрь 1917 г. оставилъ слишкомъ глубокіе слѣды; антимонархическіе элементы усилились и организовались при временномъ правительствѣ.

Добровольческое движеніе не имѣло успѣха въ числѣ многихъ причинъ и изъ-за отсутствія привлекательнаго и убѣдительнаго лозунга. Попытка прикрыть зіяющую пропасть между разнородными груп-

Проектъ объ этихъ бригадахъ, сообщаетъ въ своей запискѣ ген. Геруа, разрабатывался въ Одессѣ въ штабѣ ген. д'Ансельма. Ген. Щербачевъ, на своемъ обратномъ пути изъ Добровольческой арміи въ Румынію заѣхалъ въ Одессу и тамъ по этому поводу говорилъ съ ген. Шварцемъ, бывшимъ Ивангородскимъ Комендантомъ, привлеченнымъ французами къ работамъ по этому проекту. Въ результатѣ этого собесѣдованія ген. Щербачевъ остался увѣреннымъ въ пользѣ подобнаго формированія, снабженнаго, къ тому же, большими денежными и техническими возможностями. Его не смущала предположенная перемѣна формы, одежды и даже офицерскихъ погонъ, какъ это имѣло мѣсто въ Добровольческой арміи, настаивавшей на сохраненіи старыхъ образцовъ.

Соображенія о томъ, что утомленныя французскія войска не могли бы дать необходимыхъ кадровъ для этихъ формированій, также нельзя признать правильными.

пами, ополчившихся противъ коммунизма, не могла увѣнчаться успѣхомъ. Лозунги были связаны съ мыслью о неизбѣжныхъ разногласіяхъ, а не съ идеей о всеобщемъ успокоеніи. Неопредѣленное не побѣждаетъ опредѣленнаго (7).

Администрація въ тылу Добровольческихъ армій была въ рукахъ представителей лѣвыхъ партій, а передовые борцы были почти всѣ правыми. Одни не знали точно, для кого дерутся, другіе не вѣрили тѣмъ, кто добивался власти. Не считаться съ этимъ не могъ ни одинъ изъ высшихъ военныхъ начальниковъ. А что думало населеніе? Удалось ли бы Щербачеву, въ данномъ случаѣ, привести къ одному знаменателю политическія партіи, противоположными путями ищущія счастье?

Кромѣ нихъ полтораста милліоновъ оставалось еще неопрошенными.

Правда, эта масса отличалась рѣдкой покорностью и инертностью, какъ теперь такъ и въ прош-

---

(7) Ген. Деникинъ придерживался иного убѣжденія: онъ пишетъ на стр. 210, томъ IV. Очерки Русской Смуты: «Борьба съ большевиками до конца». «Великая Единая Нераздѣльная», «Автономія и самоуправленіе», «Политическія свободы», вся эта цѣнная кладь, могла быть погружена на государственный возъ, при общемъ или почти общемъ (кромѣ федералистовъ и самостійниковъ) сочувствіи. Казалось, что съ одной этой кладью подъ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ можно будетъ довести его до Москвы, а если тамъ при разгрузкѣ произошло бы столкновеніе разномыслящихъ элементовъ, даже кровавое, то оно было бы во всякомъ случаѣ менѣе длительнымъ и изнурительнымъ для страны, чѣмъ большевицкая неволя... но и идти дальше этого (лозунга) было уже труднѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось бы вскрывать разъѣдавшее насъ разногласіе.

-номъ, и выдерживала цѣлыми столѣтіями порядки варяговъ, татарское иго, и чуждый народному характеру режимъ табели ранговъ, о которыхъ Жанъ Жакъ Руссо сказалъ: Les russes ne seront jamais policés; parcequ' ils l' ont été trop tôt. Pierre avait le genie imitatif: il a voulu civiliser son peuple quand il ne fallait que l' aguérrir. Il a d' abord voulu faire des allemands, des anglais, quand il fallait commencer par faire des russes; il a empeché ses sujets de devenir ce qu' ils pourraint être en leur persuadant qu' ils étaient, ce qu' ils ne sont pas "

Прародитель русской общины бар. Гакстгаузенъ, съ другой стороны, высказываетъ задолго до появленія дѣтища западной цивилизаціи — соціальной теоріи Карла Маркса слѣдующую мысль: Les russes ne sont pas des barbares, mais une race noble, fraiche, pleine de force et d' esprit, devouée aux sentiments religieux, aux bonnes moeurs; mais des que leur sang est infecté du poison de la civilisation moderne, leurs vertus nationales disparaissent et il ne reste que l' animal, qui est au fond de chaque homme. Alors le russe parait encore plus degradé que les membres des nations occidentales qui supportent mieux le poison de la civilisation parceque ce poison s' est depuis longtemps assimilé à leurs moeurs (Moeurs et caractères des peuples, Cortembert.)

Интересно, что «ядъ» дѣйствительно разно подѣйствовалъ на національности, благодаря чему образовались буржуазныя окраинныя государства. Вопросъ въ 1918 году сводился къ тому, успѣлъ ли ядъ цивилизаціи уже ассимилироваться или на это нужны были еще поколѣнія.

По мнѣнію другихъ, возможно было еще примѣненіе противоядія, иные считали, что необходимъ сталъ оперативный ножъ.

Эти вопросы снова приводятъ насъ къ загадкѣ объ упомянутомъ общемъ знаменателѣ, получаемомъ легко при дѣленіи и умноженіи; дѣйствительность показываетъ, что не отвлеченная справедливость порождаетъ его: его выдавливаетъ механическій прессъ.

Такъ какъ приходъ союзниковъ на Югъ Россіи тѣсно связанъ съ иниціативой Щербачева, то приходится упомянуть и о неожиданныхъ послѣдствіяхъ французской интервенціи и оккупаціи и о связанныхъ съ ними до извѣстной степени дѣйствіяхъ англичанъ.

При Украинской директоріи, т. е. до прихода 28 апрѣля 1918 г. къ власти гетмана Скоропадскаго, въ Кіевѣ состоялъ представителемъ Франціи г. Энно, переѣхавшій послѣ гетманскаго переворота въ Кишиневъ. 30 октября Энно, поддержанный Шульгинымъ, собралъ въ Яссахъ совѣщаніе русскихъ общественныхъ дѣятелей. Почетнымъ членомъ его былъ избранъ и Щербачевъ. Въ засѣданіяхъ приняли участіе и иностранные послы. Это Ясское совѣщаніе представило союзнымъ представителямъ 13 ноября меморандумъ, среди пунктовъ котораго былъ упомянутъ принципъ «Единой Недѣлимой» и требованіе немедленной широкой помощи съ замѣною германскихъ гарнизоновъ въ Малороссіи и Новороссіи вооруженными силами русскихъ и союзниковъ. Предполагалось объединеніе командованія

въ рукахъ русскаго начальника, на котораго возлагалось бы и формированіе антибольшевистской арміи.

Эти пожеланія раздѣлялись первоначально и представителями союзниковъ. Но на практикѣ пункты не были примѣнены.

Энно, вернувшись на Украину, призывалъ населеніе къ порядку и къ поддержанію власти сначала гетманской, потомъ директоріи, которая въ этомъ узрѣла свое признаніе и использовала это въ переговорахъ съ германскими оккупаціонными властями.

Послѣ отреченія гетмана, Кіевъ былъ, съ согласія нѣмцевъ, 14 декабря занятъ войсками директоріи, что ставится въ связь съ дѣятельностью бывшаго подчиненнаго Энно — француза Мулена. Впослѣдствіи и ген. Бертело, заявившій, что Украина — австро-германское изобрѣтеніе, и ген. д'Ансельмъ вступали въ переговоры съ директоріей. Въ Парижѣ, гдѣ украинцы вели пропаганду, предсѣдатель парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ Франклинъ-Буйонъ продолжалъ говорить о предполагавшейся помощи директоріи. Кромѣ такого моральнаго, вопреки принципу «Единой Недѣлимой», полупризнанія, французы передали директоріи, не смотря на горячій протестъ Деникина, громадные склады бывшаго румынскаго фронта, оставшіеся въ его тылу.

Вопросъ о командованіи также вылился въ другія формы, чѣмъ предполагалось въ Яссахъ. 3 января 1919 года капитанъ Фуке отъ имени ген. Франшэ д'Эспре обѣщалъ атаману Краснову помощь лишь при условіи безпрекословнаго подчиненія Краснова

Деникину и обоихъ — Франше д'Эспре (были и экономическія требованія). Деникинъ рѣзко протестовалъ — Фуке убрали.

Франція и Англія провели демаркаціонную линію Босфоръ-Донъ-Царицынъ, предполагая подчинить мѣстности къ западу отъ нея французскому главному командованію, а къ востоку отъ нея — англійскому, о чемъ Деникину сообщилъ французскій представитель полк. Корбейль. Французы предполагали установить на этой линіи свои паспортныя бюро. Ген. Деникинъ заявилъ категорическій протестъ. Ген. Бертело отдалъ въ Одессѣ приказъ о подчиненіи мѣстной власти ген. д'Ансельму. Приказомъ послѣдняго, отъ 14 марта, вопреки протесту ген. Деникина, Одесса была подчинена французамъ. Это привело къ серіозному конфликту. Ген. Деникинъ писалъ ген. Санникову въ Одессу (съ копіей ген. д'Ансельму: «...я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною... По поводу дѣйствій ген. д'Ансельма дѣлается сношеніе съ франц. правительствомъ 18 марта № 389» (Очер. Рус. См., т. V, стр. 46). Съ своей стороны, ген. Франше д'Эспре издалъ 20 марта приказъ, согласно которому онъ принималъ командованіе союзными войсками на югѣ Россіи (Бертело сохранилъ командованіе на Балканахъ). Одесса подчинялась окончательно д'Ансельму, представители ген. Деникина, ген. Санниковъ и ген. Гришинъ-Алмазовъ высылались изъ города, а русскій ген. Шварцъ былъ назначенъ Одесскимъ генералъ-губернаторомъ. Ген. Деникинъ генерала Шварца не призналъ. Встрѣтивъ при этой рѣши-

тельной борьбѣ за престижъ русской верховной власти оппозицію и со стороны русскихъ. ген. Деникинъ, «принявъ во вниманіе совѣты управ. отд. иностр. дѣлъ о необходимости величайшей выдержки», послалъ протестъ въ смягченной формѣ и предложилъ ген. Франше встрѣтиться для обсужденія, (Оч. Рус. См., т. V. стр. 50). Но ген. Франше уклонился, какъ и ген. Бертело въ предшествующій періодъ. Въ разговорѣ съ ген. Боровскимъ ген. Франше д'Эспре пояснилъ свои дѣйствія: «нѣтъ никакой добр. арміи или сибирской арміи, а есть одна русская армія, какъ рѣшило образовавшееся въ Парижѣ Русское правительство въ составѣ Сазонова, Львова, Маклакова и ген. Щербачева! (тамъ-же, стр. 50).

Когда зашла рѣчь о переходѣ ставки Деникина въ Севастополь, ген. Франше д'Эспре увѣдомилъ его черезъ миссію: «нахожу, что ген. Деникинъ долженъ быть при добр. арміи, а не въ Севастополѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, которыми онъ не командуетъ». Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что эти вопросы входятъ въ его компетенцію, и послалъ протестъ черезъ Сазонова съ тѣмъ, чтобы «было обращено вниманіе французскаго правительства на недопустимость ни по существу, ни по тону подобнаго обращенія французскаго генерала» (тамъ-же, стр. 61).

Съ своей стороны ген. Франше д'Эспре написалъ, что отношенія къ французамъ совершенно недопустимы.

Послѣ оставленія французами Одессы и Севастополя, французскій капитанъ 2-го ранга Бенетъ, командующій отрядомъ судовъ для обороны Керчен-

скаго полуострова, написалъ командующему Крымскою группой ген. Боровскому: «... передвиженія добр. арміи могутъ быть допущены только по письменному распоряженію, подписанному ген. Деникинымъ и мной. Въ противномъ случаѣ я буду противодѣйствовать силой». Ген. Деникинъ потребовалъ, чтобы кап. Бенетъ былъ немедленно отозванъ, т. к. «исполненіе имъ своихъ угрозъ можетъ вынудить начальника добров. войскъ къ дѣйствію артиллеріи противъ французскихъ судовъ» (тамъ-же, стр. 66).

17 апрѣля англо-французскимъ комитетомъ въ Парижѣ, безъ участія представителя Деникина, были выработаны положенія о взаимоотношеніяхъ союзныхъ и русскихъ начальниковъ. На присланный протоколъ ген. Деникинъ отвѣтилъ, что «недоумѣваетъ, какъ можно провести его въ жизнь, принимая во вниманіе 1) что на территоріи вооруж. силъ Юга онъ Верховный ком. арміей, а на территоріи, занятой добров. арміей — и Верховный Правитель, 2) что въ операціяхъ русскихъ арміи не предположено участіе французскихъ войскъ». На вторичный запросъ уже англичанъ, ген. Деникинъ отвѣтилъ: «... право распоряженія русскими войсками остается въ полной мѣрѣ за русскимъ главнокомандующимъ» (тамъ-же, стр. 63).

Ген. Деникинъ считалъ Францію обязанной оказывать помощь. Французы считали, что обязываютъ русскихъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ французскіе начальники разныхъ степеней считали себя въ правѣ распоряжаться въ качествѣ высшей инстан-

ціи. Каждый, вѣроятно, имѣлъ основанія считать себя правымъ. . .

Обращаетъ на себя вниманіе то взаимоотношеніе, которое предполагалось инціаторами всего дѣла ген. Бертело и Щербачевымъ. Первый, близко знакомый съ дѣятельностью Щербачева при Румынскомъ королѣ, имѣлъ въ виду съ нимъ работать на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это и высказано въ планѣ (см. письмо Щербачева Деникину на стр. 34—37) фактически распоряженія исходили бы, какъ это было на румынскомъ фронтѣ, отъ русскаго начальства, официально же они исходили бы отъ фиктивнаго иностраннаго главнокомандующаго. Для ген. Бертело возникновеніе другого положенія было неожиданностью, генералъ же Франше д'Эспрэ далъ волю своему раздраженію.

Не менѣе разошлись ожиданія и предположенія о военной помощи съ тѣмъ, что фактически было сдѣлано въ этой области Франціей.

Въ первый періодъ консулъ Энно, предвидя неизбѣжность безпорядковъ съ уходомъ оккупаціонныхъ частей нѣмцевъ, требовалъ, кричалъ, телеграфировалъ о немедленной смѣнѣ ихъ войсками союзниковъ во избѣжаніе анархіи. Неисполненіе его настояній было роковымъ. Причины неизвѣстны. Между тѣмъ, украинская директорія, ведя войну на два фронта — противъ большевиковъ и добровольческой арміи, потерпѣла полное пораженіе. 5 января большевики заняли Кіевъ. Деникинъ обратился къ Франше д'Эспрэ съ просьбою выдвинуть 2 дивизіи союзныхъ войскъ въ районъ Харьковъ-Екатеринославъ, но безрезультатно.

Еще 23 марта ген. Бертело говорилъ русскому послу о предполагавшемся развертываніи: польской дивизіи сѣвернѣе Черновицъ и семи румынскихъ дивизій по Днѣстру, а также о высылкѣ въ ближайшіе дни 9 бат, волонтеровъ и слѣдующихъ за ними 18 б. б. цвѣтныхъ войскъ. Но и это не было осуществлено.

Предполагалось формированіе бригадъ-микстъ. По приказанію Бертело, ген. д'Ансельмъ выработалъ слѣдующій проектъ: 1) офицеры избираются преимущественно изъ мѣстныхъ уроженцевъ. 2) солдаты — по вольному найму, отъ 200 до 300 руб. въ мѣсяцъ плюсъ продовольствіе. 3) форма французскаго образца, 4) въ каждомъ полку небольшое число французскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, 5) эти части въ командномъ отношеніи добровольческой арміи не подчиняются. Когда ген. Санниковъ сказалъ ген. Бертело. что объ этомъ его желаніи сообщитъ ген. Деникину, Бертело ему отвѣтилъ: «ce n'est pas mon désir, c'est mon ordre». Въ отвѣтъ на это ген. Деникинъ заявилъ Санникову: «категорически воспрещаю дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я. главнокомандующій, не допускаю ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія Русской арміи. Если бы кто-либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившіе незаконное распоряженіе будутъ мною преданы суду» (тамъ-же, стр. 40).

Мы видимъ. что и въ этомъ вопросѣ взгляды Щербачева. совпадавшіе съ изложеннымъ (стр. 46 примѣч. [6]) генераломъ Геруа мнѣніемъ. коренными образомъ расходились съ отношеніемъ къ нему ген.

Деникина. Слѣдуетъ отмѣтить, что Щербачевъ судилъ на основаніи блестящихъ результатовъ, на его глазахъ достигнутыхъ въ Румыніи французской организаціей. Въ 1920 г. столь же дѣйствительной оказалась такая же работа французовъ въ Польшѣ.

Въ отношеніи матеріальной помощи добров. армія получила отъ Франціи всего 5—6 пароходовъ.

Какъ упоминалось выше, склады Румынскаго фронта были переданы украинской директоріи.

При передачѣ уходившими нѣмцами французамъ морского имущества произошло слѣдующее: на просьбу адм. Герасимова дать 2—3 миноносца въ распоряженіе добров. арміи адм. Леже отвѣтилъ отказомъ. По его приказу, топили и взрывали боевые припасы, хранившіеся въ Севастопольскихъ складахъ, рубили топорами аккумуляторы и баки подводныхъ лодокъ, разрушали приборы управленія и увозили замки орудій. Адм. Леже объяснялъ такія дѣйствія тѣмъ, что все это было временно въ распоряженіи нѣмцевъ (Оч. Рус. Смуты).

Раздраженный всѣми этими явленіями, ген. Деникинъ написалъ въ концѣ апрѣля письмо адм. Колчаку: «. . . Въ данное время получаемъ широкую помощь снабженіемъ отъ Англіи и широкое противодѣйствіе со стороны французовъ». Письмо это было отправлено съ ген. Гришинымъ-Алмазовымъ, который, попавъ въ руки большевиковъ, застрѣлился. Большевики опубликовали письмо и о его содержаніи узналъ Клемансо.

Какъ бы эти недоразумѣнія ни были непріятны для обѣихъ сторонъ, все-же въ нихъ не отражалось

принципіальной злой воли, а лишь разное пониманіе своихъ правъ и обязанностей. Несомнѣнно, что Франція одна среди союзниковъ не преслѣдовала эгоистическихъ цѣлей и не спекулировала на гибели Россіи.

Къ сожалѣнію, французскіе начальники при эвакуаціи Одессы и Севастополя проявили пренебреженіе къ вопросамъ человѣчности. Описаніе этихъ грустныхъ событій предоставляемъ другимъ. Укажемъ лишь на то, что виновники ихъ нанесли тяжелый ущербъ своей родинѣ. Подорвать престижъ не долго, но разувѣрить пострадавшихъ трудно.

Въ оправданіе виновныхъ сошлемся на то, что французы пришли убѣжденные въ несеріозности большевистскаго вооруженнаго сопротивленія. Ихъ войска оказались, однако, въ бояхъ на Одесскомъ плацдармѣ, несмотря на огромное превосходство въ техническихъ средствахъ, менѣе устойчивыми, чѣмъ противникъ. Французскіе солдаты, воспріимчивые къ большевистской пропагандѣ, не хотѣли проливать своей крови для непонятной имъ цѣли. Между тѣмъ греческія войска сражались рядомъ съ ними съ большимъ самоотверженіемъ. Обращаетъ на себя вниманіе то, что въ Севастополѣ, въ которомъ подъ конецъ набралось 7.000 французовъ при 8 орудіяхъ (изъ нихъ 4.000 алжирскихъ стрѣлковъ и сенегальцевъ) и одинъ полкъ грековъ, старшіе начальники — сперва полк. Рюэ, а потомъ полк. Труссонъ, выслали въ бой на помощь русскимъ частямъ всего 2 роты грековъ и ни одного француза. Этими дѣйствіями подъ Одессой и Севастополемъ и ограничилась фактическая интервенція.

Дѣйствія англичанъ на югѣ Россіи не связаны непосредственно съ дѣятельностью Щербачева. О нихъ будетъ сказано въ 8-ой главѣ въ связи съ ролью Англіи вообще.

Глава 5-ая.

Щербачевъ уже раньше считавшій, что вопросъ о поддержкѣ бѣлымъ арміямъ можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно лишь въ Парижѣ, рѣшилъ послѣ ясно обозначившихся признаковъ крушенія своего плана, лично воздѣйствовать на верховный совѣтъ союзниковъ. Съ этой цѣлью онъ предварительно отправился къ ген. Деникину и атаману Краснову, чтобы явиться въ Парижѣ признаннымъ ими представителемъ военныхъ силъ юга Россіи. Онъ выѣхалъ 26 декабря 1918 г. изъ Браилова на французскомъ миноносцѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе. Путь его шелъ черезъ Галацъ Севастополь въ Новороссійскъ, гдѣ его встрѣтилъ ген. Кутеповъ: 30 декабря онъ прибылъ въ Екатеринодаръ, тутъ былъ и Сазоновъ.

А. Д. Щербачевъ, сопровождавшій отца, сообщаетъ, будто ген. Деникинъ ожидалъ, что Щербачевъ пріѣхалъ взять въ свои руки верховное командованіе надъ нимъ и донскимъ атаманомъ Красновымъ и что Деникинъ лично ничего противъ этого не имѣлъ (*), но лица, его окружавшія, были встрево-

(*) Надо полагать, что Деникину уже былъ извѣстенъ результатъ миссіи ген. Сазонова, Янова и Карасевича, послан-

жены, опасаясь потерять свое вліяніе; когда же стало извѣстно о настоящей цѣли пріѣзда его отца, то отношенія быстро наладились.

Деникинъ и состоявшее при немъ правительство, носившее названіе «Особое совѣщаніе», избрали Сазонова и Щербачева представителями Россіи на Мирной Конференціи; послѣдняго по вопросамъ военнымъ. (Адм. Колчакъ впослѣдствіи назначилъ для этой цѣли 5 лицъ: Кн. Львова, Сазонова, Маклакова, Гирса и Чайковскаго). Въ отношеніи Добровольческой Арміи, Щербачевъ получилъ званіе: «Военнаго Представителя русскихъ армій при союзныхъ правительствахъ и союзномъ верховномъ командованіи.

Одновременно съ этимъ Щербачевъ установилъ условія, на которыхъ Деникинъ соглашался сговориться съ атаманомъ Красновымъ. 3 января Щербачевъ былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно Красновымъ и безъ усилія добился цѣли, такъ какъ англійскій генералъ Пуль писалъ Краснову, а 26 декабря въ Кущевкѣ и лично указывалъ, что подчиненіе его Деникину является сущей необходимостью. 18 января состоялось соглашеніе между Деникинымъ и Красновымъ. Донской и Кубанскій атаманы отдали приказъ о своемъ подчиненіи Деникину, а послѣдній объявилъ о своемъ вступленіи въ общее командованіе всѣми войсками юга Россіи, обязуясь

ной 19 ноября Красновымъ въ Бухарестъ къ ген. Бертело, чтобы уговорить Щербачева принять верховное командованіе. Щербачевъ уже тогда опредѣленно отказался.

не трогать конституцій Дона и Кубани. Въ командованіе Добровольческой арміей вступилъ ген. бар. Врангель.

Установивъ такимъ образомъ единство на югѣ, Щербачевъ выѣхалъ на англійскомъ мин носцѣ черезъ Констанцу и 12 декабря вернулся въ Букарестъ.

Взявъ съ собой больного ген. Головина, Щербачевъ сѣлъ въ Букарестѣ 22 января 1919 г. на сербскій мониторъ и по Дунаю доѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ былъ чрезвычайно радушно принятъ принцемъ-регентомъ Александромъ. Послѣдній предоставилъ ему свой вагонъ до Фіумэ. Отсюда англійскій миноносецъ доставилъ Щербачева въ Венецію. По Италіи его сопровождалъ итальянскій офицеръ. Послѣ путешествія съ такими почестями черезъ территоріи другихъ союзниковъ. Щербачевъ по прибытіи во Францію не былъ никѣмъ встрѣченъ.

Моментъ выполненія принятой имъ на себя задачи былъ исключительно неблагопріятенъ. Заключеніе большевиками Брестъ-Литовскаго сепаратнаго мира въ предшествовавшемъ 1918 г. привело во Франціи къ огульному обвиненію въ измѣнѣ не только совѣтскаго правительства, но всѣхъ русскихъ вообще. Выходомъ изъ войны Россія дала противнику возможность снять войска съ восточнаго фронта и перебросить ихъ противъ союзниковъ. Мало разбираясь въ положеніи и партіяхъ заграницей, французы не были въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ усиліяхъ и жертвахъ, которыя были принесены противниками большевиковъ во имя продолженія войны до конца. Какъ извѣстно, во французскихъ

школахъ дѣти обучаются, главнымъ образомъ, исторіи и географіи своей страны, которую они должны знать чрезвычайно основательно; познанія же о другихъ государствахъ, а въ частности въ ихъ исторіи, хромаютъ. Понятія, относящіяся къ событіямъ своей родины при такомъ положеніи, естественно, переносились и на оцѣнку явленій за границей. Слова «контръ-революціонеръ» и «эмигрантъ» во Франціи имѣютъ опредѣленный смыслъ, соотвѣтственно съ отношеніемъ французской школы къ революціи 1789 г. Паденіе монархіи въ Россіи, т. е. удаленіе императора Николая II, столь жертвенно вѣрнаго союзника, было встрѣчено съ ликованіями. Политическое положеніе въ Россіи послѣ этого было для французовъ неясно, все же симпатіи ихъ были на сторонѣ тѣхъ, кто оказался у власти взамѣнъ монарха. Стремленіе измѣнить это положеніе встрѣчало отпоръ. Руководители внѣшней политики, освѣдомленные въ положеніи въ Россіи, въ январѣ и февралѣ предшествующаго 1918 г. стали колебаться въ смыслѣ дальнѣйшаго своего отношенія къ Россіи. Послѣ перемирія съ нѣмцами, большевики сначала отказались принять требованія Германіи. Оставшіеся въ Россіи представители союзниковъ, въ особенности глава американскаго Краснаго Креста Раймондъ Робинсъ и начальникъ англійской миссіи при большевикахъ Локартъ доносили, что отъ русской буржуазіи союзникамъ ничего не приходится ждать — она мечтаетъ лишь о мирѣ большевиковъ съ Германіей, надѣясь, что та возстановитъ ее въ правахъ и вернетъ ей имущество, въ то время какъ Троцкій можетъ

быть, согласился бы содѣйствовать союзникамъ и возобновить военныя дѣйствія (Записки Локарта).

Къ этому періоду относился и фактъ, сообщаемый А. Д. Щербачевымъ (сыномъ генерала). Французскій посолъ въ Румыніи графъ Сентъ-Олеръ сказалъ ген. Щербачеву, упомянувъ предварительно о возможности совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ съ большевиками: «Намъ все равно, кто и что будетъ въ Россіи, намъ важно только, чтобы продолжалась война съ нѣмцами». Это тогда вызвало протестъ со стороны Щербачева.

Причинъ къ сомнѣніямъ, какъ относиться къ бѣлому движенію, у французовъ было много. Добровольческія части были крайне недовольны недостаточной помощью. До французскаго правительства доходили заявленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ген. Геруа сообщаетъ въ своемъ письмѣ Деникину отъ 19/5 марта 1919 г. № 255: «Считаю необходимымъ доложить о неосторожности въ разговорахъ съ пріѣзжающими на югъ Россіи французскими курьерами тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ имѣетъ значительный вѣсъ. Возвратившійся, напримѣръ, на дняхъ кап. Бертело, доложилъ ген. Бертело, что Астровъ и Родзянко въ разговорѣ съ нимъ, прямо указали, что, если помощь согласія не оправдаетъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагаются, то они пойдутъ съ нѣмцами». Происходившія между французскими и русскими тренія, описанныя въ предыдущей главѣ, естественно находили откликъ и въ Парижѣ.

А. А. Вадимъ сообщаетъ, а сынъ Щербачева А. Д. Щ. подтверждаетъ, будто Клемансо заявилъ, что

не можетъ довѣрять бывшему министру Русскаго Императорскаго правительства Сазонову и бывшему Генералъ-Адъютанту Щербачеву. Для того, чтобы добиваться отъ французскаго правительства помощи, «Димитрій Григорьевичъ и Сазоновъ, пригласили къ себѣ 13 февраля 1919 г. Савинкова и съ тѣхъ поръ Савинковъ служилъ для переговоровъ съ Клемансо; къ чести Савинкова нужно добавить, что онъ проявилъ неподдѣльный патріотизмъ. На упрекъ Милюкова, сдѣланный ему во время политическаго совѣщанія, что онъ дружно работаетъ съ монархистами, онъ отвѣтилъ: когда я увижу, что монархисты могутъ помочь Россіи, тогда я стану монархистомъ» (9).

---

(9) Такую оцѣнку двухъ свидѣтелей трудно согласовать съ описаніемъ встрѣчи Савинкова въ 1918 г. съ Локартомъ, пишущимъ: «разговоръ его свелся почти исключительно къ нападкамъ на союзниковъ и русскихъ контръ-революціонеровъ, въ рядахъ которыхъ и самъ номинально числился».

Выбравшись съ Дона въ Москву, Б. Савинковъ основалъ въ 1918 году «Союзъ защиты Родины и Свободы», причемъ привлекъ пять съ половиною тысячъ офицеровъ, прикрывшись именемъ ген. Алексѣева, который въ самой рѣзкой формѣ опубликовалъ опровержение и отмежевался отъ Савинкова. Послѣдній организовалъ въ ночь съ 18 на 19 іюля 1918 г. возстаніе въ Ярославлѣ, Муромѣ, Рыбинскѣ, Владимірѣ и Калугѣ, что привело къ кровавой репрессіи.

Возникаетъ еще больше сомнѣній, если вспомнить, что партія соціалъ-революціонеровъ на конференціи 19—20 февраля 1919 года постановила:

«Конференція рѣшительно отвергаетъ попытки сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей контръ-революціи служитъ только на пользу послѣдней и

Не лучше обстояли шансы Щербачева среди собравшагося въ Парижѣ русскаго политическаго совѣщанія подъ председательствомъ кн. Львова, которое рѣшало всѣ русскіе вопросы, присвоивъ себѣ «самодовлѣющее значеніе, которому не можетъ сочувствовать правительство», какъ писалъ 27 марта 1919 г. Колчакъ. Большинство членовъ этого совѣщанія стояло на другой, чѣмъ Щербачевъ, политической платформѣ и было его противниками въ вопросѣ объ иностранной интервенціи ([10]).

Наконецъ, и въ вопросахъ военныхъ Щербачевъ встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ гр. Игнатьева, ставшаго большевикомъ. Будучи офиціальнымъ военнымъ агентомъ, гр. Игнатьевъ сохранилъ и фактически свое положеніе въ силу большого вѣса, кото-

---

используется реакціонными группами въ цѣляхъ реставраціи» (Очерки Рус. Смуты).

Не было ли это «содѣйствіе» со стороны Савинкова лишь мистификаціей? Какъ бы то ни было, но непосредственныя сношенія съ французскимъ председателемъ совѣта министровъ были невозможны и велись черезъ Савинкова.

([10]) Списокъ, составленный А. Ѳ. Шебунинымъ.

Политическое совѣщаніе въ Парижѣ 1918—1923 г.

Кн. Г. Е. Львовъ — Председатель.

С. Д. Сазоновъ — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, Замѣститель Председателя.

Совѣтъ русскихъ пословъ:
- М. Н. Гирсъ—Посолъ въ Римѣ, жившій въ Парижѣ.
- В. А. Маклаковъ — Посолъ въ Парижѣ.
- Б. А. Бахметьевъ — Посолъ въ Вашингтонѣ, наѣздами 1—2 раза въ годъ въ Парижѣ.
- Е. В. Саблинъ — Повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ.

В. В. Вырубовъ — Правитель Дѣлъ Совѣщанія.

Бар. М. Ф. Шиллингъ.

рымъ онъ пользовался во время войны. Онъ былъ знакомъ съ команднымъ составомъ и чинами министерствъ. У Щербачева, являвшагося представителемъ лицъ, никѣмъ тогда еще официально не признанныхъ за правителей Россіи, не было распространявшейся на Францію власти смѣстить генерала, назначеннаго еще царскимъ правительствомъ. Гр. Игнатьевъ сталъ дѣйствовать противъ Щербачева съ напряженной энергіей тотчасъ послѣ прибытія Щербачева въ Парижъ.

О самомъ же непреодолимомъ препятствіи, встрѣченномъ Щербачевымъ, будетъ подробно сказано въ 7-ой главѣ.

Дипломатическія дарованія Щербачева одолѣли, однако, всѣ эти препятствія. Онъ сталъ сразу же въ то положеніе, которое намѣревался занять. Личная дружба его съ маршаломъ Фошемъ, использо-

---

Н. А. Базили.

Ген. Ф. Ф. Палицынъ, замѣненный вскорѣ ген. Д. Г. Щербачевымъ.

В. И. Дмитріевъ. Морской агентъ.

Контъ-Адм. А. Д. Бубновъ.

Министры временнаго правительства. { А. И. Гучковъ, С. Н. Третьяковъ, А. И. Коноваловъ }

Н. В. Чайковскій — Предсѣдатель Архангельскаго правительства.

С. А. Ивановъ — шлиссельбуржецъ.

Б. Савинковъ.

В. Н. Штрандманъ — Начальникъ канцеляріи до апрѣля 1919 г.

А. Ф. Шебунинъ — Начальникъ канцеляріи отъ апрѣля 1919 г.

Кн. Е. Гагаринъ — Казначей.

ванная имъ съ достоинствомъ, закрѣпила за нимъ офиціальное мѣсто представителя русскихъ армій при союзныхъ правительствахъ и верховномъ союзномъ командованіи. Адмиралъ Колчакъ не замедлилъ со своей стороны прислать ему свои полномочія.

Сербскій принцъ-регентъ, пріѣхавшій въ февралѣ 1918 г. въ Парижъ, представилъ Щербачева президенту республики Пуанкаре и старался послѣдняго заинтересовать его планами.

При Щербачевѣ образовались управленія, которыя 31 августа были сведены въ 4 отдѣла ([11]).

Черезъ эти учрежденія прошла, между прочими дѣлами, значительная часть громадныхъ поставокъ союзниковъ, направленныхъ на помощь бѣлымъ арміямъ въ Европѣ. Сибирскій фронтъ получалъ снабженіе черезъ генераловъ Нокса и Жанена.

Общее объединеніе всего бѣлаго движенія было необходимо не столько для военныхъ операцій, сколько для разрѣшенія вопросовъ политическаго, а въ особенности финансоваго характера. Щербачевъ, неустанно работавшій въ этомъ направленіи, до-

---

([11]) I) Отдѣлъ генералъ-квартирмейстера, образованный изъ существовавшаго до того времени штаба военнаго представителя подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Г. Д. Щербачева.

II) Отдѣлъ строевой, инструкторскій и хозяйственный, образовавшійся изъ управленія по дѣламъ о военныхъ и военно-плѣнныхъ. Нач. полк. Нарбутъ.

III) Управленіе заграничныхъ снабженій; нач. ген. Гермоніусъ.

IV) Историческій и статистическій комитетъ, ген. Палицынъ.

бился того, что Парижское политическое совѣщаніе приняло рѣшеніе признать адмирала Колчака верховнымъ правителемъ, которому должны были подчиниться всѣ прочіе начальники бѣлыхъ армій. Это рѣшеніе было доложено Клемансо, который его поддержалъ. Заставить, однако, Деникина признать себя подчиненнымъ адмиралу Колчаку у политическаго совѣщанія не было средствъ. Щербачевъ предложилъ лично поѣхать и уговорить Деникина. Для разговоровъ съ правительствомъ Деникина — «Особымъ Совѣщаніемъ», ему были приданы Аджемовъ и В. В. Вырубовъ. Щербачевъ выѣхалъ 27 мая 1919 г. изъ Парижа черезъ Таренто, гдѣ ему былъ предоставленъ англійскій истребитель. Переговоривъ въ Константинополѣ съ ген. Франшэ д'Эспре и англійскимъ главнокомандующимъ Лордомъ Мильномъ, Щербачевъ пріѣхалъ 8 іюня въ Екатеринодаръ въ Ставку.

Изъ статьи Н. Чебышева («Екатеринодаръ», глава 3-я), мы узнаемъ по поводу признанія Колчака слѣдующее: «Основаніемъ для возникновенія такого вопроса было обращеніе Клемансо къ адмиралу Колчаку отъ 1 іюня. Обѣщалась матеріальная поддержка державъ ему и тѣмъ, кто къ нему примыкаетъ, на условіяхъ политическаго характера, вполнѣ пріемлемыхъ. Въ Екатеринодаръ прибыла изъ Парижа делегація въ лицѣ ген. Щербачева, Аджемова и Вырубова, имѣвшая задачей доказать необходимость подчиненія Деникина Колчаку. Главнокомандующій спросилъ мнѣнія Особаго Совѣщанія. Мы два вечера обсуждали со всѣхъ сторонъ этотъ

вопросъ. Сидѣли до поздней ночи. Происходили засѣданія 9 и 10 іюня. (Далѣе слѣдуетъ отрицательное отношеніе Н. Чебышева къ возбужденному вопросу, который рѣшено было отложить). «...12 іюня — пишетъ онъ дальше —, должны были состояться проводы англійскаго ген. Бриггса въ большой столовой Кубанскаго войскового собранія. Деникинъ имѣлъ по правую руку чествуемаго Бриггса, по лѣвую его замѣстителя. Деникинъ сидѣлъ и что-то быстро писалъ. Потомъ поднялся и прочиталъ свой извѣстный приказъ, начинавшійся словами «Безмѣрными подвигами Добровольческихъ армій...» Онъ оканчивался: «Я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ верховному правителю русскаго государства и верховному главнокомандующему Русскихъ армій. Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи.»

Деникина, какъ всякаго дѣятеля, оцѣниваютъ весьма разно, но, каково бы ни было отношеніе къ нему, надо признать, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, что въ исторіи мало примѣровъ, когда человѣкъ отказывается отъ верховной власти въ пользу другого, въ особенности въ періодъ успѣховъ. Онъ былъ ближе къ цѣли и къ центру страны, его арміи были болѣе устойчивы. Къ сему надо добавить, что люди, его окружающіе, естественно, предполагали занять первенствующее мѣсто. Этимъ актомъ они лишались, хотя бы иллюзіонной, перспективы. Кромѣ того адм. Колчакъ 14 октября 1918 г. ранѣе писалъ еще ген. Алексѣеву: «Съ цѣлью поступить въ Ваше распоряженіе въ качествѣ Вашего подчиненнаго...

Вы, Ваше Превосходительство, являетесь все это время для меня единственнымъ носителемъ верховной власти и высшаго военнаго командованія, для меня безспорной и авторитетной». (Очерки Русс. Смуты). Это письмо еще болѣе затрудняло рѣшеніе Деникина.

Отдавая должное безкорыстію Деникина, мы напомнимъ о роли, сыгранной Щербачевымъ, какъ инициіаторомъ этого вопроса, принявшимъ потомъ на себя во имя пользы дѣла столь щекотливое порученіе.

Небезинтересно отмѣтить, что Аджемовъ и Вырубовъ, которые старались себя держать сначала независимо отъ Щербачева, вернулись горячими его поклонниками.

Глава 6-ая.

Въ рамки настоящей работы не входитъ разсмотрѣніе вопросовъ о пользѣ борьбы партій между собой, и о допустимости участія въ ней иностранцевъ. Взвѣшивая лишь шансы на успѣхъ плановъ Щербачева, мы обращаемся къ исторіи, чтобы установить, достигало ли когда-либо въ такихъ случаяхъ примѣненіе чужеземцевъ или инородцевъ своей цѣли и не таилъ ли въ себѣ такой пріемъ для тѣхъ, кто имъ воспользовался, невозможность удержать потомъ власть въ своихъ рукахъ. Примѣровъ мы находимъ множество, въ особенности въ послѣдній періодъ римской исторіи, когда внутренніе вопросы постоян-

но рѣшались съ помощью меча варваровъ. Часто въ спорахъ нынѣ приводится реставрація Бурбоновъ, потерпѣвшая въ окончательномъ итогѣ неудачу; но причинъ къ тому было и много другихъ, кромѣ вмѣшательства тогдашнихъ союзниковъ. Укажемъ съ другой стороны на удачное покореніе Англіи Вильгельмомъ Оранскимъ послѣ революціи XVII вѣка лишь сотня англичанъ составляла его головной отрядъ: всѣ же прочія войска состояли изъ наемныхъ войскъ разныхъ чужихъ національностей (см. Histoire d'Angleterre depuis l'avènement de Jaques I, Macauley p. 40).

Въ принципѣ надо признать возможность удачи подобнаго дѣйствія въ странѣ, въ которой послѣ революціи еще не установился прочный порядокъ.

Немедленно послѣ прибытія въ Парижъ, Щербачевъ посвятилъ себя работѣ по организаціи противъ совѣтской власти арміи изъ славянскихъ народовъ съ привлеченіемъ русскихъ добровольцевъ и военнопленныхъ изъ германскихъ концентраціонныхъ лагерей.

Сынъ Щербачева А. Д. Щ. пишетъ: «Въ серединѣ февраля 1919 г. въ Парижъ пріѣхалъ Сербскій Принцъ Регентъ. Онъ имѣлъ рядъ продолжительныхъ совѣщаній съ моимъ отцомъ относительно Россіи. Судя по замѣчаніямъ нѣсколькихъ делегатовъ Версальской мирной конференціи, Регенту послѣ этого почти удалось измѣнить отношеніе конференціи въ пользу русскаго вопроса. Въ это время Сазоновъ съ одной и большевики съ другой стороны дали

отвѣтъ о конференціи на Принкипо ([12]). На частномъ совѣщаніи 14 февраля 1919 г. президентъ Вильсонъ заявилъ, что отвѣтъ большевиковъ — издѣвательство надъ прочими государствами, что вопроса о Принкипо отнынѣ не существуетъ, и что онъ поэтому принялъ «другой планъ». Въ это время конференція должна была заняться русскимъ вопросомъ (безъ участія русскихъ) и принцъ-регентъ вновь заступился за Россію. «Другой планъ», о которомъ говорилъ Вильсонъ, намъ не извѣстенъ, но есть основаніе думать, что онъ говорилъ о планѣ, который былъ предложенъ ему Принцемъ. Основываю это предположеніе на моихъ разговорахъ съ американцами. Въ февралѣ мы вошли въ сношеніе съ генеральнымъ штабомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ частности съ американскимъ генераломъ Черчилемъ и капитанами Стюартъ-Монгомери и Пти. Они не скрывали, что были въ тѣсной связи съ лѣвыми, въ особенности съ французскимъ большевикомъ Лонгэ. Они восхищались Савинковымъ и обратили наше вниманіе на вліяніе, которое послѣдній могъ оказать на ходъ событій. Послѣ этого мой отецъ совѣщался съ Регентомъ 19 и 20 февраля, а 21 февраля онъ у него завтракалъ. Въ этотъ день мой отецъ мнѣ впервые разсказалъ о планѣ. Принцъ предлагалъ организовать экспедиціонный корпусъ въ Румыніи или Сербіи (около Дуная или Чернаго моря, чтобы

([12]) Союзники пригласили къ 28 февраля 1919 г. по 3 представителя отъ каждой политической группы на Принцева острова въ Мраморномъ морѣ. Туда же должны были прибыть и представители союзниковъ, а также делегаты Финляндіи и Польши.

облегчить перевозку) съ цѣлью поддержать бѣлыя войска и имъ дать спокойно организоваться въ тылу. Онъ согласился дать 30.000 сербскихъ добровольцевъ, но деньги и все войсковое имущество должны были дать союзники. 1 марта Регентъ уѣхалъ изъ Парижа. На вокзалѣ онъ еще разъ поговорилъ съ моимъ отцомъ, и я присутствовалъ при томъ, какъ Принцъ напомнилъ Президенту Пуанкаре о «вопросѣ, о которомъ они говорили». Нахожу у себя отмѣтку отъ 25 февраля 1919 г.: «письмо моего отца Пишону по вопросу о сербскомъ экспедиціонномъ корпусѣ».

Подробности объ этомъ планѣ мы узнаемъ изъ телеграммы Сазонова адмиралу Колчаку.

Парижъ, 27 марта 1919 г. № 552.

Князь Львовъ проситъ передать соображенія генерала Щербачева: положеніе юга Россіи критическое. Военное снабженіе, транспортъ и санитарное состояніе требуютъ неотложныхъ мѣръ. Формированіе у генераловъ Юденича и Миллера крайне необходимо для общей борьбы съ большевиками. Принимая во вниманіе указанія о всемѣрномъ сокращеніи расходовъ и вновь обсудивъ необходимые и неотложные кредиты въ иностранной валютѣ, при безнадежности мобилизаціи на югѣ, пока не будетъ реальнаго успѣха, является необходимымъ: 1) формированіе 40.000-аго корпуса въ Сербіи, на что имѣется принципіальное согласіе Регента Сербіи, при условіи отпуска союзниками одежды, снаряженія, оружія и техническихъ средствъ безъ уплаты денегъ теперь, но открытіе кредитовъ на содержаніе

на 10 мѣсяцевъ; 2) отдѣльнаго корпуса въ Прагѣ изъ чехословаковъ и русскихъ плѣнныхъ тоже 40.000 на тѣхъ же основаніяхъ при условіи постепеннаго формированія и подготовки кадровъ офицеровъ и солдатъ.

По донесенію Леонтьева, командированнаго въ Прагу, французскій генералъ Пеллэ идетъ навстрѣчу, какъ и члены чешскаго правительства.

Крайняя необходимость помощи военноплѣннымъ, срочная отправка офицеровъ и выбранныхъ солдатъ на пополненіе южныхъ и сѣверныхъ армій требуетъ немедленнаго кредита хотя бы въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Германіи находится 1.300 офицеровъ, эвакуированныхъ изъ Кіева послѣ взятія его петлюровцами, полуодѣтыхъ, безъ денегъ и безъ содержанія.

Въ виду изложеннаго необходимъ кредитъ въ иностранной валютѣ во франкахъ:

1) На формированіе, содержаніе и довольствіе въ теченіе 10 мѣсяцевъ корпуса, предположеннаго къ формированію въ Сербіи, — 75 ([13]) милліоновъ.

2) Тоже 75 ([13]) милліоновъ на формированіе, на тѣхъ же условіяхъ, у чехословаковъ.

3) Хотя пріобрѣтеніе снаряженія и матеріальнаго имущества для всѣхъ русскихъ армій предположено безъ уплаты денегъ изъ запасовъ союзниковъ, на неизбѣжныя покупки — на наличный счетъ — расчетъ примѣрно на 50 ([13]) милліоновъ, что составляетъ примѣрно 5% всей стоимости снаряженія.

([13]) Въ Очеркахъ Рус. Смуты т. IV, стр. 265, сказано, что по смѣтѣ, представленной Рафаловичемъ французскому мин. финансовъ, требовалось 69½ мил. фр. въ мѣсяцъ на эти предпріятія.

4) На желѣзнодорожныя нужды юга Россіи, которыя только частью можно покрыть безъ денегъ, въ счетъ будущихъ расчетовъ—не менѣе 50 милліоновъ.

5) На военноплѣнныхъ офицеровъ и солдатъ, считая отправку въ теченіе 10 мѣсяцевъ 5.000 офицеровъ и 150.000 солдатъ, и на оказаніе помощи офицерамъ въ Германіи — всего 15 милліоновъ.

6) Непредвидѣнные расходы 5 милліоновъ.

Всего по 6-ти статьямъ 270 милл. франковъ, ассигнованіе которыхъ можетъ быть разсрочено на 10 мѣсяцевъ съ отпускомъ немедленно по телеграфу аванса 4 милліона франковъ. Затѣмъ въ первые 4 мѣсяца по 44 милліона и въ послѣдующіе 6 мѣсяцевъ по 15 милліоновъ.

Деньги будутъ расходоваться въ мѣрѣ дѣйствительной надобности съ установленіемъ соотвѣтствующаго контроля.

Представляя соображенія на Ваше одобреніе, добавляю, что сверхъ этихъ потребностей срочно необходимо на содержаніе центральнаго органа политическаго совѣщанія съ комиссіями и отдѣлами, смѣту на что представляю особой телеграммой.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Капитанъ *Мариновичъ.*

На эту телеграмму послѣдовалъ отвѣтъ:

Омскъ. 14 апрѣля 1919 г. № 377.

Соображенія генерала Щербачева были разсмотрѣны въ Совѣщаніи при верховномъ правительствѣ съ участіемъ военныхъ начальниковъ. По первымъ

3-мъ пунктамъ телеграммы признано, что формированіе воинскихъ частей въ Сербіи и Чехіи, будучи связано съ непосильнымъ для казны расходомъ въ иностранной валютѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ гарантіи, что сформированныя части будутъ представлять достаточно надежную боевую силу. Врядъ ли наши военноплѣнные послѣ 4-лѣтняго пребыванія въ тяжелыхъ условіяхъ германскаго плѣна явятся хорошимъ матеріаломъ для войскъ и отличатся достаточной стойкостью, чтобы не разложить и не подвергнуть нашихъ солдатъ заразѣ большевизма. Введенные въ рамки русской военной жизни, они, быть можетъ, и оказались бы полезной военной силой, но совмѣстныя дѣйствія ихъ съ чехами необѣщаютъ дать благопріятныхъ результатовъ, какъ мы можемъ судить о томъ по собственному опыту. Условія формированія въ Сербіи считаются болѣе подходящими, но отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о тяжеломъ положеніи въ центральной Европѣ, даютъ основаніе сомнѣваться, чтобы и здѣсь могли быть достигнуты желаемые результаты. Во всякомъ случаѣ, такое формированіе могло бы производиться лишь только на принципѣ добровольчества. Кромѣ того, географически не вполнѣ ясно, какимъ образомъ послѣ венгерскаго возстанія и неопредѣленной судьбы Румыніи, сформированныя части смогутъ быть реально введены въ дѣйствіе. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній формированіе частей Сербіи и Чехіи признано нецѣлесообразнымъ и т. д. Правительство признаетъ необходимымъ всѣми силами поддерживать генераловъ Юденича и Миллера и, понимая трудность комплектованія ихъ войскъ,

считаетъ нужнымъ сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить пополненіе таковыхъ изъ числа военноплѣнныхъ и т. д.».

Обращаетъ на себя вниманіе сужденіе въ Омскѣ о боеспособности сербовъ и чеховъ и способа ихъ введенія въ дѣйствія,—въ Омскѣ, гдѣ согласно этой телеграммы имѣютъ лишь «отрывочныя свѣдѣнія» о тяжеломъ положеніи въ центральной Европѣ. Между тѣмъ, предложившій этотъ планъ, Щербачевъ находился въ центрѣ событій и сговорился съ правительствами на мѣстахъ формированія, коимъ обстановка была ясна передъ главами. О принудительномъ зачисленіи въ войска сербовъ и чеховъ ничего въ планѣ и не говорилось; неясно, что означаетъ эта фраза, содержащая условное согласіе, въ то время какъ слѣдуетъ безусловный отказъ. Лица, видѣвшія безпримѣрно храбрыя дѣйствія сербскаго корпуса, сформированнаго въ 1916 г. въ Одессѣ и введеннаго въ бой въ Добруджѣ въ августѣ того же года, будутъ несказанно удивлены приведенною оцѣнкою Омска. Что же касается чеховъ, то непонятно, какъ вообще возможно сравненіе частей изъ военноплѣнныхъ съ добровольческимъ корпусомъ въ Чехіи.

Принимая во вниманіе то чрезвычайно тяжкое положеніе, въ которое попало совѣтское правительство въ 1919 г., формированіе, предложенное Щербачевымъ, оказалось бы для Совѣтовъ гибельнымъ.

Разсмотримъ вопросъ о непреодолимомъ препятствіи, которое создаетъ отсутствіе средствъ.

Мы узнаемъ изъ телеграммы: Омскъ, 30 января 1919 г. № 175, Сукинъ-Послу.

«Министръ финансовъ сообщаетъ краткія данныя о финансовомъ положеніи. Большевики разрушили хозяйственный аппаратъ Сибири, вывезли 167 пудовъ золота, 500 пудовъ серебра и около 1 милліарда кредитокъ. Наличность государственнаго банка и казначейства къ 1 ноября 1918 г. была лишь 220 милліоновъ и т. д. Обращаясь къ факторамъ экономическаго и финансоваго возрожденія, слѣдуетъ отмѣтить во-первыхъ результаты правительственной дѣятельности по возстановленію нормальныхъ условій и т. д., во вторыхъ, громадныя естественныя богатства Сибири, кои и теперь при отсталыхъ способахъ эксплуатаціи служатъ источникомъ крупныхъ доходовъ. Наконецъ, въ качествѣ обезпеченія бумажнаго обращенія слѣдуетъ указать на металлическій запасъ кладовыхъ банка 40.000 пудовъ золота, 135.000 пудовъ серебра, не считая 1.000 пудовъ золота въ распоряженіи государства на территоріи Сибири и скупаемой правительствомъ платины. Указанныя обстоятельства позволяютъ разсчитывать въ будущемъ на возможность правильной постановки государственнаго хозяйства и проведенія широкихъ финансовыхъ реформъ и т. д.

Просьба передать настоящую телеграмму Рафаловичу. Министръ финансовъ Михайловъ».

Нельзя не признать, что бережное отношеніе къ деньгамъ свойство положительныхъ людей. Не

имѣя никакихъ другихъ даныхъ, которыя обосновали бы отрицательное сужденіе о лицахъ, рѣшавшихъ въ Омскѣ участь плана Щербачева, мы можемъ и должны предположить, что всѣ они были прекрасными людьми. Въ противоположность имъ мы укажемъ на отношенія Юлія Цезаря къ деньгамъ до момента окончательнаго захвата имъ власти. Это можетъ навести насъ на мысль, какъ бы подобные ему люди съ пріемами, можетъ быть, предосудительными въ частной жизни могли бы поступить при данной обстановкѣ. Однако, и простые смертные въ рамкѣ общепринятой этики могли использовать положеніе. Мы наблюдаемъ, что средній человѣкъ и въ наше время легко поддается вліянію золота. Слѣдуетъ также отмѣтить склонность плохого игрока удваивать ставку послѣ проигрыша. Люди Западной Европы въ общей массѣ посредственные партнеры, судя по сдѣлкамъ ихъ въ послѣднее время со своимъ восточнымъ сосѣдомъ. Наконецъ, вспомнимъ, что держатели русскихъ бумагъ густо населяли Европу и что нѣкоторыя національности неохотнотеряютъ разъ пріобрѣтенное; бумагъ въ одной Франціи было размѣщено на 40 милліардовъ нынѣшнихъ франковъ. Эти люди держали въ рукахъ демократическія учрежденія и свои правительства. Если Омскъ всегда хранилъ бы перечисленныя богатства значительно ближе отъ друзей, чѣмъ отъ своихъ враговъ, такъ что первые были бы увѣрены въ ихъ сохранности, и воспользовался бы прожекторами европейской прессы, чтобы пустить лучи этихъ 40.000, 135.000, 1.000 пудовъ и платины въ сердца западныхъ европейцевъ, (такой взглядъ высказыва-

ется и въ запискахъ финансоваго агента Рафаловича, составленныхъ на основаніи засѣданія финансово-экономическаго комитета отъ 30 апрѣля 1919 г.), то они возгорѣлись бы пламенной любовью къ правительству въ Сибири, а упомянутые игроки бросились бы удваивать свои ставки, надѣясь вернуть проигрышъ. Они вѣдь это дѣлаютъ въ настоящій моментъ, при новыхъ сдѣлкахъ съ большевиками. Не только 80.000 сербовъ и чеховъ, да сомнительныхъ 150.000 военноплѣнныхъ могли бы быть двинуты на эти ставки, но возможно было бы набрать арміи любыхъ размѣровъ. Чтобы спасти свои деньги, вложенныя въ русскія бумаги, Европа дала бы любыя суммы.

Потомки остъ и вестготовъ и прочіе могли бы броситься къ исходному положенію. Мы знаемъ по описаніямъ и видѣли въ кинематографахъ, что дѣлается, когда раздаются золотоносные или алмазные участки (на которыхъ чаще всего нѣтъ ничего, кромѣ песка) и какъ въ 2 мѣсяца выростаютъ многосоттысячные города. Съ другой стороны вся литература переполнена описаніемъ ужаса, который ожидалъ вернувшихся домой сыновъ отечества послѣ войны, нашедшихъ, что имъ нѣтъ больше мѣста во вновь сложившейся дома обстановкѣ. Съ сибирскими средствами можно было выбирать для волонтеровъ по своему усмотрѣнію, сколько и какія угодно силы для борьбы съ противниковъ. На основаніи факторовъ, весьма схожихъ съ только что приведенными, фактически и была сдѣлана попытка похода на Россію еще въ томъ-же 1919 году, но не со стороны побѣдителей, а

со стороны побѣжденныхъ. Англія и Франція увидѣли въ этомъ огромную опасность не только для одного Совѣтскаго правительства (см. стр. 116 и 118).

Изрѣченіе Филиппа Македонскаго, что оселъ, нагруженный золотомъ, одолѣваетъ всякое препятствіе, оставалось въ силѣ и въ 1919 г., такъ какъ сердца людей сохранили воспріимчивость ко всему драгоцѣнному. Большевики, захватившіе Сибирь и часть богатствъ. давно усвоивъ правило Филиппа, не поняли благородства Михайлова: они рѣшили, что на ихъ счастіе у противника заортачились ослы.

Куда дѣлись эти массы драгоцѣнныхъ металловъ, установить не удалось (14).

Нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя на запросы

---

(14) Ниже приводятся выдержки изъ письма графа Коковцова отъ 19 декабря 1934 г., какъ наиболѣе объективная оцѣнка этого событія:

«Думаю, что я могу правильно освѣтить часть этихъ событій, затрагиваемую Вашими вопросами и дать по нимъ исчерпывающее разъясненіе. Я оговорюсь только прежде всего, что не имѣю свѣдѣній о томъ, какое количество золота, серебра и платины имѣлъ Адмиралъ при себѣ во время обратнаго движенія его на Востокъ, послѣ отступленія его подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля. Его бывшій Министръ Финансовъ Михайловъ долженъ былъ хорошо знать объ этомъ и на его свидѣтельствѣ есть полная возможность строить правильные выводы.

На Вашъ первый вопросъ: «были ли металлы полностью вывезены своевременно, или они попали въ руки большевиковъ», я могу достовѣрно отвѣтить. что все цѣнное и въ частности драгоцѣнные металлы находились непосредственно при Адмиралѣ Колчакѣ при его отступленіи на Востокъ и большею частью слѣдовали или въ прямой связи съ тѣмъ поѣздомъ, въ которомъ онъ самъ находился, или предшество-

фантастичны; ихъ приводить безъ того, чтобы обидѣть многихъ иностранцевъ, не представляется возможнымъ. Съ увѣренностью можно лишь установить, что широко задуманная финансовая реформа министра Михайлова не была приведена въ исполненіе.

330 милліоновъ золотыхъ рублей, переданныхъ большевиками по Брестъ-Литовскому миру нѣмцамъ, были у послѣднихъ отобраны и подѣлены между Англіей и Франціей.

Отказъ Омска въ средствахъ на формированіе сербскихъ и чешскихъ частей имѣлъ катастрофическія послѣдствія.

Когда арміи Деникина подходили къ Москвѣ, дойдя до Орла, крушеніе фронта произошло изъ-за обхода его большевиками съ обоихъ фланговъ. На восточномъ флангѣ вина ложится на Мамонтова; онъ

вали ему, или находились въ непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ поѣздахъ.

Люди, критикующіе его дѣйствія, изъ числа участниковъ его компаніи, всегда ставятъ ему въ вину, что онъ слишкомъ ревниво охранялъ эти цѣнности и не принималъ мѣръ къ охранѣ самого себя и его спутниковъ, не желая разстаться съ золотомъ и монетою.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что никакая часть этихъ металловъ не была вывезена заграницу и попала: въ большей ея долѣ въ руки большевиковъ, а то, что успѣло проскользнуть мимо Иркутска послѣ захвата самого Адмирала, было забрано по дорогѣ во Владивостокъ какъ атаманомъ Семеновымъ, такъ и всякими иными отрядами, хозяйничавшими по линіи желѣзной дороги. Думаю, что нѣкоторая часть золота попала въ руки и Восточно-Сибирскаго правительства и была израсходована имъ на цѣли управленія. Заграницу же никакая часть драгоцѣнныхъ металловъ ни отъ

не исполнилъ возложенной на него задачи, а допустилъ всеобщій грабежъ: его части эскортировали повозки съ награбленнымъ имуществомъ, вытянувшіяся въ обозъ длиною въ 40 верстъ (см. Оч. Рус. См.), вмѣсто движенія во флангъ и тылъ противника. На лѣвомъ флангѣ катастрофа произошла потому, что Польша, заключивъ перемиріе съ большевиками, дала имъ возможность обойти Деникина съ запада.

Если бы на естественномъ пути движенія сербовъ и чеховъ, (а также болгаръ, которымъ союзники съ своей стороны запретили выставить контингенты), оказалась славянская армія, то исходъ окончательнаго сраженія былъ бы иной. Насколько въ сознаніе русскихъ на мѣстѣ вошло, что въ содѣйствіи Сербіи и Болгаріи послѣдняя надежда, видно изъ телеграммы отъ 13 января, полученной Деникинымъ отъ предсѣдателя правительства юга Россіи ген. Лукомскаго: она была составлена послѣ переговоровъ съ прибывшимъ на югъ членомъ Англійскаго

имени Колчака или по его распоряженію, ни отъ имени Сибирскаго правительства вывезена не была.

На второй Вашъ вопросъ: «возможно ли было увезти его, то есть металлъ, заграницу» — я отвѣчаю просто, что этого нельзя было сдѣлать по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилась власть Адмирала Колчака во время его отступленія и позади его движенія, отправлять же его заграницу во время его короткаго владычества онъ очевидно не рѣшался, да едва ли и могъ объ этомъ думать, такъ какъ его задачи заключались, до самаго его отступленія, исключительно въ охраненіи русской территоріи отъ власти большевиковъ и никакихъ плановъ объ эвакуаціи драгоцѣнныхъ металловъ заграницу у него не могло и быть, какъ не мыслилъ онъ и для себя самого возможнымъ уходить изъ Россіи...

парламента Макъ Киндеромъ. Эта телеграмма представляетъ собою величайшій интересъ, такъ какъ показываетъ, что правительство юга пришло къ убѣжденію, что вся предшествующая политика бѣлыхъ была не вѣрна. Мы въ ней находимъ фразу: «...единогласно признано принять полностью предложеніе Макъ Киндера, въ томъ числѣ признаніе Вами и правительствомъ самостоятельности существующихъ окраинныхъ правительствъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лукомскій пишетъ, что совѣщаніе «нашло необходимымъ потребовать отъ союзниковъ: ...2) содѣйствія къ помощи живой силой со стороны Болгаріи и Сербіи, ...4) крайне желательно заинтересовать Англію въ предпріятіяхъ Черноморской губ. и Крыма путемъ предоставленія концессій, что въ значительной мѣрѣ свяжетъ ея интересы съ нашими» (Оч. Рус. См., т. V, стр. 305). Пункты эти имѣютъ прямое отношеніе къ дальнѣйшему, являясь противоположностью рѣшеній и дѣйствій бѣлыхъ до катастрофы.

Въ запискѣ, представленной Врангелемъ Деникину отъ 7 января 1920 г., указано, что онъ считалъ возможнымъ продолженіе борьбы, опираясь на содѣйствіе Польши, и «есть основаніе разсчитывать на помощь живой силой другихъ славянскихъ народовъ», т. е. Болгаріи и Сербіи (тамъ же, стр. 292).

Такія запоздалыя откровенія не могли уже исправить прежнихъ ошибокъ. Для содѣйствія сербовъ, болгаръ, чеховъ, поляковъ и всѣхъ окраинъ время было безвозвратно пропущено и въ 1920 году по-

бѣда могла бы быть достигнута лишь новыми путями, на которые Щербачевъ и указалъ Врангелю. Ихъ изложенію посвящается 9-ая глава.

Глава 7-ая.

Одновременно съ разработкой плана наступленія сербовъ и чехословаковъ и дѣятельностью по снабженію арміи съ помощью союзниковъ, Щербачевъ слѣдилъ за положеніемъ и дѣйствіями тогда еще отдѣльныхъ бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Въ концѣ ноября 1918 г. ген. Юденичъ выбрался изъ Петербурга въ Финляндію и вступилъ въ переговоры съ мѣстными эмигрантскими организаціями. 9 декабря французскому и англійскому посламъ въ Стокгольмѣ была вручена записка за подписью Юденича и А. Ѳ. Трепова. Въ ней было изложено общее положеніе.которое представлялось какъ бы угрожающимъ и союзникамъ со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ большевиковъ въ Прибалтикѣ; требовалась политическая и матеріальная помощь анти-совѣтскому движенію. Юденичъ 19 декабря встрѣтился въ Стокгольмѣ съ представителями регента Финляндіи, причемъ были выработаны условія возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Краеугольнымъ камнемъ ихъ было признаніе независимости Финляндіи, которое отклонялось въ Парижѣ какъ русскимъ политическимъ совѣщаніемъ, такъ и Сазоновымъ. Выбравшійся въ свою очередь изъ совѣтской Россіи въ Финляндію Б.

Савинковъ, ознакомившись съ положеніемъ, взялся добиться уступокъ въ Парижѣ, вслѣдствіе чего онъ и появляется тамъ въ началѣ 1919 г. По этому же вопросу изъ Прибалтики въ Лондонъ прибыли Карташевъ и Струве. Однако, всѣ эти дѣйствія не привели къ практическимъ результатамъ, хотя адм. Колчакъ и возложилъ на ген. Юденича весною 1919 года «руководство бѣлымъ движеніемъ въ Прибалтикѣ». Между тѣмъ шансы на поддержку Финляндіи падали. Фактически независимость Финляндіи осуществилась уже въ серединѣ предшествующаго 1918 года и она была признана Англіей 5-го мая 1919 г. Признаніе ея бѣлыми русскими де-юре теряло цѣнность по мѣрѣ того, какъ не только союзники, но и инородцы Прибалтики стряхивали съ себя обаяніе прежней русской власти и убѣждались, что дальше можно и не считаться съ возможностью возстановленія Россіи. Чего можно было легко добиться въ 1918 году, стало трудно достичь въ іюнѣ и невозможно въ ноябрѣ 1919 года. Осенью 1918 года Финляндія выступила бы противъ совѣтской Россіи въ силу собственныхъ интересовъ, въ декабрѣ она поставила уже нѣкоторыя условія, въ мартѣ 1919 г. она потребовала на первые расходы арміи триста милліоновъ золотыхъ рублей, лѣтомъ, съ переходомъ власти къ новому республиканскому правительству — выступленіе стало почти невозможнымъ, а въ ноябрѣ финляндское правительство вообще отклонило всякіе переговоры, не интересуясь болѣе признаніемъ ея независимости русскими военноначальниками и отдѣльными группами эмигрантовъ заграницей. Лѣтомъ 1919 года въ свою очередь Латвія и

Эстонія придавали преувеличенное значеніе признанію ихъ представителями прежней Россіи. Признаніе это со стороны Сѣверо-Западнаго правительства и Юденича не могло ихъ удовлетворить, такъ какъ хорошо было извѣстно, почему Финляндія не выступила; географическое же ихъ положеніе помимо этого подсказывало, что въ будущемъ окрѣпшая Россія не примирится съ ихъ самостоятельностью и непризнаетъ подписей Юденича. Не только внѣшнія политическія обстоятельства катились по наклонной плоскости, но и внутреннее положеніе въ молодыхъ республикахъ мѣнялось быстро въ отрицательномъ для бѣлыхъ смыслѣ. Лѣтомъ въ Финляндіи вмѣсто регента стали у власти соціалисты, въ Латвіи латышскіе шовинисты и лѣвые одержали рѣшительную побѣду надъ уступчивымъ правительствомъ Нѣдры, а въ Эстоніи произошелъ сдвигъ влѣво. Въ такой-же мѣрѣ ухудшалось положеніе бѣлыхъ отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Установивъ, что адм. Колчакъ согласенъ дать средства на поддержку Юденича, Щербачевъ сосредоточилъ свою энергію на оказаніе помощи Сѣв.-Зап. фронту. Занятіе Петербурга могло повліять на отношеніе Европы къ бѣлому движенію и нанести непоправимый вредъ совѣтской власти какъ заграницей, такъ и внутри страны. Открывалась возможность въ кратчайшій срокъ достичь наибольшихъ результатовъ. Ревель, какъ база дѣйствій, имѣлъ удобный портъ. По мѣрѣ продвиженія впередъ, тылъ можно было подтягивать съ помощью англійскаго флота до Кронштадта включительно.

Первымъ шагомъ Щербачева было обращеніе къ маршалу Фошу, который отнесся сочувственно къ идеѣ наступленія на Петербургъ. Онъ, однако, указалъ, что союзники поддержатъ этотъ планъ лишь при условіи, если создано будетъ не разрозненное, а крупное обще-понятное дѣло. Впрочемъ, добавилъ онъ, этотъ районъ входитъ въ сферу Англіи, и Франціи придется ограничиться моральнымъ содѣйствіемъ. Послѣ этого Щербачевъ собралъ совѣтъ изъ компетентныхъ лицъ. Однимъ изъ участниковъ было указано на то, что прежнихъ начальниковъ, зачастую создавшихъ сами свои отряды при исключительныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ сохранить, а общее командованіе объединить въ рукахъ Родзянко, какъ командира наикрупнѣйшей части. Назначеніе генерала Юденича могло создать положеніе, при которомъ его штабъ имѣлъ бы въ непосредственномъ своемъ подчиненіи лишь одинъ штабъ Родзянко. Наконецъ, не было власти, которая могла заставить начальниковъ отрядовъ признать прибывшаго со стороны генерала Юденича. Щербачевъ, однако, рѣшилъ, что наиболѣе важнымъ факторомъ для содѣйствія союзниковъ является сосредоточеніе командованія въ рукахъ обще-извѣстнаго полководца, и герой кавказскаго фронта считался имъ наиболѣе подходящимъ для этой роли. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ сообщилъ адм. Колчаку о результатахъ переговоровъ съ маршаломъ Фошемъ и о желательности назначенія ген. Юденича командующимъ. Одновременно съ этимъ англичане обратились къ ген. В. Гурко, но тотъ поставилъ вопро-

сы ([15]), на которые отвѣтить оказалось для Англіи весьма неудобнымъ, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ. Указомъ отъ 5 іюня 1919 г. Колчакъ утвердилъ Юденича въ этой должности. Щербачевъ обратился къ полк. Спирсу, представителю англійской арміи при маршалѣ Фошѣ, съ просьбой о высылкѣ на имя Юденича снаряженія и снабженія. Спирсъ во всемъ пошелъ навстрѣчу и отослалъ списки необходимаго для исполненія въ Англійское военное министерство. Въ это время обратило на себя вниманіе странное явленіе: еще Юденичъ не былъ назначенъ, а въ англійской прессѣ уже появился рядъ статей о побѣдахъ его въ Прибалтикѣ, гдѣ никакихъ боевъ фактически не происходило. Самъ же Юденичъ продолжалъ проживать въ Гельсингфорсѣ. Щербачевъ рѣшилъ, что Англія ведетъ пропаганду, чтобы подготовить общественное мнѣніе въ пользу ассигнованій на поддержку Юденича. Такъ какъ вся фактическая помощь должна была исходить отъ Англіи, то центръ тяжести для снабженія Сѣверо-Западной арміи перешелъ изъ Парижа въ Лондонъ. Щербачевъ, не желая покинуть Парижа, командировалъ въ Лондонъ ген. Головина, который сталъ работать самостоятельно на пользу Сѣверо-Западной арміи. Его дѣятельность обѣщала имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что англійскій военный министръ Черчиллъ отнесся

([15]) Ген. В. Гурко спросилъ: 1. Какія полит. и экон. цѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь. 2. Какія средства денежныя и матеріальныя они готовы предоставить. 3. Будетъ ли русскій Главнокомандующій облеченъ полной властью (Очерки Рус. Смуты Деникинъ).

къ нему съ личной симпатіей и охотно выслушивалъ его соображенія и ходатайства. Черезъ короткое мя, однако, Головинъ уѣхалъ на Дальній Востокъ, а Юденичъ послалъ въ Лондонъ ген. Б. Геруа (брата ген. А. Геруа), который вновь сталъ работать въ тѣсномъ контактѣ съ Щербачевымъ. Между тѣмъ все болѣе ясно обозначалось противорѣчіе: съ одной стороны фактъ отправки требованій. посланныхъ полк. Спирсомъ, его опредѣленныя обѣщанія, завѣренія англійскаго посла въ Парижѣ и Черчилля въ Лондонѣ, съ другой — жалобы изъ Ревеля, что никакого имущества не получено.

Еще въ маѣ ген. Юденичъ, видя, что союзники ничѣмъ ему не помогаютъ, что политическая обстановка на мѣстѣ ухудшается, и что положеніе Сѣвернаго корпуса можетъ стать критическимъ, заговорилъ о возможной переброскѣ морскимъ путемъ 6000 человѣкъ на фронтъ Деникина.

Щербачевъ рѣшилъ поставить вопросъ ребромъ: или Англія формально высказывается за помощь и опредѣляетъ ея размѣры, или всѣ бѣлые отряды изъ Прибалтики (численность коихъ онъ опредѣлялъ 30.000) должны быть увезены въ добровольческую армію Деникина.

Обращаться къ маршалу Фошу не имѣло смысла, такъ какъ онъ сносился съ Англіей черезъ полк. Спирса; послѣдній-же самъ недоумѣвалъ и негодовалъ. Нормальная-же дорога черезъ Сазонова и англійскаго посла Лорда Дерби была безнадежна. Поэтому Щербачевъ воспользовался поѣздкой въ Лондонъ своего бывшаго генерала для порученій на румынскомъ фронтѣ и возложилъ на него задачу

отъ его имени переговорить съ Черчилемъ. Онъ долженъ былъ выяснить, на какую помощь можно было разсчитывать съ увѣренностью. Щербачевъ предпочиталъ прямой отказъ дальнѣйшей неопредѣленности. Въ неблагопріятномъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ немедленно начать переброску войскъ на югъ. Генералъ былъ принятъ помощникомъ Черчиля, который попросилъ его до пріема министра изложить письменно, какіе именно предметы военнаго снабженія и въ какомъ количествѣ требуетъ Щербачевъ. Опасаясь преуменьшить нормы и дать Англіи возможность чрезмѣрно сократить испрашиваемое, генералъ ограничился слѣдующей запиской: «Если англійское правительство считаетъ обезпеченіе дальнѣйшаго пребыванія Сѣверо-Западной арміи въ Эстоніи невозможнымъ, то необходимо теперь же начать перевозку ея на южный фронтъ, гдѣ она должна теперь же принять участіе въ борьбѣ съ большевиками. Ген. Щербачевъ поэтому проситъ военнаго министра срочно отвѣтить, можетъ ли посадка и перевозка 30.000 вооруженныхъ людей со всѣмъ принадлежащимъ арміи имуществомъ расчитывать на содѣйствіе Англіи и въ какой мѣрѣ. Если да, то я прошу мнѣ назначить сегодня часъ и лицо для обсужденія и начала работы». На это дѣйствительно послѣдовалъ немедленный отвѣтъ: «въ виду массы работы военный министръ извиняется, что не можетъ принять посланнаго лично, но сообщаетъ, что отвѣтить на поставленный вопросъ внѣ его компетенціи, такъ какъ англійское правительство само

еще не опредѣлило своего отношенія къ затронутой проблемѣ».

Крайне встревоженный телеграммой, полученной изъ Лондона о результатѣ переговоровъ, Щербачевъ поѣхалъ къ Сазонову съ требованіемъ безотлагательно побудить англійское правительство принять то или иное рѣшеніе и ясно формулировать его въ видѣ опредѣленнаго заявленія; отвѣтъ Черчиля былъ не совмѣстимъ съ полученными ранѣе обѣщаніями и увѣреніями, которыя не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ уже опредѣлившагося отношенія къ этому вопросу со стороны англійскаго правительства. Сазоновъ отвѣтилъ, что онъ удовлетворенъ прежними завѣреніями англійскаго посла въ Парижѣ и считаетъ нежелательнымъ вновь возбудить этотъ вопросъ, такъ какъ это могло бы имѣть видъ недовѣрія къ ранѣе полученнымъ обѣщаніямъ Англіи. Между тѣмъ Юденичъ настоятельно требовалъ признать независимость Финляндіи до предстоявшаго перехода власти (согласно финской конституціи 1772 года) отъ регента къ республиканскому правительству. Онъ бралъ на себя отвѣтственность и предполагалъ лишь своей подписью закрѣпить соглашеніе.

Щербачевъ, считаясь съ возрастающей вѣроятностью, что Англія въ недостаточной мѣрѣ или несвоевременно поддержитъ Сѣверо-Западную армію, настаивалъ на безоговорочномъ принятіи предложенныхъ Юденичемъ условій. По его мнѣнію 100.000-ая (нѣкоторые полагаютъ, что было не болѣе 45.000), прекрасно вооруженная

по сравненію съ большевиками финская армія съ 250 орудіями и 20 танками не только являлась единственнымъ спасеніемъ въ сомнительномъ положеніи, но и обезпечивала вѣрный успѣхъ. Онъ указалъ Сазонову на рискъ, сопряженный съ передачей участи всего вопроса въ руки иностраннаго правительства, отказавшагося открыто высказать свои рѣшенія. Сазоновъ въ данномъ случаѣ рѣшилъ посовѣтоваться съ англійскимъ посломъ!

Выступленіе Финляндіи оказалось нежелательнымъ для Англіи.

Получивъ вновь завѣреніе, что вмѣсто помощи Финляндіи Англія окажетъ Сѣв.-Зап. арміи содѣйствіе, Сазоновъ сказалъ, улыбаясь: «и безъ чухонъ обойдемся», и требованіе Юденича вновь было отклонено.

Вотъ, что написалъ Сазоновъ Колчаку: «Безусловное признаніе независимости Финляндіи противорѣчитъ жизненной необходимости обусловить это признаніе гарантіями безопасности для Россіи. Ссылка на 1864 годъ маловажна. Финны добиваются выхода къ Ледовитому океану въ смыслѣ присоединенія Печенги, что представляется мнѣ недопустимымъ. Самоопредѣленіе кареловъ скрываетъ притязаніе на части Олонецкой и Архангельской губерніи. Взамѣнъ этихъ главныхъ уступокъ, которыхъ никто, кромѣ Учредительнаго Собранія не въ правѣ дѣлать, намъ обѣщается выступленіе финскихъ войскъ даже безъ обязательствъ (?) дѣйствительно достигнуть опредѣленной цѣли».

На это послѣдовала телеграмма Колчака Юде-

ничу отъ 20 іюля 1919 года: «Не вступайте ни въ какія договорныя обязательства съ финляндскимъ правительствомъ. Условія соглашенія не пріемлемы и нѣтъ увѣренности въ активной помощи Финляндіи».

Уже 9 іюля Щербачевъ выслалъ курьера къ Юденичу, которому сообщалась общая оріентировка и свѣдѣнія объ обѣщанномъ при посредничествѣ полковника Спирса снабженіи. Курьеру поручено было выяснить положеніе на мѣстѣ и составить списокъ всего полученнаго изъ Англіи.

Курьеръ, однако, былъ задержанъ въ Лондонѣ и вернулся 25 іюля въ Парижъ, причемъ представилъ докладъ ([16]), и составленную имъ, ген. Геруа и ген.

([16]) Докладъ отъ 27 іюля 1919 года, входящій № 1733. дѣло 12 развѣдка:

Докладъ.

Одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ командированнаго 9 іюля къ генералу Юденичу было дать весьма благопріятную для насъ оріентировку въ смыслѣ ожидаемаго матеріальнаго содѣйствія союзниковъ, Америки включительно, а въ частности особой поддержки Англіи. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я нашелъ полную поддержку со стороны генерала Ермолова и Дьяконова, а также генерала Геруа, который уже до моего пріѣзда получилъ согласіе англійскаго военнаго министерства на движеніе курьеровъ между генераломъ Юденичемъ и нашими лондонскими представителями — поэтому, ознакомившись съ моей задачей, записалъ меня въ качествѣ перваго курьера. Пароходъ «Данія» съ грузомъ изъ Ревеля, прибывшій изъ Гавра, долженъ былъ первоначально отбыть 14 іюля изъ Лондона; я явился 11 іюля въ Англійское военное министерство къ маіору Скейфу, который вѣдаетъ всѣми отправками офицеровъ и который былъ предупрежденъ генераломъ Спирсомъ изъ Парижа о моей коман-

Дьяконовымъ (помощникомъ военнаго агента, въ распоряженіи котораго были органы агентуры и необходимыя свѣдѣнія) таблицу. Послѣдняя имѣла 3 графы: Русскія части, Эстонская армія и Латвійская армія. Въ ней были перечислены всѣ отбывшіе изъ Англіи пароходы съ снабженіемъ, которое было распредѣлено по упомянутымъ графамъ. Въ русскую графу оказался записаннымъ лишь одинъ пароходъ, который, по заявленію военнаго министер-

---

дировкѣ: послѣдній сказалъ мнѣ, что министерство сдѣлаетъ все, что нужно для моего отъѣзда. На ежедневное напоминаніе генерала Ермолова Скейфъ отвѣчалъ, что отвѣтъ о подробностяхъ будетъ данъ «завтра». Такъ тянулось время до 24 іюля, когда неожиданно мощная организація «Тред-Юніона», объединяющая почти весь рабочій классъ Англіи, объявила о своемъ присоединеніи къ требованіямъ забастовавшихъ угольщиковъ (одно изъ требованій — немедленное прекращеніе содѣйствія русскимъ). Это привело въ полное замѣшательство англійское правительство и вызвало временное пріостановленіе всѣхъ отправокъ въ Россію. 25 іюля Скейфъ сообщилъ генералу Ермолову, что моя командировка откладывается на неопредѣленное время. Въ виду изложеннаго, я выѣхалъ съ докладомъ въ Парижъ и тутъ 26 получилъ телеграмму генерала Ермолова, что мой отъѣздъ въ Гельсингфорсъ назначенъ на 9 августа.

Невольная задержка въ Лондонѣ дала мнѣ возможность ознакомиться съ весьма существенными обстоятельствами, еще не извѣстными при моей отправкѣ изъ Парижа, и могущими измѣнить посланную генералу Юденичу оріентировку, а именно:

1) Никакихъ фактическихъ отправокъ непосредственно для нашихъ русскихъ отрядовъ съ самаго начала ихъ формированій до мгновенія моего отъѣзда изъ Англіи не было произведено. Ушедшій съ грузомъ изъ Англіи одинъ пароходъ до мѣста назначенія не дошелъ (по словамъ генерала Дьяконова «потонулъ») (!!)

ства, «затонулъ» по дорогѣ. Слѣдующія графы показывали, какое количество всего было доставлено въ національныя войска Эстоніи и Латвіи. Цифры эти показывали, что Англійское правительство было заинтересовано въ созданіи вооруженной силы въ Прибалтикѣ, но не русской, и что работа для ея созданія была энергична и планомѣрна.

Эти свѣдѣнія заставили Щербачева поѣхать къ Сазонову и указать на всю серьезность положенія.

---

2) Между тѣмъ поступившіе запросы отъ англійскаго военнаго министерства съ предложеніемъ подробно исчислить нужды съ обѣщаніемъ немедленнаго исполненія вызвали твердое убѣжденіе въ Парижѣ, что часть всего этого уже получена на мѣстѣ, а прочее въ пути, что влекло за собою неточную при моей отправкѣ оцѣнку положенія.

3) Между тѣмъ отложившіяся отъ Россіи прибрежныя области фактически получили огромную помощь со стороны Англіи, которая не отразилась благопріятно на нашихъ русскихъ отрядахъ, вызвавъ въ этихъ новыхъ государствахъ неточное понятіе о политикѣ союзниковъ къ нимъ по сравненію съ Россіей.

4) Политика этихъ областей, за предѣлы допустимыхъ для интересовъ Россіи, не находила со стороны англійскаго правительства сдерживающаго вліянія, что объясняется оцѣнкой положенія представителей Англіи на мѣстахъ и ихъ освѣщеніемъ фактовъ безъ широкаго взгляда на неизбѣжныя будущія отношенія Россіи къ своимъ выходамъ къ морю, что объясняется общечеловѣческой чертой видѣть полнѣе всего то, что передъ глазами, и въ зависимости отъ непосредственнаго впечатлѣнія находиться подъ вліяніемъ мѣстной обстановки, переоцѣнивая ея значеніе. Англичане весьма увлекаются высокой идеей освобожденія народовъ отъ чужеземнаго ига и въ этомъ отношеніи заходятъ очень далеко.

5) Въ парижской прессѣ, перепечатывающей главнымъ образомъ англійскія свѣдѣнія о Россіи, уже продолжительное время велась усиленная агитація въ пользу Юденича, заста—

Онъ объяснилъ Сазонову, что всѣ данныя сводились къ тому, что англійская политика направлена на созданіе инородческихъ армій, а стало быть и соотвѣтствующихъ новыхъ государствъ; при этомъ русскія части намѣренно оставлялись безъ снабженія, чтобы онѣ не могли воспрепятствовать расчлененію Россіи, того самаго расчлененія, противъ котораго цѣной величайшаго риска возставали Сазоновъ, не соглашавшійся даже на признаніе самостоятельности Финляндіи. Для подробнаго объясненія цифръ курьеръ самъ на слѣдующій день изложилъ Сазонову всѣ данныя таблицы. Выслушавъ его, Сазо-

---

вившая насъ предполагать, что фронтъ Юденича приковалъ къ себѣ особый интересъ англійскихъ широкихъ круговъ. При этомъ замѣчалось усиленное подчеркиваніе успѣховъ Юденича и часто ему приписывались дѣйствія, достигнутыя финнами и эстами, а также отдѣльными отрядами, фактически не руководимыми директивами Юденича; казалось, что англійское правительство или нѣкоторыя группы англійскаго парламента въ этомъ смыслѣ подготовляютъ общественное мнѣніе для энергичнаго содѣйствія Юденичу. Такъ какъ это не подтверждалось фактической помощью, я постарался собрать свѣдѣнія о дѣйствительныхъ источникахъ этой газетной кампаніи, которая, какъ оказалось, велась совершенно иными элементами: а) въ правыхъ газетахъ патріотически настроенными группами русскихъ дѣятелей въ Англіи, б) въ органахъ центра объединенной группой русскихъ капиталистовъ еврейскаго происхожденія во главѣ съ Милюковымъ, заинтересованныхъ въ спасеніи своихъ капиталовъ, и надѣящихся возстановить въ Россіи режимъ Керенскаго, в) наконецъ значительное число статей въ этомъ смыслѣ было выпущено дѣльцами разныхъ національностей, тратившими значительныя суммы на пропаганду съ цѣлью использованія результатовъ для личныхъ выгодъ: среди таковыхъ можетъ считаться на первомъ мѣстѣ нѣкій ЛИЧЪ (Личъ хотѣлъ получить вмѣстѣ съ банкиромъ Рубинштейномъ концессію на

новъ, взволнованный, заявилъ, что приписываетъ сборъ подобнаго матеріала враждебному отношенію къ Англіи самого курьера: въ послѣднемъ отношеніи Сазоновъ заблуждался. 11 августа К. Д. Набоковъ писалъ Колчаку... «Петроградъ гибнетъ, а на сѣверѣ грозитъ катастрофа. Выходъ одинъ — безусловное признаніе независимости Финляндіи и соглашеніе съ Антантой». Между тѣмъ 20 августа Деникинъ писалъ Колчаку: «Еще въ декабрѣ прошлаго года по полученіи первыхъ извѣстій о предполагавшемся походѣ

эмиссіонный банкъ въ освобожденномъ Петербургѣ, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ банковъ), англійскій дѣлецъ выѣхавшій изъ Финляндіи; нѣкоторыя подобныя предпріятія получаютъ прямыя свѣдѣнія изъ Финляндіи и имѣютъ даже своихъ военныхъ корреспондентовъ среди нашего генералитета. Фактически за русское дѣло въ Англіи стоитъ группа англійскихъ дѣятелей во главѣ съ Черчилемъ, сдѣлавшая то, что пока достигнуто. Но инертность въ этомъ отношеніи всѣхъ прочихъ дѣятелей, крайняя агитація рабочей партіи,— терроризирующая морально большинство умовъ, парализуетъ очень многое, а въ частности, по отношенію къ фронту генерала Юденича на основаніи особой политики, причины коей я изложилъ только что, приводитъ къ задержкамъ. Я считаю, что само англійское правительство не выработало опредѣленной линіи въ отношеніи Юденича. Въ этомъ отношеніи характерно сопоставить даже мелочные факты: согласіе на сношеніе генерала Геруа и генерала Юденича курьерами, предложеніе майора Скейфа генералу Дьяконову, чтобы курьеръ обратился за визой къ Эстонскому представителю, хотя Эстонія не признана офиціально за независимое государство; въ мгновеніе грозныхъ событій отказъ выслать курьера съ первымъ пароходомъ подъ предлогомъ, что мѣста всѣ заняты, тогда какъ для оставленія мѣста были сдѣланы всѣ шаги еще до прибытія парохода въ Англію, требованія, чтобы за проѣздъ курьеровъ въ Финляндію и обратно было

Маннергейма на Петроградъ я поручилъ высказать союзнымъ представителямъ въ Екатеринодарѣ слѣдующую точку зрѣнія: «въ силу особыхъ отношеній, существующихъ между Россіей и Финляндіей, русскій народъ не можетъ допустить вооруженнаго вмѣшательства финновъ въ свои внутреннія дѣла. Территорія Россіи можетъ и должна быть освобождена исключительно русскими-же при содѣйствіи союзныхъ державъ». Объ изложенномъ доношу въ виду полученныхъ мною свѣдѣній о де-

уплочено 1.200 франковъ какъ частнымъ лицомъ и проч. — все это указываетъ на наличіе какихъ-то противорѣчій. Сопоставляя это съ фактомъ, что до сего времени ни одинъ русскій офицеръ не былъ пропущенъ отъ Юденича въ отряды по ту сторону Финскаго залива, ни отъ Юденича къ русскимъ представителямъ въ союзныхъ государствахъ, можно подумать, что это не есть случайный фактъ. Между тѣмъ лейтенантъ Станкевичъ, пріѣхавшій въ Парижъ изъ отряда генерала Родзянко, доложилъ мнѣ, что офицеры, высланные или приглашенные генераломъ Родзянко, ѣхавшіе черезъ Ревель, тутъ подъ предлогомъ политическаго карантина задерживались, хотя, казалось, фактъ ихъ приглашенія или посылки ставилъ этотъ вопросъ внѣ компетенціи мѣстныхъ властей.

Дѣлая общее заключеніе по всему изложенному, приходится высказать слѣдующее:

Несмотря на поддержку, оказанную намъ союзниками, а въ частности Англіей на югѣ, необходимо теперь же выяснить и вложить въ опредѣленныя рамки политику союзниковъ, а въ частности Англіи въ отношеніи операцій Юденича; неясность можетъ быть чревата неожиданными послѣдствіями не только для насъ, но и для самихъ англичанъ, которые, повидимому, недостаточно широко оріентированы на мѣстахъ. Ожидаемыя перемѣны въ финляндской внутренней политикѣ и возможность перемѣнъ въ другихъ новыхъ государствахъ, должны намѣренія союзниковъ сдѣлать условными, но совер-

говорѣ, заключенномъ недавно генераломъ Юденичемъ и генераломъ Маннергеймомъ. Всецѣло раздѣляя оцѣнку этого акта, данную Сазоновымъ, считаю долгомъ совѣсти представить Вамъ, что этотъ договоръ, нарушающій важные интересы русскаго государства, является на мой взглядъ не допустимымъ и не имѣющимъ юридической силы». Въ Очеркахъ Русской Смуты (т. IV, стр. 18), Деникинъ пишетъ: «я въ началѣ не исключалъ возможности содѣйствія финляндской арміи, но, подъ впечатлѣніемъ финляндскихъ требованій, гоненій тамъ на русскихъ людей и болѣе, чѣмъ двусмысленной политики Державъ Согласія къ концу 1918 г., я сталъ окончательно на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогой

щенно необходимо заранѣе условиться, какъ союзники будутъ реагировать на тѣ или иныя событія, для того, чтобы предупредить то, чему я былъ зрителемъ при весенней эвакуаціи юга Россіи. Такая ясность будетъ выгодна не только для Англіи и прочихъ союзниковъ съ одной, а Россіи съ другой стороны, — но безусловно предохранитъ отъ разочарованій тѣ области, которыя по политической молодости мало учитываютъ историческія необходимости. Если поэтому имѣются средства побудить англійское правительство зафиксировать свои намѣренія, предусматривая ту или иную политическую обстановку, то это необходимо сдѣлать сейчасъ-же, такъ какъ если даже намъ при этомъ не все будетъ пріятно, все-же наши разсчеты будутъ построены на положительныхъ данныхъ, а не на догадкахъ, которыя парализуютъ энергію организатора, а на фронтѣ порождаютъ деморализацію и почву для самыхъ разнообразныхъ вліяній. Такое требованіе заставитъ союзниковъ принять рѣшеніе, которое ими самими до сего времени опредѣленно не принято.

цѣнной и что поэтому выступленіе финляндскихъ войскъ на русской территоріи не допустимо». Далѣе, на стр. 39 того-же тома, мы читаемъ: «Сохраненіе Русской Государственности являлось символомъ ортодоксальнымъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни компромиссовъ». На стр. 240: «Эфемерныя государственныя образованія, пріобрѣвшія мнимую независимость, не могутъ принимать участія въ процессѣ освобожденія и объединенія Россіи, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній на отдѣльное существованіе. Они не должны претендовать на отдѣльное національное представительство». На страницѣ 138, тома V: «Мы были ригористичны не только въ духѣ, но и въ формахъ опредѣленія государственной связи, считая, что юридическій элементъ федераціи, договоръ и двустороннее октроированіе нарушатъ — самую идею національнаго единства. Но при этомъ мы упускали изъ виду три важныхъ обстоятельства: что отрывъ окраинъ съ теченіемъ времени становился все рѣзче, углубляясь «давностью», государственной практикой и международными отношеніями; что форма «федераціи» не предрѣшала еще внутренняго содержанія ея, которое могло стать вполнѣ разумнымъ и справедливымъ, не нарушая государственныхъ интересовъ Россіи; что, наконецъ, временныя россійскія правительства Юга и Востока, лишенныя преемственности власти и исторической традиціи, не могли разсчитывать на скорое, безболѣзненное и всеобщее признаніе... Этотъ новый курсъ — скорѣе ложь во спасеніе... Государственная связь Россіи съ ея окраинами предрѣшена».

Этотъ какъ бы второстепенный вопросъ пріобрѣлъ въ концѣ концовъ рѣшающее для бѣлаго движенія значеніе. Къ концу 1919 года, окраинныя государства, фактически ставшія самостоятельными, не были признаны бѣлыми вождями — (признанію Юденичемъ и С. З. правительствомъ не придавалось вѣса). Изъ этого для союзниковъ и лимитрофовъ было ясно, что если эти вожди захватили бы въ Россіи власть, послѣдняя явилась бы угрозой независимымъ молодымъ республикамъ. Эти опасенія были не только высказаны окраинными правительствами великимъ державамъ, но и энергично поддержаны представителями и слѣдящихъ на мѣстахъ... Державы не могли оказать дальнѣйшей поддержки бѣлымъ, если бы даже къ тому были другія «реальныя» основанія. Отношеніе вождей бѣлаго движенія къ инородцамъ привело въ окончательномъ результатѣ къ отказу въ содѣйствіи союзниковъ, ставшихъ покровителями молодыхъ государствъ, т. е. врагами продолженія бѣлаго движенія. Они не были намѣрены собственными руками создать себѣ же опасныя осложненія при опекѣ новыхъ мелкихъ союзниковъ. Лозунгъ «Единая Недѣлимая» оказался роковымъ, несмотря на его привлекательность. Не будучи привлеченными къ участію при его осуществленіи, инородцы стали его врагами, потянувъ за собой Европу.

Руководители бѣлаго движенія разсуждали о починкѣ общей крыши на рухнувшемъ зданіи, когда лишь можно было думать о поддержкѣ и быстрѣйшемъ исправленіи уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ стѣнъ.

Они исходили не отъ настоящаго, дѣйствительнаго, а отъ мечты, отъ прошлаго, рухнувшаго. Они руководствовались не расчетомъ, а личными чувствами, среди которыхъ сознаніе своего достоинства, превосходства надъ прежними подвластными народами, сохраненіе бывшаго авторитета въ отношеніи союзниковъ сыграли роковую роль. Съ ничтожными фактическими средствами они вели борьбу не только съ разрушительными силами, опрокинувшими прежнюю власть, милліонами корней державшуюся, но и съ отряхнувшими власть большевиковъ инородческими окраинами, которыхъ, съ ихъ многомилліоннымъ населеніемъ, могучая Россія лишь столѣтними усиліями могла покорить, и съ одноплеменной Польшей, казаками, малороссами. Одновременно они вели войну съ Германіей, враждовали съ Румыніей, и внушительно разговаривали, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, съ Франціей.

Вполнѣ понятно, что храбрѣйшій солдатъ Деникинъ, увлеченный непрестанной непосильной борьбой, не могъ услѣдить въ полной мѣрѣ за совершившимся сдвигомъ всего свѣта. За то мы остановимся на Сазоновѣ, который сталъ поперекъ дороги Щербачева и который, въ сущности, самостоятельно руководилъ внѣшнею политикой. Если Колчакъ, Деникинъ и Врангель были далеки отъ міроваго пульса, то Сазоновъ находился въ центрѣ всѣхъ событій; на его глазахъ разыгрывалась и конкуренція иностранныхъ державъ послѣ мира, и смертельная борьба за самостоятельность окраинъ,

и дикая схватка между собою эмигрантскихъ группъ. Какою ничтожною силою должны были для него обрисовываться тѣ нѣсколько десятковъ тысячъ борцовъ — разъединенные громадными пространствами, находящіеся въ полной зависимости, денежной и по снабженію, отъ разсчетливой Англіи, и единодушные между собой (казаки и добровольцы отряды, которые боролись за цѣли, не ясныя имъ, по явно противоположныя желаніямъ засѣдавшаго въ это время въ Парижѣ Верховнаго Совѣта союзниковъ, отъ одного слова котораго зависѣло, быть или не быть бѣлому движенію. Маклаковъ писалъ: «Если кто-нибудь сталъ бы говорить, что Россія будетъ унитарна. . ., то на него стали бы смотрѣть, какъ на чудака». (Оч. Рус. См., т. V, стр. 245).

Спрашивается, чѣмъ руководствовался Сазоновъ? На это даетъ отвѣтъ его предшествующая дѣятельность, сдѣлавшая его безсмертнымъ какъ Герострата, хотя и благороднаго.

Испанскій посолъ въ Петербургѣ графъ Картагена въ своей книгѣ «Воспоминаніе о моемъ посольскомъ времени въ 1914 году». ([17]), характеризуетъ Сазонова яркими красками. По его мнѣнію, Сазоновъ въ личныхъ отношеніяхъ какъ и въ политикѣ зналъ только либо любовь, или ненависть. Мы

([17]) Мы читаемъ у него парадоксальную фразу — «Россія была страна драконовскихъ законовъ, которые смягчались тѣмъ, что они никогда не примѣнялись». Болѣе гуманнаго законодательства, чѣмъ въ Россіи, нигдѣ не было, ужъ не говоря о приговорахъ. Предлагается сравненіе съ законами теперешними.

выше прослѣдили за размѣрами первой по отношенію къ Англіи. Необычайную его прямолинейность, которой онъ не менѣе поражалъ графа Картагена, мы устанавливаемъ въ допущеніи имъ, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, возбужденія еще до окончанія войны вопроса о Константинополѣ ([18]). Послѣ засѣданія Совѣта Министровъ въ концѣ

([18]) 17-го марта 1915 года Сазоновъ отправилъ посламъ въ Лондонѣ и Парижѣ нижеслѣдующую телеграмму: Ходъ послѣднихъ событій привелъ Е. В. Императора Николая II-го къ убѣжденію, что вопросъ о Константинополѣ и проливахъ долженъ быть окончательно рѣшенъ въ смыслѣ вѣковыхъ стремленій Россіи. Всякое его разрѣшеніе, которое не включало бы въ составъ русской Имперіи города Константинополя, западнаго берега Босфора, Мраморнаго моря, Дарданеллъ, а равно и южной Фракіи по черту Эносъ-Мидія, было бы неудовлетворительно. Подобнымъ же образомъ по стратегическимъ соображеніямъ часть Азіатскаго побережья, заключающагося между Босфоромъ и рѣкой Сакаріею и между пунктомъ, подлежащимъ опредѣленію на берегу Измидскаго залива, острова Имбросъ и Тенедосъ, должны быть присоединены къ Имперіи . . . . . (стр. 315, «Воспоминанія»).

Изложенный проектъ былъ положенъ въ основаніе соглашенія, достигнутаго Россіей. Въ Малой Азіи по соглашенію въ апрѣлѣ 1916 года, къ Россіи должны были перейти: Эрзерумъ, Трапезундъ, Ванъ, Битлисъ, и. т. д.

Узнавъ впервые о проектахъ, Царь (подобно Извольскому въ день объявленія войны), сказалъ Сазонову: «Я Вамъ обязанъ самымъ радостнымъ днемъ моей жизни (см. стр. 308 «Воспоминанія Сазонова»). Всѣ дальновидные враги Россіи могли бы присоединиться къ подобной оцѣнкѣ лицъ, съ закрытыми глазами руководившихъ судьбами Россіи.

Мемуары часто ничто иное, какъ попытка оправданія: по числу страницъ о какомъ-нибудь фактѣ можно судить о степени виновности автора въ данномъ вопросѣ. «Воспоминанія» Сазонова на половину посвящены его балканской политикѣ, которая дорога каждому русскому. Мы узнаемъ, ка-

1915 года, на которомъ объ этомъ было сообщено присутствующимъ, государственный контролеръ Харитоновъ сказалъ Управл. Дѣлами Сов. Министровъ Лодыженскому и его помощнику Яхонтову: «мы проиграли войну». (Со словъ Ар. Ник. Яхонтова).

кія препятствія онъ встрѣчалъ при ея осуществленіи, не только со стороны противниковъ, но и со стороны союзниковъ. Франція откровенно высказывалась противъ нихъ. Англія-же была сдержана: Съ 1909-го года Германія выступила опредѣленно въ пользу Австріи, и Англіи было выгодно располагать противовѣсомъ въ видѣ Россіи. Такое же соотношеніе сопротивленія Сазоновъ встрѣтилъ и въ 1915 г. при возбужденіи вопроса о проливахъ и Константинополѣ. Англія, зорко слѣдившая за ходомъ революціоннаго движенія въ Россіи, легко согласилась на требованіе Сазонова, мастерски составивъ формулу признанія за Россіей правъ на часть владѣній Турціи. Она вставила неожиданно фразу: «при условіи доведенія Россіей войны до побѣдоноснаго конца». Англія съ чистой совѣстью могла обѣщаннаго не дать Россіи, стоило только устранить Россію отъ участія при окончаніи войны. Стр. 319 «Воспоминаній» содержитъ настолько чистосердечное признаніе дальновидности Англіи, что нельзя отказать Сазонову въ симпатіи къ его довѣрчивости и неспособности видѣть, что то, что для Россіи было весьма желательно, казалось союзникамъ нарушающимъ ихъ жизненные интересы.

При описаніи вспышки войны много страницъ посвящено 30 іюля 1914 г. Послѣ полученія ложнаго сообщенія о мобилизаціи въ Локальанцейгерѣ, Сазоновъ поѣхалъ къ Сухомлинову и Янушкевичу.(*) На основаніи разговора съ

(*) Пагубная для Россіи роль Сухомлинова общеизвѣстна. За то мало кто знаетъ какую благопріятную для революціи почву создалъ Янушкевичъ своей политикой. Лицамъ интересующимся вопросами о причинахъ гибели Россіи, рекомендуется ознакомиться съ «Секретными засѣданіями Совѣта Министровъ 16 іюля — 2 сентября 1915 г. А. Н. Яхонтова» раскрывающими ошеломляющія послѣдствія дѣятельности Янушкевича (см. Архивъ Русской Революціи XVIII).

При его искренности Англіи было также извѣстно о мечтѣ Сазонова объединить славянскіе народы. Въ связи съ этимъ вспомнимъ часто приводимыя слова лорда Биконсфильда: «великая, все растущая, принимающая колоссальные размѣры Россія, какъ ледникъ, надвигающаяся на Персію, на Афганистанъ, на Индію, представляетъ собою самую страшную опасность, которая когда либо грозила Британ-

---

ними онъ въ 3 час. дня вынудилъ несамостоятельнаго монарха принять роковое рѣшеніе, — разговоръ носитъ именно этотъ характеръ.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ знать, что войну въ 1914 г. надо было избѣжать любой цѣной. Россія находилась въ періодѣ неслыханнаго по темпу развитія. Исторія цивилизаціи не знаетъ другихъ примѣровъ подобной профессіи статистическихъ цифръ. Данныя эти, вѣдь, внѣ споровъ. Черезъ 4—5 лѣтъ одного слова Россіи было бы достаточно, чтобы Европа безпрекословно исполнила ея указанія. Сербія въ 1918 г. оказалась бы свободной безъ мировой войны.

Сазоновъ ни слова не упоминаетъ о совѣтахъ Императору его противника, предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина, отвѣтственнаго за внутреннее положеніе страны въ связи съ принимаемымъ рѣшеніемъ. Мы узнаемъ объ отчаянной борьбѣ, которую велъ Сазоновъ съ «опустившимся въ кресло предсѣдателя совѣта министровъ дряхлымъ и полуживымъ старикомъ», старческіе глаза котораго яснѣе оцѣнили общее положеніе, чѣмъ пылкій, страстный взоръ Сазонова, не говоря уже о зрѣніи безпечнаго кавалерійскаго генерала, который съ Суворовскимъ лозунгомъ «пуля (и снаряды) — дура, штыкъ — молодецъ», рвался въ бой. Этимъ, конечно затрагивается лишь сотая доля вопроса о причинахъ войны, гдѣ Австрія должна фигурировать на первомъ мѣстѣ. Сазоновъ весьма мѣтко отмѣчаетъ, что Англія, если сразу заявила бы о своей солидарности, удержала бы Германію.

ской Имперіи». Это изреченіе было повторено Ллойдъ-Джорджемъ 30-го ноября 1919 г. въ англійскомъ Парламентѣ. Перспектива увидѣть этотъ ледникъ дошедшимъ до Эгейскаго, Адріатическаго и Мраморнаго морей была должнымъ образомъ оцѣнена Англіей.

Сазоновъ, сочувствуя либеральнымъ и прогрессивнымъ партіямъ, не симпатизировалъ формѣ правленія въ Россіи. Когда обозначалось предстоящее столкновеніе народовъ, то одновременно намѣчалась и борьба въ міровомъ масштабѣ между монархическимъ и демократическимъ принципами. По существу своему форма правленія не имѣетъ значенія для благополучія народовъ; мы безъ труда устанавливаемъ въ исторіи періоды расцвѣта при всякаго рода структурѣ власти: но переходы отъ одной формы къ другой сопряжены всегда съ болѣзнью народа. Сазоновъ и тутъ руководствуется своими чувствами, не задумываясь надъ грознымъ противорѣчіемъ, содержащемся въ назначеніе для состязаній дня кризиса болѣзни борца.

Онъ предпочитаетъ ей дать долю вины, чѣмъ признать за ней строгую логичность дѣйствій. При чтеніи этихъ страницъ бросается въ глаза, что оба императора въ послѣднее мгновеніе переступаютъ черезъ Рубиконъ не изъ желанія помѣриться силами, а изъ страха опоздать: въ этомъ страхѣ, использованномъ подчиненными, и кроется доля рѣшеній 30-го и 31-го іюля съ обѣихъ сторонъ. «Кто ѣдетъ верхомъ на тигрѣ не можетъ сойти, когда хочетъ», говоритъ китайская пословица. Этотъ парадоксъ стоилъ жизни милліонамъ людей, что мелочь по сравненію съ послѣдствіями для 2-хъ милліардовъ пострадавшихъ обитателей земного шара.

или вѣрнѣе, послѣ прививки: это можно было скомбинировать иначе, — (18) времени для того, вѣдь, у Сазонова было достаточно. Логичнѣе вызвать кризисъ и дать переболѣть организму до борьбы, разъ борецъ отъ этой операціи долженъ окрѣпнуть. Мы здѣсь устанавливаемъ лишь фактъ.

При неустанной работѣ Сазонова создается такое положеніе, при которомъ монархъ ударяетъ кулакомъ въ 10. милліоновъ солдатскихъ

---

(18) Послѣдовавшія событія какъ будто отвѣчаютъ на вопросъ, какъ возможно было это сдѣлать. Прежде всего надо было быть уравновѣшаннымъ государственнымъ дѣятелемъ, а не страстнымъ игрокомъ. Экономическое наступленіе нѣмцевъ на Багдадъ. должно было привести соперницъ Россіи на ближнемъ востокѣ — Англію и Германію къ неизбѣжному столкновенію. помимо безконечнаго числа другихъ къ тому же причинъ. Разумно было выждать результатовъ этой борьбы, т.-е. поступить въ отношеніи 2-хъ соперницъ такъ. какъ поступила Англія въ отношеніи одной Россіи. Событія показали полную несостоятельность способа спасенія Сербіи вооруженнымъ вмѣшательствомъ всей Европы въ войну ея съ Австро-Венгріей. Испытанныя ею несчастія были въ стократъ хуже. чѣмъ то. что могло причинить ей одними своими силами Австрія. Возможно. что Австрія и вовсе не смогла бы справиться въ горахъ съ легендарно храбрымъ народомъ. Если же Австрія заняла бы всю территорію Сербіи. то этимъ ослабила бы себя еще больше. обкушавшись славянами. и обрекла бы себя на распаденіе при первомъ неминуемомъ столкновеніи Англіи съ Германіей: этимъ открылась бы возможность осуществленія великосербской идеи. Въ такой извнѣ безопасный періодъ и могли бы совершиться перемѣны къ лучшему въ Россіи въ предѣлахъ энергичной эволюціи государственнаго аппарата. если это

силъ и по врагамъ и по собственному монархическому принципу. Въ образовавшуюся трещину не трудно было свалить монарха, но туда-же провалился и весь слой, созданный монаршей властью Петра Великаго и сцѣпленный съ прежнимъ режимомъ больше, чѣмъ съ народомъ, какъ то недвусмысленно показали послѣдовавшія событія. Во время войны, предвидя возможность близкой перемѣны, Сазоновъ откровенно дѣлится своими мыслями съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ Бьюкененомъ, который не менѣе сочувствовалъ измѣненію

подсказывалось бы необходимостью. Возраженіе, что теперь разсуждать легко, не выдерживаетъ въ этихъ 2-хъ вопросахъ критики. Всеобщая война не могла предохранить Сербію, окруженную противникомъ, отъ бѣды — это было и тогда абсурдомъ. Что же касается расшатыванія власти, то слѣпой до конца къ своей роли Сазоновъ, самъ пишетъ съ поражающей откровенностью: Пока я пишу эти строки, передо мной встаетъ величавый въ своей силѣ и простотѣ образъ Столыпина и мнѣ припоминаются неоднократно слышанныя отъ него слова: для успѣха русской революціи необходима война, безъ нея она безсильна (см. стр. 282 его «Воспоминаній»). Его пылкая натура не удерживается памятью объ этихъ словахъ. Мы читаемъ, какъ онъ возвращался постоянно на своихъ докладахъ Государю къ неизбѣжной замѣнѣ министровъ, сперва 4-хъ, а потомъ онъ является инициаторомъ собранія 21-го августа 1916 года (стр. 364), на которомъ министры не только рѣшаютъ обратиться къ Царю съ разумной просьбой оставить на мѣстѣ главнокомандующаго, но и одновременно требуютъ смѣну главы правительства, что имѣетъ послѣдствіемъ увольненіе еще 6-ти министровъ. Итакъ, памятуя слова Столыпина, онъ, несмотря «на господствующее вездѣ миролюбіе» (стр. 238), допускаетъ вспышку войны подъ предлогомъ спасенія Сербіи, которую этимъ под-

опасной структуры дружественно надвигающагося
ледника. Англійскій генералъ Вотерсъ въ своей по-
учительной для русскихъ объемистой книгѣ
«Секреты и конфиденціально» описываетъ свое по-
сѣщеніе ставки въ 1916 году. Императоръ Нико-
лай II за обѣдомъ упомянулъ о данной имъ Сазо-
нову отставкѣ: это обратило на себя вниманіе Во-
тереа, такъ какъ по офиціальной версіи причина
ухода Сазонова была другая. Послѣ обѣда Импера-
торъ, пригласивъ Вотерса въ свой кабинетъ и остав-
шись съ нимъ вдвоемъ, вновь упомянулъ о Сазо-
новѣ, и сказалъ примѣрно (текста нѣтъ подъ ру-
кой): «Эти люди полагаютъ, что могли-бы лучше
меня управлять Россіей, но они забываютъ, что волна
унесетъ и ихъ, а въ странѣ наступитъ хаосъ».
Когда послѣ желаннаго, но нѣсколько рано насту-
пившаго переворота, упомянутая Императоромъ

вергаетъ максимуму несчастій, и одновременно участвуетъ
въ «созданіи» атмосферы въ Совѣтѣ Министровъ, которая
стала невыносимой.» «Раздоры среди правительства не могли
укрыться отъ общественнаго мнѣнія и обаяніе власти стало
стремительно падать». «Обаяніе, безъ котораго не можетъ
держаться никакая государственная организація (стр. 282)».

Роль Сазонова въ міровыхъ несчастіяхъ пока не дооцѣ-
нена: по мѣрѣ того, что будутъ забыты имена Вивіани, Грея,
Бертхольда, Бетманъ Гольвега, все ярче выдѣлится имя Са-
зонова.

Въ отношеніи внутренняго положенія Россіи, онъ упо-
добился человѣку, почуявшему подозрительный запахъ дыма
и разбившему, для улучшенія воздуха, окна, чѣмъ и далъ по-
жару разгорѣться. Въ описываемый нами теперь періодъ,
онъ мѣшаетъ попыткамъ спасти остатки имущества послѣ
пожара, требуя его обратно лишь въ цѣльномъ видѣ, несмо-
тря на то, что передъ нимъ лежатъ огарки.

волна унесла Сазонова въ 1919 году въ Парижъ, англичане иначе распредѣлили карту Европы, чѣмъ онъ объ этом ихъ предупредилъ: они считались лишь съ этой волной и Сазонова къ участію въ мирной конференціи не допустили.

Опасность, предусмотрѣнная лордомъ Биконсфильдомъ, была устранена.

Мы и въ этотъ періодъ еще устанавливаемъ непоколебимую вѣру Сазонова въ благодарность Англіи за всѣ оказанныя имъ этой странѣ услуги. Онъ на основаніи любви но не логики расчитывали на то, что во имя этого чувства, она въ 1919 году вновь создастъ сама ледникъ, надъ разрушеніемъ котораго она съ такимъ страхомъ и съ такой неустанной энергіей работала цѣлое столѣтіе. Мы упомянемъ и о заслугахъ Сазонова по отношенію къ Польшѣ, о его искренней любви и къ ней. Возрожденіе этой страны несомнѣнно должно вызвать всеобщее сочувствіе. Она многіе годы замѣняла Франціи прежнюю союзницу Россію. Въ 1920 году вопросъ о цѣлесообразности или вредѣ дальнѣйшей поддержки бѣлаго движенія былъ рѣшенъ безъ затрудненія: возрожденіе бѣлой Россіи могло грозить безопасности и независимости новой союзницы.

Мы привели тутъ факты, относящіеся къ бѣлому движенію: но и вся прочая дѣятельность Сазонова показываетъ его намъ какъ горячаго патріота, не допускающаго мысли объ умаленіи Россіи. Онъ былъ полонъ благородныхъ чувствъ любви, дружбы, вѣрности, постоянства. Будучи въ изгнаніи, онъ продолжаетъ неизмѣнно прежнюю великодержавную

политику, такъ какъ онъ самъ не терялъ вѣры въ мощь Россіи, съ близкимъ возрожденіемъ которой не могли по его убѣжденію не считаться иностранныя державы и инородцы. Будучи самъ искреннимъ человѣкомъ и неподдѣльнымъ другомъ, онъ предполагалъ не только такую-же искренность прежнихъ друзей къ себѣ, но и переносилъ эти ихъ чувства на олицетворенную имъ и стоящую за нимъ, страну. Итакъ Сазоновъ, оставшись одинъ въ прошломъ, когда весь міръ успѣлъ далеко пойти впередъ, стоитъ лично внѣ всякихъ упрековъ. Однако его добродѣтели относятся къ этикѣ отдѣльнаго человѣка. Жизнь-же народовъ, какъ единицъ высшаго разряда, управляется иными законами и другой моралью.

Ясно одно, что руководить судьбами народовъ можно лишь отрекшись отъ личныхъ, человѣческихъ чувствъ.

Даже такой по некомпетентной людской оцѣнкѣ виртуозъ играть на струнахъ народной души какъ Наполеонъ I, потерпѣлъ окончательную неудачу: Онъ натянулъ на ряду съ народными и индивидуально-человѣческую струну любви къ своимъ сыну, женѣ и роду. Въ мартѣ 1814 года, Наполеонъ написалъ любовную записку Маріи Луизѣ изъ Барсюроба, которая была перехвачена казаками, узнавшими изъ нея, что дорога изъ Парижа была свободна. На основаніи этого Блюхеръ могъ соединиться съ Шварценбергомъ и обезпечить побѣду коалиціи. Зависимость крушенія отъ неожиданной лирики Наполеона подмѣтилъ и Эмиль Людвигъ.

Кромѣ того Наполеонъ далъ безбожно фальшивить рядомъ съ собой Талейрану

Если желѣзный Бонапартъ оказался слишкомъ «человѣкомъ», чтобы быть идеальнымъ руководителемъ народа, можно ли упрекать мягкаго и страстнаго Сазонова? Могъ ли онъ увѣровать въ теорію Наполеона, «что людьми двигаетъ лишь два основныхъ фактора: страхъ и эгоизмъ». Это предохранило бы бѣлыхъ отъ многихъ бѣдъ.

Возвращаясь къ положенію, уже ясно обозначившемуся въ концѣ іюля 1919 года, мы устанавливаемъ, что Щербачевъ встрѣтилъ въ Сазоновѣ непреодолимое препятствіе не только въ смыслѣ оказанія помощи Сѣверо-Западной арміи, но и для ея спасенія посредствомъ перевозки ея на югъ. Такъ какъ Сазоновъ считалъ, что Англія непремѣнно окажетъ своевременно помощь и введетъ въ дѣло свой флотъ, то объ увозѣ бѣлыхъ на другой театръ не могло быть рѣчи.

Дальше произошло то, что не могло не произойти.

Интересно отмѣтить, что англійское правительство отправило значительный грузъ, какъ только Юденичъ одержалъ успѣхъ. Этотъ грузъ прибылъ, когда Сѣверо-Западной арміи уже не существовало. На мгновеніе всталъ призракъ «ледника», съ которымъ осторожность подсказывала считаться. Столь же неожиданна была перемѣна взгляда Сазонова на независимость Финляндіи, когда стало извѣстно, что Сѣверо-Западная армія разбита и отступаетъ. Онъ обратился къ финляндскому правительству за помощью «на прежнихъ основаніяхъ». Но уже никто его не сталъ слушать.

Постараемся разсмотрѣть объективно обстановку въ Прибалтикѣ въ 1919 году, такъ какъ свѣдѣнія о ней до насъ зачастую доходили, отразившись въ кривомъ зеркалѣ узко-націоналистической оцѣнки того или иного лагеря.

На небольшомъ пространствѣ прежнихъ трехъ балтійскихъ губерній въ 1918 и 1919 г.г. бушевали страсти людей восьми разныхъ національностей или толковъ. Лишь одно мгновеніе, а именно для перваго шага противъ большевиковъ, они дѣйствовали совмѣстно, а потомъ они преслѣдовали лишь свои частныя цѣли.

Распредѣляя ихъ по значенію и силѣ, мы составимъ для наглядности нижеслѣдующую таблицу, основываясь на числѣ морскихъ и сухопутныхъ орудій. Мы предоставляемъ читателю переводить нумерацію согласно его симпатіямъ, если онъ внесетъ свой личный коэфиціентъ.

1. Англія со своимъ могучимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ.

2. Графъ ф. д. Гольцъ съ 28.000-ымъ прекрасно вооруженнымъ германскимъ войскомъ (по другимъ даннымъ 42.000) на границѣ Прибалтики. Въ составъ его войскъ входила желѣзная дивизія, 6-ой рез. к-съ.

3. Франція со своимъ политическимъ вѣсомъ, своими представителями и флотомъ.

4. Армія Эстонской республики (примѣрно 25.000).

5. Бѣлые русскіе отряды: А) Корпусъ Родзянки (10-12.000 ч.) на Нарвскомъ направленіи (имъ до него командовалъ генералъ Вандамъ, потомъ полк. Нефъ и Дорожинскій), Б) отрядъ разбойника Булакъ-Балаховича, потомъ поступившаго на эстонскую службу въ районѣ Пскова, В.) «Корпусъ графа Келлера» подъ начальствомъ князя Ливена въ Латвіи; послѣдній состоялъ изъ 3-хъ отрядовъ: а) отряда, составленнаго лично княземъ Ливеномъ, сначала лишь 400 чел., потомъ 3.000 чел., б) отряда Бермонта, в) отряда Вырголича. Оба послѣднихъ были сформированы по соглашенію съ союзниками, изъ русскихъ военно-плѣнныхъ, набранныхъ въ германскихъ лагеряхъ. Численность ихъ мѣнялась, такъ какъ въ эти отряды стали поступать потомъ нѣ-

мецкіе солдаты. У Бермонта была дивизія пластуновъ, въ коей одинъ полкъ имѣлъ численность въ 1.000 чел., другой въ 200 чел., въ прочихъ двухъ полкахъ были лишь кадры. Численность корпуса Родзянко такъ же сильно колебалась (см. стр. 123).

6. Національная латышская армія, возникшая сначала въ районѣ, занятомъ эстонцами.

7. Балтійскій ландесверъ изъ элементовъ мѣстнаго балтійскаго меньшинства (2-3.000 чел.). (Съ ними работалъ временно латышскій полкъ Болодиса въ 2.000 чел.).

8. Германское соціалистическое правительство въ Берлинѣ.

Бывшіе въ походѣ на Петербургъ будутъ удивлены увидѣть себя лично на 5-мъ мѣстѣ.

Каждый изъ этихъ 8 участниковъ имѣлъ свою опредѣленную цѣль: отчего они соединялись въ группы, станетъ понятно, когда ознакомиться съ ихъ задачами.

1. Англія желала обезпечить свое положеніе въ Балтійскомъ морѣ, а для этого создать дружественныя ей, независимыя отъ постороннихъ вліяній, республики. Она не могла допустить усиленія Россіи и вліянія Германіи.

2. Графъ ф.-д. Гольцъ стремился къ созданію самостоятельнаго , независимаго отъ Берлина плацдарма, на которомъ онъ хотѣлъ сосредоточить все, что осталось отъ прежней германской арміи на востокѣ и гдѣ могли бы собраться враги соціалистическаго германскаго центральнаго правительства, а также всѣ германскіе нѣмцы, желающіе колонизовать западную Россію, Прибалтику включительно. (Въ этомъ вопросѣ 11 января 1919 г. состоялось соглашеніе между латвійскимъ правительствомъ и нѣмецкимъ совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 8-ой герм. арміи, въ результатѣ котораго и была создана желѣзная дивизія Бишофа).

3. Франція желала уничтожить графа ф.-д. Гольца и всякое нѣмецкое вліяніе въ Прибалтикѣ.

4 и 6. Національныя арміи Эстоніи и Латвіи, успѣвшія къ іюлю 1919 года оттѣснить большевиковъ за этнографическіе предѣлы своихъ странъ, стремились къ освобожденію отъ чужеземцевъ и вліянія балтійскаго меньшинства.

5. Русскія добровольческія части хотѣли, послѣ побѣды надъ большевиками, вернуть Россіи ея прежнее положеніе. Эти стремленія были въ явномъ противорѣчіи съ цѣлями эстонскихъ и латышскихъ войскъ и съ тѣми задачами, къ осуществленію которыхъ въ этомъ районѣ стремилась Англія.

7. Балтійскій ландесверъ, взявшій вмѣстѣ съ русскими добровольческими отрядами князя Ливена 22 мая 1919 г. Ригу (попавшую 3 января 1919 г. въ руки большевиковъ, несмотря на присутствіе англ. флота адм. Сеймура), боролся за узко-мѣстные интересы: онъ поддерживалъ буржуазное Латвійское правительство Нѣдры, стремился обезпечить страну отъ мѣстныхъ и русскихъ большевиковъ, то-есть боролся за такое положеніе, при которомъ балтійское меньшинство принимало бы участіе въ управленіи страной и сохранило-бы земельную собственность. Графъ ф.-д. Гольцъ въ своей книгѣ «Meine Sendung in Finland und im Baltikum» категорически отмежевывается отъ балтійцевъ, указывая на то, что онъ никогда не велъ «баронской политики»: онъ это высказывалъ и въ Рейхстагѣ.

8. Германское правительство и Рейхстагъ боролись противъ графа ф.-д. Гольца, видя въ немъ такую же для себя угрозу, какую Совѣтское правительство видѣло въ арміяхъ Деникина и Колчака. Одновременно оно дѣйствовало и противъ балтійскаго меньшинства, какъ своихъ соціальныхъ враговъ. Президентъ Германскаго Рейхстага Лебе, будучи впослѣдствіи въ Ревелѣ, подчеркнулъ на обѣдѣ это отношеніе къ балтійцамъ, поздравивъ Эстонское правительство съ націонализаціей земель меньшинства и заявивъ, что Германіи слѣдовало бы у себя послѣдовать его примѣру.

Англія, Франція, войска вновь созданныхъ республикъ и центральное Германское правительство могли временно идти вмѣстѣ, но графъ ф.-д. Гольцъ никакъ не могъ согласовать своихъ дѣйствій съ ними, а посему, послѣ отхода изъ края большевиковъ, главнымъ врагомъ первой группы сталъ онъ.

Если столь опредѣленно обозначилась противоположность цѣлей главныхъ участниковъ, то совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ игравшими второстепенное значеніе отрядами русскихъ и балтійцевъ. Какъ тѣ и такъ и другіе завис ѣли въ Латвіи

отъ графа ф.-д. Гольца. Согласно докладной записки курьера, (см. стр. 122), русскіе чины, напримѣръ, получали отъ нѣмцевъ жалованіе на 10 дней впередъ и имѣли лишь носильный на себѣ запасъ патроновъ, то есть ничего не могли дѣлать самостоятельно. Въ Эстоніи въ значительную зависимость отъ англичанъ и отчасти эстонцевъ попалъ самъ Юденичъ и корпусъ Родзянко. Какъ англичане, такъ и нѣмцы использовали эти отряды для своихъ цѣлей. Англичане желали уничтожить всякое постороннее вліяніе и потому были заинтересованы въ томъ, чтобы Сѣверо-Западная армія, очистивъ Эстонію отъ большевиковъ, сама послѣ этого исчезла. Графъ ф.-д. Гольцъ, напротивъ, желая продвигаться все болѣе на востокъ, вопреки берлинскому правительству, прикрывалъ свои цѣли, участвуя въ междоусобной борьбѣ бѣлыхъ и красныхъ.

Англичане, эстонцы и часть русскихъ и балтійцевъ съ одной стороны. Латвійское правительство Нѣдры, — другая часть русскихъ, балтійцевъ и нѣмцевъ графа ф.-д. Гольца, съ другой, преслѣдуя большевиковъ, первые съ сѣвера на югъ, вторые съ юга на сѣверъ, легко могли встрѣтиться другъ съ другомъ. Дѣйствительно, часть эстонской арміи, перейдя черезъ этнографическія границы въ направленіи на югъ, стала на латвійскую территорію. Къ ней присоединились латвійскія національныя войска, т.-е. противники правительства Нѣдры. Нѣдра, съ своей стороны, къ тому-же времени выдвинулъ нѣмецкій отрядъ, въ составъ коего входилъ и балтійскій ландесверъ. Князь Ливенъ, предчувствуя недоброе, приказалъ капитану Болдыреву не участвовать въ этомъ движеніи. Представители союзниковъ, прибывшіе на мѣсто перваго столкновенія, постановили, что эстонская армія должна вернуться въ предѣлы Эстоніи. Съ этимъ не согласились латвійскіе военные начальники, входившіе въ составъ арміи Эстоніи, и началось наступленіе на отрядъ Нѣдры.

Такъ какъ балтійцамъ не было расчета драться противъ эстонцевъ и латышей, съ которыми надо было жить вмѣстѣ и въ будущемъ, то имъ было заявлено, что противъ нихъ дѣйствуютъ эстонскіе и латвійскіе большевики. 22 іюля 1919 года въ битвѣ подъ Венденомъ войска Нѣдры были разбиты и латвійскіе націоналисты, во главѣ съ Ульманисомъ образовали новое

правительство въ Ригѣ. Такимъ образомъ первымъ въ клещи попалъ ландесверъ, похоронивъ вмѣстѣ съ собою привелигированное положеніе балтійскаго меньшинства ([20]).

Вторыми, при сложившейся обстановкѣ, должны были погибнуть бѣлые отряды русскихъ, случайно избѣжавшіе гибели въ первомъ столкновеніи. На сѣверѣ они попали между линіей большевиковъ и Эстоніи, а на югѣ они были раздавлены въ борьбѣ англійскаго и французскаго флотовъ и латышей съ одной стороны, и нѣмцевъ—съ другой. И тѣ и другіе погибли безъ остатка. Произошло это такъ: ген. Юденичъ, назначенный Колчакомъ 5 іюля командующимъ Сѣверо-Западной арміей, прибылъ для непосредственнаго командованія арміей въ Ревель въ концѣ іюля. Начальникъ особой британской военной миссіи, бывшій командующій англійской 5-ой арміей генералъ Гофъ и его помощникъ генералъ Марчъ, взявшіе въ свои руки общее руководство всѣми дѣйствіями въ Прибалтикѣ, послѣдовали за нимъ въ концѣ іюля. Каковы были данныя имъ инструкціи, мы не знаемъ, но, судя по ихъ дѣятельности, они пользовались самостоятельностью въ выборѣ средствъ. Юденичъ былъ лишенъ возможности что-либо дѣлать по своему усмотрѣнію и долженъ былъ исполнять ихъ указанія. Сѣверо-Западная армія жила и умирала по желанію генераловъ Гофа и Мэрча. Послѣдній собралъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и приказалъ 10 августа 1919 года въ 40 минутъ безъ участія Юденича составить Сѣверо-Западное русское правительство, отъ котораго потребовалъ офиціальнаго признанія независимости Эстоніи, въ чемъ Сазоновъ въ Парижѣ, какъ извѣстно, отказалъ: «если, прибавилъ ген. Мэрчъ, правительство не будетъ образована къ 7 часамъ, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ-же прекращена» (см. мемуары Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). Это было исполнено. Во главѣ правительства сталъ Ліанозовъ. Юденичъ, съ своей стороны, призналъ независимость Эстоніи. Формально первая задача англичанъ была рѣшена. Оставалось удаленіе Сѣверо-Запад-

---

([20]) Этотъ бой, отчасти, послужилъ потомъ оправданіемъ къ отчужденію у меньшинства всей земельной собственности.

ной арміи. Въ отношеніи корпуса Родзянки это было простымъ дѣломъ, но ликвидировать отряды въ Латвіи казалось болѣе сложнымъ: кромѣ того, послѣдніе могли, согласно плану Юденича, двигаясь съ флангового своего положенія на Бологое, перерѣзать сообщеніе съ Москвой и выйти въ тылъ Петербургу; несмотря на свою малочисленность, они могли-бы произвести панику и этимъ вызвать случайное паденіе совѣтскаго правительства. Ген. Гофъ приказалъ черезъ Юденича корпусу кн. Ливена сѣсть въ Либавѣ на суда и переѣхать моремъ въ Гунгербургъ, гдѣ участвовать въ движеніи Родзянки въ лобъ на Петербургъ (см. «Записки» начальника отряда кн. Ливена).

Это былъ смертный приговоръ всей операціи: послѣдній шансъ, послѣдняя, хотя уже и безъ того слабая, надежда на удачу одпѣми своими силами, этимъ уничтожалась.

Этимъ приказомъ, исходящимъ отъ ген. Гофа [21], не преминули воспользоваться нѣмцы. Они указали русскимъ представителямъ въ Берлинѣ и въ Митавѣ и русскимъ войскамъ въ Латвіи на намѣреніе Гофа ихъ погубить. По слухамъ сенаторы Туганъ-Барановскій, Бельгардъ, Римскій-Корсаковъ, а можетъ быть и другіе русскіе дѣятели поручили сенатору Нейдгарду поѣхать въ Ревель и уговорить Юденича вырваться изъ-подъ вліянія Гофа и остерегаться эстонцевъ. Аэропланъ Нейдгарда спустился въ расположеніе эстонской арміи. Документы попали въ руки эстонскаго правительства. Нейдгардъ былъ арестованъ. У эстонцевъ могло явиться опасеніе, что Юденичъ устранитъ Гофа и нападетъ на нихъ. Отъ подобныхъ неосуществимыхъ насильственныхъ мѣръ и намѣреній никто не былъ дальше уравновѣшеннаго Юденича, однако, уже раньше крайне натянутыя отношенія между нимъ и республикой не могли отъ этого выиграть. Нельзя было расчи-

---

[21] Утвержденіе нѣкоторыхъ изъ военныхъ, что Юденичъ самъ отъ себя отдалъ это распоряженіе въ виду того, что латыши будто не пропускали корпуса графа Келлера къ Сѣверо-восточной границѣ, опровергается записками кн. Ливена и протоколомъ, подписаннымъ латвійскимъ представителемъ полк. Калнинымъ (см. стр. 121), гдѣ участокъ Бермонту назначенъ еще 20-го августа отъ Двинска на Великія Луки.

тывать на довѣріе эстонцевъ къ обѣщаніямъ Юденича и Ліанозова, такъ какъ всѣмъ было извѣстно отношеніе Сазонова и политическаго совѣщанія въ Парижѣ къ Финляндіи.

Между тѣмъ, уже 20 іюля та часть корпуса графа Келлера, которая была въ свое время сформирована самимъ княземъ Ливеномъ, а именно 2.000 штыковъ была перевезена изъ Либавы въ Ревель и Гунгербургъ. Бермонтъ-же, съ подчиненнымъ ему Вырголичемъ, отказался исполнить приказаніе, заявляя, что англичане «измѣнники».

Марчъ 26 августа собралъ начальниковъ всѣхъ анти-совѣтскихъ отрядовъ въ Ригѣ, гдѣ и былъ составленъ нижеслѣдующій «протоколъ». Судить о томъ, насколько это было серьезно, внѣ нашей компетенціи. Приводимъ его лишь потому, что въ немъ точно обозначены районы дѣйствій тогдашнихъ враговъ совѣтской республики:

Подписи:	Фронтъ:	Участки фронта:
Ген. К. М. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ побережья до жел. дор. Ямбургъ-Гатчино включительно.
Ген. Десино	Русскій	Отъ желѣзной дороги до р. Великой.
Ген. Лайдонеръ	Эстонскій	Отъ р. Великой до сѣверн. берега Лубанскаго озера.
Полк. Кальнинъ	Латвійскій	Отъ Лубанскаго до Болтиновскаго озера включительно (задача — оборона восточной границы Латвіи).
Полк. Бермонтъ. . . .	Русскій	Задача отъ Двинска продвинуться на Великія Луки.
Полк. Беньяшевичъ. .	Литовскій	Отъ Балтиновскаго озера до пункта въ 35 килом. юго-западнѣе Двинска (задача — оборона восточной границы Литвы).
Капит. Мысловскій. .	Польскій	Отъ литовцевъ къ Востоку.

Завѣрилъ: І. Г. Марчъ, бригадный генералъ.

Рига, 26 августа 1919 г.

Черезъ 4 дня Юденичъ пріѣхалъ въ Ригу и пригласилъ къ себѣ Бермонта, который не явился.

15 ноября курьеръ послалъ Щербачеву донесеніе, которое, дополняя этотъ «протоколъ» — даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общую картину положенія:

Докладная записка 15 ноября 1919 года.

Изъ 4-хъ продолжительныхъ бесѣдъ съ генераломъ Юденичемъ я узналъ нижеслѣдующее:

Общее положеніе на фронтѣ, несмотря на недавнія неудачи и потери Ямбурга (теперь взятаго, по слухамъ, обратно) и Пскова, надо считать удовлетворительнымъ. Русскія части, хотя и малочисленныя — на фронтѣ не болѣе 14.000 штыковъ и сабель (сюда входитъ и перевезенный изъ Латвіи отрядъ князя Ливена въ 2.000 штыковъ) — настроены бодро. Эстонскія войска, коихъ оказывается всего 25.000 штыковъ, по мнѣнію командующаго Эстонской арміей Лайдонера, нуждаются въ активныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ стали заниматься политикой и духъ въ нихъ за послѣднее время измѣнился къ худшему. При содѣйствіи Финляндіи генералъ Юденичъ считаетъ, что операція противъ Петрограда увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ 7 финскихъ дивизій при 250 орудіяхъ и 20 танкахъ должны рѣшить дѣло. Генералъ Юденичъ полагаетъ, что, при умѣлой политикѣ, Финляндія приметъ участіе въ операціи противъ Петрограда, при этомъ ставитъ ея рѣшеніе въ зависимость отъ германскихъ вліяній. На югѣ въ Ливоніи стоятъ два отряда: Бермонта и Вырголича (первый именуетъ себя княземъ Аваловымъ) въ 3.000 штыковъ, которые на бумагѣ признаютъ генерала Юденича, но на дѣлѣ его приказаній не исполняютъ. Эти части получаютъ отъ нѣмцевъ на 10 дней жалованіе впередъ и носимый запасъ патроновъ, такъ что безъ ихъ содѣйствія не могутъ просуществовать и самаго короткаго времени, и самостоятельныхъ дѣйствій не въ состояніи предпринимать. Далѣе на югъ въ Курляндіи 41.000 хорошо обученныхъ германскихъ частей, которыя, по мнѣнію генерала Юденича, не собираются уйти: объ ихъ дальнѣйшихъ планахъ ему не извѣстно. По свѣдѣніямъ, генералъ Бискупскій, выдвигаемый сенаторомъ Бельгардомъ и

Римскимъ-Корсаковымъ, предлагаетъ объединить группы Бермонта и Выргодича — но согласятся ли последніе на это объединеніе, генералу Юденичу казалось сомнительнымъ.

ОРГАНИЗАЦІЯ. Военныя силы объединяются въ рукахъ главнокомандующаго, который пытается быть самостоятельнымъ, но въ сущности англичане входятъ во все, даже въ назначенія офицеровъ на старшія должности. Ему подчиняется Командующій арміей генералъ Родзянко со своимъ штабомъ—а последнему два штаба корпуса: 1 графа Палена и 2-й Арсеньева. Такимъ образомъ два штаба корпуса имѣютъ надъ собой два штаба старшихъ начальниковъ, что является причиной самыхъ непроизводительныхъ треній и несомнѣннымъ зломъ, чреватымъ послѣдствіями. При своеобразномъ характерѣ командующихъ лицъ это особенно недопустимое явленіе. (Бывшій командиръ II корпуса Булакъ-Балаховичъ, какъ видно изъ прилагаемаго приказа, убѣжалъ къ эстонцамъ).

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ. Офицерскій составъ слишкомъ малочисленъ. Въ особенности чувствуется нужда въ офицерахъ генеральнаго штаба. Генералъ Юденичъ желалъ бы получить 1200—1500 человѣкъ офицеровъ и нѣсколько начальниковъ штабовъ дивизій и офицеровъ генеральнаго штаба въ штабы корпусовъ и арміи (10 человѣкъ).

НИЖНІЕ ЧИНЫ. Почти всѣ солдаты вербованы изъ занятыхъ мѣстностей, которые въ случаѣ отхода, для защиты своихъ семей расходятся по домамъ. Этимъ объясняются большія потери при послѣднихъ отступленіяхъ: 3000 подъ Ямбургомъ и 2000 подъ Псковомъ. Добровольцевъ нигдѣ почти нѣтъ.

АРТИЛЛЕРІЯ. Армія имѣетъ лишь 16 полевыхъ орудій и 16 гаубицъ, новыхъ англійскихъ, которыя могутъ

считаться вполнѣ годными къ дѣйствіямъ. Всѣ прочія орудія (около 60) или разстрѣляны, или же стараго типа (взятыя у большевиковъ). Англичане прислали 10.000 ружей.

ТАНКИ. Англичане прислали 4 танка; но при разгрузкѣ пулеметныхъ лентъ не оказалось, по слухамъ въ ящикахъ были гвозди; такимъ образомъ, они до сего времени стоятъ въ бездѣйствіи такъ какъ ленты, заказанныя генераломъ Юденичемъ на заводѣ, пока не готовы. Танки имѣютъ по одному орудію и 5 пулеметовъ.

АЭРОПЛАНЫ. Англичане прислали 6 аэроплановъ; но комиссія отказалась ихъ принять, такъ какъ моторы оказались старые и пробные полеты были невозможны.

ПАТРОНЫ. Налицо 10.000 3-дюймовыхъ патроновъ и 10.000 англійскихъ. Насколько я понялъ, ожидается еще 34.000 первыхъ и 65.000 вторыхъ.

ОБМУНДИРОВАНІЕ въ плохомъ состояніи. Англичане прислали 10.000 ботинокъ, но нѣтъ ни бѣлья ни платья, и отсутствіе шинелей и теплой одежды на зиму очень безпокоитъ генерала Юденича.

ПРОДОВОЛЬСТВІЕ обставлено сейчасъ сносно. Американцы привезли хлѣбъ, сало, бобы. Картофель покупается у населенія. Паекъ: 2 фунта хлѣба, ½ фунта сала. Офицеры получаютъ то же. Необходимы консервы, приправы, мыло, табакъ. На армію хватило-бы хлѣба на 4 мѣсяца, но нужно кормить населеніе.

ДЕНЬГИ. Въ первый разъ былъ полученъ въ маѣ 1 милліонъ рублей, въ іюлѣ 1 милліонъ франковъ, потомъ 150.100 фунтовъ и наконецъ 850.000 фунтовъ переведены адм. Колчакомъ въ Лон-

донъ — но тутъ какая-то задержка. Теперь предполагаютъ въ Копенгагенѣ печатать съ разрѣшенія адмирала Колчака 300 милліоновъ рублей сейчасъ и 500 милліоновъ позже. Условія въ прилагаемой газетѣ.

САНИТАРНЫЯ УСЛОВІЯ очень плохи. Цынга со смертными случаями. Сыпнымъ тифомъ заболѣваютъ даже офицеры. Статистическихъ данныхъ невозможно было достать, такъ какъ это дѣло сильно хромаетъ. Медикаментовъ нѣтъ.

НАСТРОЕНІЕ. По мнѣнію ген. Юденича, послѣднія неудачи не подорвали духа въ русскихъ частяхъ, но неприбытіе или недостатокъ военныхъ припасовъ подорвали довѣріе къ англичанамъ и несомнѣнно вліяютъ на сдвигъ офицерскихъ и солдатскихъ массъ въ сторону нѣмцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА крайне сложная. Новое русское правительство находится въ чужой странѣ: такъ какъ полоса Петроградской губерніи подвержена слишкомъ большой опасности, то оно расположилось въ Ревелѣ, что конечно вызываетъ насмѣшки со стороны эстонцевъ. Ліанозовъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что при неудачѣ и отходѣ за рѣку Нарову эстонцы обезоружатъ русскія части. Эстонцы издали указъ о выселеніи 7.000 русскихъ за предѣлы Эстоніи. Рабочая масса требуетъ смѣщенія правительства, прекращенія военныхъ дѣйствій, введенія націонализаціи на всякое имущество и соглашенія съ большевиками Россіи. Благодаря мѣрамъ самосохраненія теперешняго правительства, возможность переворота считается отложенной не менѣе какъ на 1—2 мѣсяца.

АНГЛИЧАНЕ. Личный составъ англійскихъ частей не значителенъ. Кромѣ лицъ, состоящихъ въ комиссіи и при генералѣ Юденичѣ, всего 12 англійскихъ

офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при танкахъ. Генералъ Юденичъ съ симпатіей говорилъ о генералѣ Гофѣ, но жаловался на м. Мэрчъ. Вообще-же считаетъ, что мало помощи, но много совѣтовъ. Объ американцахъ генералъ Юденичъ выражался съ восторгомъ, считая ихъ помощь главнымъ факторомъ созданія и сохраненія арміи.

ОРІЕНТИРОВКА. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на другихъ фронтахъ поступаютъ довольно регулярно. Но связи съ югомъ Прибалтики совершенно нѣтъ, такъ что въ Ревелѣ неизвѣстно, что дѣлается въ Ригѣ, и масса ложныхъ извѣстій поступаетъ изъ Германіи, въ которой намѣренно или по недостатку связи поступаетъ много ложныхъ свѣдѣній.

ЛИЧНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ. По моему мнѣнію, армія загромождена слишкомъ большимъ числомъ штабовъ, а страна массой учрежденій съ громкими названіями и большимъ числомъ служащихъ. Нужна была-бы одна твердая рука, но ея несомнѣнно нѣтъ, и нѣсколько лицъ съ военно-административными функціями. Думаю, что въ будущемъ успѣхъ будетъ обусловленъ главнымъ образомъ положеніемъ и развалом Совденіи. Предвижу столкновеніе интересовъ на національной почвѣ. Если не будетъ военныхъ дѣйствій, отвлекающихъ вниманіе эстонскихъ солдатъ, думаю, что поворотъ еще болѣе влѣво неизбѣженъ. Если Англія прекратитъ свою военную, а Америка свою матеріальную помощь, катастрофа неизбѣжна.

Тѣмъ временемъ гр. ф. д. Гольцъ былъ по настоянію антанты берлинскимъ враждебнымъ ему соціалистическимъ правительствомъ не безъ труда удаленъ, и германскія войска расформированы. Уволенные нѣмцы подъ видомъ добровольцевъ вступали въ отряды Бермонта, у котораго образовались значительныя силы съ мощной артиллеріей. Его поведеніе въ

отношеніи Латвіи стало агрессивнымъ. Онъ послалъ Латвійскому правительству ультимативное требованіе пропустить его черезъ Ригу для выхода на фронтъ съ большевиками и двинулся 8 октября на Ригу.

Юденичъ 11 октября объявилъ Бермонта измѣнникомъ, надѣясь успокоить этимъ эстонское общественное мнѣніе. Латышамъ же онъ съ этой-же цѣлью передалъ 4 орудія. Англійскій и французскій флоты сосредоточились въ Рижскомъ заливѣ. Кончилось тѣмъ, что адмиралъ Брюсонъ, освѣдомленный о положеніи начальникомъ французской военной миссіи, полковникомъ Дю-Паркэ, приказалъ флоту открыть огонь. Въ Усть-Двинскѣ пострадали отъ него пластуны и отступили. Въ тылу у Бермонта распоряженіемъ союзниковъ былъ прекращенъ подвозъ. Бермонтъ послѣ бомбардировки Риги отступилъ, преслѣдуемый латышами. Этимъ закончила свое существованіе южнаго группа «корпуса гр. Келлера», смѣшанная съ германскими солдатами. Обстоятельства гибели русскихъ весьма схожи съ обстановкой, которая рѣшила участь мѣстнаго ландесвера 22 — 24-го іюля того же года.

Мы поставили берлинское правительство и рейхстагъ на ѣ мѣсто по силѣ и значенію. Но и ничтожныя причины могутъ имѣть крупныя послѣдствія. Если-бы Берлинъ не взялся столь энергично за разстройство плановъ и за удаленіе гр. ф.-д. Гольца, послѣдній могъ бы легко создать обстановку, значеніе и послѣдствія коей трудно учесть. Опасность эта для видовъ Англіи и Франціи казалась во всякомъ случаѣ реальной. Русскіе тутъ погибли въ качествѣ „Quantite négligeable". Гофъ впослѣдствіи оправдывалъ уходъ англійскаго флота изъ-подъ Петербурга необходимостью спасать положеніе у Риги и Либавы.

Какъ уже было описано, положеніе Юденича стало настолько сложнымъ, и ежедневныя потери его, по разнымъ причинамъ, настолько велики, что онъ, не будучи готовъ къ походу, двинулся въ общее наступленіе 11 октября.

Эстонская армія, оттѣснивъ большевиковъ, остановилась частью сзади, а частью занявъ границу Эстоніи и Латвіи. Лишь находившійся въ составѣ этой арміи Балтійскій полкъ получилъ разрѣшеніе сопровождать С.-З. армію на Петербургъ. Между тѣмъ, полоса въ 20 верстъ вдоль побережья была назначена ген. Гофомъ какъ исключительный районъ дѣйствій эстонской арміи и ингерманландскаго отряда.

11 октября былъ занятъ Ямбургъ. 17 октября Гатчина. 22 октября большевики получили подкрѣпленіе. 25 октября они перешли въ контръ-наступленіе. Англійскій флотъ, согласно обѣщаніямъ Гофа, долженъ былъ обстрѣлять Красную Горку, на флангѣ бѣлыхъ. Англійскій мониторъ дѣйствительно выпустилъ 16 выстрѣловъ, изъ коихъ одинъ попалъ. По словамъ начальника эскадры англійскихъ миноносцевъ, послѣ этого было получено отъ англійскаго адмирала Кована *) прекратить огонь и держать курсъ на сѣверъ, т.-е. въ открытое море. Такъ какъ лѣвый флангъ не былъ обезпеченъ, то С.-З. армія была охвачена и обойдена.

Итакъ нѣсколько тысячъ человѣкъ бѣлыхъ безъ достаточнаго числа боевыхъ припасовъ, артиллеріи, аэроплановъ, броневиковъ, были брошены на вѣрную гибель. Нельзя допустить, чтобы военные люди — Гофъ и Мэрчъ, будучи въ здравомъ умѣ, не знали, что съ подобными силами нельзя было взять Петербургъ, его удержать и дальше двинуться на Москву. При такихъ обстоятельствахъ, предосторожность Гофа, заставившаго генерала Юденича подписать, что Кронштадтъ, послѣ занятія Петербурга, будетъ переданъ Эстонской республикѣ въ видѣ гарантіи ея независимости, не лишена юмористическаго оттѣнка. Обратно въ Эстонію части Юденича, согласно заключенному тѣмъ временемъ между Эстоніей и совѣтскимъ правительствомъ Юрьевскому миру, не пустили, лишь Балтійскій баталіонъ, оказавшій неоцѣнимыя услуги С.-З. арміи при отступленіи изъ-подъ Петербурга, былъ, какъ входящій въ составъ Эстонской арміи, принятъ обратно. Остатки арміи оказались въ западнѣ между двумя линіями. Переходившіе черезъ эстонскую границу люди разоружались и помѣщались въ концентраціонные лагери. Значительная часть ихъ въ ужасныхъ условіяхъ умерла отъ заразныхъ болѣзней въ баракахъ въ Цигельсъ-Копнелѣ. Люди,

---

*) Въ оффиціальныхъ бумагахъ, по словамъ адмирала Пилкина, его фамилія писалась Cohan (Коганъ).

оставшіеся въ тылу, по приказанію союзниковъ, были распылены (22).

Юденичъ былъ арестованъ Булакъ-Балаховичемъ, но освобожденъ Эстонскимъ правительствомъ, по настоянію французскаго представителя. Передавъ 250.000 фунтовъ ликвидаціонной комиссіи онъ покинулъ предѣлы Эстоніи.

Итакъ, русскіе добровольческіе отряды въ Прибалтикѣ не имѣли тѣни надежды на успѣхъ. Они оказали лишь услугу интересамъ Англіи и молодыхъ республикъ, очистивъ страну отъ большевиковъ, и этимъ участвовали въ расчлененіи Россіи. Послѣ этого они оказались элементомъ ненужнымъ и ихъ уничтожили на сѣверѣ съ помощью большевиковъ, на югѣ упрощеннымъ способомъ.

Добираясь до корня этого явленія, мы видимъ, что бѣлые были использованы Англіей и гр. ф.-д. Гольцемъ, въ борьбѣ этихъ соперниковъ за преобладаніе въ Прибалтикѣ.

Лидеръ національнаго центра въ Латвіи Бергъ въ помѣщенной 22 іюня 1929 г. передовицѣ «Латвиса», направленной противъ Германіи, пишетъ, «что ф.-д. Гольцъ имѣлъ въ виду покончить съ большевиками, которые поддерживали деньгами и агитаціей германскихъ коммунистовъ, и такимъ путемъ задавить германскую революцію. Послѣ этого онъ надѣялся добиться объединеннаго наступленія германскихъ и россійскихъ войскъ противъ союзниковъ. Рѣчь шла, какъ пишетъ самъ ф.-д. Гольцъ, «не о правительствѣ Нѣдры, не о 700 годахъ балтійской исторіи, а о германскомъ будущемъ на Востокѣ и о созданіи буржуазной Россіи, дружественной Германіи».

Національнымъ праздникомъ этихъ молодыхъ республикъ, сталъ день битвы подъ Венденомъ и день отступле-

---

(22) To his Excellency General Joudenitch

In conformation of our conversation of this afternoon an January 6-th the Kupreme council decided to allow Estonians a free hand as to the despersal of the Norts-West Army W. Wilson Lt. Colonel British Military Mission.

Reval 19. I. 1920.

нія Бермонта изъ-подъ Риги. О побѣдахъ надъ большевиками, въ которыхъ участвовали бѣлыя силы, вспоминаютъ безъ благодарности. ([23]).

Они стали ненужными и послѣдующія событія стерли воспоминанія объ ихъ заслугахъ. Въ миніатюрѣ повторился весь ходъ Великой войны. Бросается въ глаза, что эти новыя цвѣтущія республики географически обречены на ту-же участь, какой подверглись малые отряды, затертые между линіей враждующихъ.

Щербачевъ въ Парижѣ не могъ, конечно, предвидѣть всѣ обстоятельства столь сложной обстановки, но мы теперь убѣдились, какъ безошибочно онъ необыкновеннымъ чутьемъ опредѣлилъ самую сущность: успѣхъ только съ помощью Финляндіи,— а безъ ея содѣйствія необходимость скорѣйшаго увоза С.-З. арміи на югъ. Изъ приведенной выше докладной записки (стр. 122) мы видѣли, что Юденичъ еще 15 сентября твердо надѣялся, что Финлян-

([23]) Въ газетѣ «СЕГОДНЯ» отъ 12 ноября 1929 г. напечатана статья «Какая-то отдѣльная русская рота». Школьный Департаментъ Латвіи выпустилъ и разослалъ по всѣмъ отдѣламъ министерства образованія особую брошюру, посвященную 10-тилѣтію независимости существованія Латвійской республики»... Далѣе слѣдуетъ очеркъ вооруженной борьбы за освобожденіе Латвіи отъ германцевъ, бермонтовцевъ и большевиковъ... Что-же касается русскихъ, то о нихъ упоминается лишь какъ о бермонтовцахъ и коммунистахъ и только въ одномъ мѣстѣ на протяженіи всей брошюры, состоящей изъ 32-хъ страницъ, упомянуто, что въ бою подъ Скрудной участвовала «какая-то русская рота». Что цѣлые отряды дрались плечо къ плечу съ латышами противъ общихъ враговъ и что этимъ русскимъ отрядамъ принадлежитъ не малая роль въ освободительной войнѣ, — объ этомъ нигдѣ не говорится, какъ не названы среди другихъ военачальниковъ виднѣйшіе организаторы русскихъ отрядовъ»...

дія все-же будетъ привлечена къ участію. Онъ еще тогда говорилъ: «при содѣйствіи Финляндіи операція увѣнчается успѣхомъ». Но Юденичъ былъ только стратегомъ и умнымъ человѣкомъ, а не профессіональнымъ дипломатомъ. Онъ думалъ. что если на вѣсы будетъ положено, съ одной стороны— самоопредѣленіе кареловъ и вопросъ о Печенгѣ (о независимости Финляндіи нечего было говорить — она уже полтора года какъ была фактически-самостоятельна). а съ другой Петербургъ и освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти. то перетянетъ послѣдняя чаша. Сазоновъ же. положилъ на обратную чашу весь вѣсъ воспоминаній о могучей политикѣ Александра III и вопросъ о карелахъ перетянулъ.

Когда въ сентябрѣ С.-З армія стала англичанамъ больше не нужна, она могла предоставить тоннажъ и отослать ее куда-нибудь подальше. Вѣдь предложеніе Щербачева продолжало лежать въ англійскомъ военномъ министерствѣ и Сазоновъ этому, при желаніи Англіи, не могъ и не захотѣлъ бы помѣщать. То обстоятельство, что Англія этого не сдѣлала доказываетъ, что генераламъ Гофу и Мэрчу была предоставлена полная самостоятельность и свобода въ выборѣ средствъ, а они не подумали о томъ, что можно убрать ненужныхъ людей, безъ того, чтобы ихъ уничтожить. Впрочемъ Мэрчъ сказалъ одному шведу: «русскіе люди вообще никуда негодные, но если ужъ выбирать между бѣлыми и красными, то ужъ, конечно, надо взять красныхъ». Ему и было поручено безконтрольно распоряжаться бѣлыми.

Глава 8-ая.

Планы Щербачева организовать наступленіе противъ большевиковъ изъ Румыніи на Кіевъ-Москву и изъ Гельсингфорса, Ревеля, Риги — на Петербургъ-Москву потерпѣли неудачу. При всей разницѣ этихъ предпріятій, они имѣли одну общую коренную основу — разсчетъ на добровольную помощь союзниковъ.

Раньше, чѣмъ изложить послѣднюю и наиопаснѣйшую попытку Щербачева уничтожить совѣтское правительство, приходится сдѣлать отступленіе, безъ котораго затруднительна полная и ясная оцѣнка предшествующаго и послѣдующаго дѣйствія.

Какія были основанія расчитывать на вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи?

I. Аргументъ о нравственной обязанности союзныхъ, Франціи и Англіи, какъ было указано въ предшествовавшей главѣ, встрѣчалъ возраженіе, что этика государственная не совпадаетъ съ моралью частнаго человѣка. Это помѣчено съ поразительной ясностью Макіавелли, котораго бранятъ всуе.

Всякое правительство, поскольку его не толкаютъ неразумныя страсти вышедшаго изъ-подъ его вліянія народа, руководствуется исключительно конечной выгодой своей страны. Дѣйствія, не соотвѣтствующія ей, а тѣмъ болѣе основанныя лишь на отвлеченномъ благородствѣ, или благодарности, ставятся ему въ вину.

Уже было указано, насколько было выгодно для Англіи вывести Россію въ расходъ до окончанія войны. Французскій посолъ въ Россіи Нюлансъ констатируетъ въ своей книгѣ, «что англійское правительство считало поддержку большевиковъ выгодною, видя въ ихъ побѣдѣ ослабленіе Россіи, какъ политической соперницы, и крушеніе ея имперіализма. Оно полагало, что по крайней мѣрѣ на полвѣка будетъ имѣть свободныя руки на Ближнемъ Востокѣ и въ Азіи».

Французское общественное мнѣніе заставляло французское правительство съ радостью встрѣтить переворотъ въ Россіи, быстро разрушившій союзницу. Тутъ не было расчета, а играла роль воля массы, ненавидящей манархическій режимъ. Съ мгновенія, когда большевики стали у власти, до перемирія 9 ноября 1918 года холодный расчетъ, несмотря на Брестъ-Литовскій миръ, не допускалъ дѣйствій Франціи противъ совѣтскаго правительства. Вѣдь, если большевики въ этотъ періодъ подверглись бы нападенію, то они перешли бы на сторону Германіи и масса нѣмецкихъ войскъ, застрявшихъ въ Россіи, стала бы свободной. Союзники центральныхъ державъ точно знали, что Троцкій мечталъ о реваншѣ, когда 19 февраля 1918 г. нѣмцы возобновили наступленіе и несмотря на договоры отъ 4 марта сохранили за собой право дойти до линіи Псковъ-Рогачевъ. Англія въ этотъ періодъ держала въ Москвѣ миссію Локарта, Франція миссію генерала Лаверна, Италія генерала Ромей, Америка маіора Риггсъ.[6]), а Германія въ Москву выслала гр. Мирба-

---

*) Послы удалились въ Вологду.

ха. Локкартъ сообщаетъ намъ: «Никогда большевики не были такъ готовы пойти на соглашеніе съ союзниками, какъ въ мартѣ 1918 года. Они опасались новаго нападенія нѣмцевъ и еще мало вѣрили въ собственное будущее. Они привѣтствовали бы участіе союзныхъ офицеровъ въ обученіи новой арміи, которую тогда началъ создавать Троцкій. Капризъ военнаго случая далъ намъ тогда возможность представить въ распоряженіе большевицкаго верховнаго командованія самыхъ подходящихъ для этой цѣли офицеровъ. Въ Москву прибыла какъ разъ изъ Румыніи большая французская военная делегація съ генераломъ Бертело во главѣ. Такъ какъ мы предпочли-бы, чтобы инструкторами красной арміи явились не германскіе, а союзные офицеры, мы предложили Троцкому взять Бертело на службу. Красный вождь, который доказалъ уже намъ свою добрую волю тѣмъ, что назначилъ консультаціонный совѣтъ изъ союзныхъ офицеровъ, изъявилъ безъ всякихъ околичностей свое согласіе. Въ ближайшемъ засѣданіи консультаціоннаго совѣта, на которомъ принимали участіе Ромей, Лавернъ, Риггсъ и Гарстингъ, Троцкій офиціально поставилъ соотвѣтственное предложеніе на обсужденіе. Лавернъ согласился и казалось, что назначеніе Бертело обезпечено. Мы думали, что добились тактической выгоды. Но черезъ два дня весь этотъ планъ рухнулъ. Вмѣшался Нюлансъ и отчиталъ Лаверна за то, что тотъ превысилъ свои полномочія. Бертело и его штабъ должны были немедленно вернуться во Францію.»

Мы тутъ находимъ объясненіе, отчего Бертело, будучи прямымъ и честнымъ человѣкомъ, не могъ

имѣть личн особенно враждебныхъ чувствъ къ большевикамъ и почему онъ не имѣлъ основаній черезъ полгода послѣ этого, 15 ноября того же 1918 г., по своей инщіативѣ двинуть для уничтоженія совѣтскаго правительства 5 корпусовъ на Кіевъ-Харьковъ и Москву. Вотъ почему онъ предварительно запросилъ Парижъ.

Союзныя миссіи всѣми средствами старались, напротивъ, привлечь большевиковъ на свою сторону, а русская буржуазія стала логически врагомъ союзниковъ (см. стр. 62).

Такое положеніе объясняетъ рядъ оригинальныхъ фактовъ: Алексѣевъ въ концѣ января 1918 г. обратился къ начальнику французской миссіи въ Кіевѣ съ просьбой выдвинуть хотябы одну дивизію чехословаковъ съ артиллеріей въ раіонъ Екатеринославъ-Александровскъ - Синельниково, французы, отъ которыхъ чешскій и польскій корпуса получали содержаніе, отказали въ просьбѣ. Послѣ этого польскій корпусъ Довборъ- Мустницкаго призналъ Варшавское правительство и сталъ дѣйствовать противъ большевиковъ съ нѣмцами. а чехи вступили въ бой съ большевиками противъ нѣмцевъ и поляковъ! и украинцевъ!..

21-го февраля 1918 г. Нюлансъ обратился къ Троцкому съ предложеніемъ финансовой и технической помощи, (См. Рус. Смута т. II).

Только съ 9 ноября 1918 г., съ ликвидаціей германской опасности, наступилъ для Франціи періодъ, когда серьезно возникъ вопросъ, слѣдовало ли ей возстановить мощную буржуазную Россію, какъ союзницу.

Начались колебанія у всѣхъ союзниковъ, кромѣ Англіи. Посолъ Нюлансъ высказываетъ убѣжденіе, «что въ этотъ періодъ совѣтская власть была спасена президентомъ Вильсономъ. Остановивъ японцевъ въ Харбинѣ (24), отказавшись придти на помощь чехословакамъ (25), когда они были въ Казани и Екатеринбургѣ, президентъ обезпечилъ жизнь ре-

(24) Союзники обѣщались выставить стотысячную армію на восточномъ (сибирскомъ) фронтѣ адм. Колчака противъ большевиковъ и поддержать чехословацкія части, возставшія противъ большевиковъ и захватившія желѣзную дорогу отъ Урала до Владивостока. Эти чешскія части, стянутыя обратно къ Уралу, вмѣстѣ съ добровольческими отрядами, Уральскими и Оренбургскими казаками, а впослѣдствіи — набранною по мобилизаціи (августъ 1918 г.) арміей доходили при наступленіи до Волги: 22/IX 1918 была взята Казань (тамъ Каппель и Шевцъ забрали Рос. казну), 25/IX — Симбирскъ, 22/X — Самара. Въ ноябрѣ распропагандированные чехи окончательно бросили фронтъ. Армія Колчака отступила, но потомъ вновь перешла въ наступленіе и 3/III 1919 взяла Уфу и дошла до линіи 80 верстъ къ востоку отъ Казани, 100 верстъ отъ Симбирска, 60 верстъ отъ Самары, 30 верстъ отъ Оренбурга. Послѣ этого началось отступленіе. Главнымъ виновникомъ считается «генералъ» Гайда на крайнемъ сѣверномъ флангѣ, не исполнившій директивы. Послѣ пораженія 4/V у Бугуруслана фронтъ потерялъ устойчивость. Въ октябрѣ 1919 г. онъ сталъ стремительно отступать на востокъ.

Вмѣсто обѣщанной поддержки союзниковъ, одна дивизія японцевъ заняла въ глубокомъ тылу Владивостокъ, Харбинъ и стала вдоль Забайкальской ж.-д. до Читы; мелкія американскія части охраняли ж.-д. Иркутскъ-Верхнеудинскъ и Уссурійскую ж.-д.; одинъ англійскій батальонъ размѣстился въ Омскѣ, гдѣ проживалъ сэръ Элліотъ. На фронтѣ не было даже ни одного солдата. 18/X союзники рѣшили снять чеховъ и поляковъ съ ж.-д. 7/II 1920 г. адм. Колчакъ, преданный всѣми, былъ разстрѣленъ.

(25) Въ концѣ января 1918 г. Чехословацкій корпусъ въ

жиму. Большевики сами были убѣждены, что русскій коммунистическій опытъ приходитъ къ концу».

Мы можемъ установить съ полною достовѣрностью, что Франціей въ началѣ было твердо рѣшено сохранить единство Россіи, въ которой она видѣла въ будущемъ могучую союзницу противъ Германіи. Это послѣднее соображеніе руководило всѣми рѣшеніями Франціи и опредѣлило ея колебанія между бѣлыми и большевиками.

Итакъ, реальная политика сначала диктовала Франціи сохраненіе «Единой Недѣлимой», а Англіи — наоборотъ. Мы ясно понимаемъ, теперь, отчего Франція признала Украину (18/XII 1918 г.), раньше Англіи, (начало 1919 г.), а Англія Финляндію (5/V 1919 г.), раньше Франціи. Украина на первыхъ порахъ казалась способною продолжать войну противъ нѣмцевъ. Съ Финляндіи началось распаденіе «Единой». Точка зрѣнія Англіи одержала верхъ, такъ какъ событія ей помогли. Мы такимъ образомъ выяснили вынужденную послѣдовательность рѣшеній союзниковъ въ отношеніи бѣлаго движенія до начала отдѣленія окраинъ.

Это и смягчаетъ силу дѣлаемыхъ союзникамъ упрековъ.

II. Вопросъ о «Единой Недѣлимой» дѣлается въ 1919 г. для Франціи спорнымъ. Молодыя государства становятся естественными союзниками Франціи

50.000 ч. былъ расположенъ въ районахъ Полоннаго и Ромоданъ. Волынской и Подольской губ. По оригинальной мысли Нюланса, этотъ корпусъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира долженъ былъ пойти на Владивостокъ!!! откуда быть переброшенъ на фронтъ союзниковъ!

противъ нѣмцевъ. Но бѣлые верхи продолжали стоять на непримиримой позиціи въ отношеніи лимитрофовъ даже послѣ признанія ихъ независимости великими державами. Грозящая этимъ государствамъ опасность со стороны сговорчивыхъ большевиковъ казалась менѣе реальной, чѣмъ со стороны категорическихъ вождей бѣлыхъ. Чувствуя поддержку союзниковъ и узнавъ объ обмѣнѣ мнѣній между адм. Колчакомъ и верховнымъ Совѣтомъ союзниковъ, въ которомъ неизмѣнно на первомъ мѣстѣ стоялъ принципъ «Единой Недѣлимой», представители Эстоніи, Латвіи, Литвы, Украины, Кубани, Грузіи и народовъ Сѣв. Кавказа заявили союзникамъ, что они никакого отношенія къ Колчаку и Деникину не имѣютъ. (Оч. Рус. См., т. V).

Вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ можно было вновь собрать развѣ только на сковородѣ.

Франціи приходилось выбирать между новообразованіями, въ томъ числѣ — признанными ею Польшей и Финляндіей и бѣлымъ движеніемъ.

Возникаетъ вопросъ, что было раціональнѣе для бѣлыхъ вождей: бороться ли открыто противъ большевиковъ и тайно противъ всѣхъ окраинъ и переходившихъ на ихъ сторону симпатій не только союзниковъ, но и міроваго общественнаго мнѣнія, — или же, напротивъ, отрывать при общемъ сочувствіи одну за другой области отъ центра, т.-е., отъ большевиковъ? Не было ли раціональнѣе поддерживать англичанъ въ Закавказьѣ, адм. Кована — при образованіи самостоятельной Ингерманландіи, ген. Айронсайда — въ восточной Кареліи и проч.? По этой системѣ можно было перейти на чудь, мордву и че-

ремесёвъ, вспомнить объ аварахъ, хозарахъ, печенѣгахъ, скиѳахъ и, цитируя, какъ это и дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, Тацита и другихъ ископаемыхъ, дойти до сыновей Ноя и ихъ допотопныхъ суверенныхъ царствъ и довести дѣло до распаденія послѣдняго большевика и его фамиліи на составныя части. Вѣдь совѣтская власть съ успѣхомъ для себя раздѣлила русскаго крестьянина на три части и, поднявъ его среднюю часть на верхъ, показала ошеломленному міру дѣйствительность старой голой истины: divide et impera. За нее съ другого конца могли ухватиться и бѣлые вожди, причемъ умиленныя Европа и Америка и вся младшая братія поддержали бы бѣлыхъ до полнаго успѣха. Изъ размельченнаго до послѣдняго предѣла соціальнаго строя большевики слѣпили массу со значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ на Женевскихъ вѣсахъ. При такомъ же анализѣ бѣлые, можетъ-быть, могли бы въ націоналистической и шовинистической кашѣ растворить всѣхъ представителей разъѣдающихъ бѣлое движеніе партій. Синтезъ былъ бы не труденъ: моральное отождествленіе большевика и русскаго — мысль тогда свѣжая и ясная для окраинъ — быстро потеряла бы смыслъ, а реальная необходимость вновь образовать нѣчто способное существовать заставила бы снова соединиться всему тому, что раньше распалось. Во время бала-маскарада во дворцѣ передъ Императоромъ Николаемъ I дефилировали въ національныхъ костюмахъ представители всѣхъ безчисленныхъ населяющихъ Имперію народовъ. Стоявшій рядомъ французскій посолъ въ изумленіи спросилъ «гдѣ же тутъ Россія?» На это Николай I

отвѣтилъ: «Россія — это я, а это—мои подданные».

Не пораженъ-ли слѣпотою тотъ, кто не видитъ, что именно такое положеніе было наилучшимъ для внутренней спайки и великодержавія Россіи. Дальнѣйшій ходъ исторіи свидѣтельствуетъ, что и послѣдовавшее измѣненіе отношенія власти къ населяющимъ Россію народностямъ, и революція внесла перемѣны отнюдь не къ лучшему.

Изъ статьи въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отъ 13 февраля 1935 г. мы узнаемъ, что знатокъ международныхъ вопросовъ Ренэ Пинонъ, дѣлая 11 того же февраля докладъ въ Парижѣ, далъ картину національной структуры СССР. «Съ военной и русской революціей — сказалъ онъ между прочимъ — рушилась одна изъ величайшихъ иллюзій Запада: національная и единая Россія». Онъ призываетъ «слѣдить за происходящимъ въ СССР процессомъ національной дифференціаціи, помня основное правило реальной политики». Ученые такимъ образомъ уже теперь оцѣниваютъ единственный ясный лозунгъ бѣлаго движенія, какъ «величайшую иллюзію». Какъ же они назовутъ со временемъ прочіе лозунги, понятные только десятку идеалистовъ-организаторовъ.

Пусть всякій отнесется къ этимъ вопросамъ по своему. Мы тутъ отмѣтимъ лишь, что вопросъ рѣшался не Франціей, а бѣлыми.

Бѣлые вожди дали рѣзкій отрицательный отвѣтъ. Франція, получивъ его, отказалась отъ содѣйствія и перенесла его на враждебные бѣлымъ лимитрофы.

Въ отличіе отъ прочихъ бывшихъ союзниковъ,

Англія, въ силу уже часто упоминавшихся причинъ, не могла и не хотѣла отнестись къ событіямъ пассивно. Вопросъ о необходимости созданія возможно большаго числа отдѣльныхъ суверенныхъ народовъ на территоріи бывшей Россіи былъ ею рѣшенъ давно. Ллойдъ Джорджъ въ рѣчи, сказанной 30 ноября 1919 года въ парламентѣ, недвусмысленно заявилъ, что для отдѣльныхъ народностей Россіи и для Великобританскаго правительства лозунги Колчака и Деникина о «Единой Недѣлимой» не пріемлемы.

Интересъ Англіи, естественно, сосредоточился на отторженіи тѣхъ областей, которыя граничили въ Азіи со странами, находившимися подъ ея вліяніемъ (Туркестанъ, Забайкальская Область, Азербейджанъ, Арменія, Грузія), а также европейскихъ прибрежныхъ областей (Прибалтики, Мурмана и Архангельска). Тутъ всякая попытка бѣлыхъ проявить свои дѣйствія встрѣчаетъ немедленный и рѣшительный отпоръ. 18 февраля 1919 г. англійскіе представители при Ставкѣ заявили Деникину, что получили указаніе отъ военнаго министерства предложить ему немедленно прекратить операцію противъ Сочи—не то прекращеніе всякой помощи; 22 апрѣля лордъ Мильнъ, англійскій главнокомандующій, заставляетъ Деникина окончательно отказаться отъ продвиженія на Грузію и отойти, причемъ на пути выставляется англійскій заслонъ-застава; совершенно то же мы видимъ въ направленіи на Азербейджанъ, относительно котораго ген. Кори сообщаетъ Деникину, что дальнѣйшее движеніе вызоветъ немедленный отказъ Англіи въ помощи; ген.

Уокеръ и Бичъ требуютъ отъ Арменіи прекращенія руссофильской политики и даютъ ей надежду на образованіе Великой Арменіи съ выходомъ къ морю: въ Туркестанѣ ген. Маллесонъ поддерживаетъ самостійныя устремленія туркменскихъ и іомудскихъ племенъ и заключилъ 1 сентября 1918 г. договоръ «съ Забайкальскимъ правительствомъ». Только на далекомъ сѣверѣ къ общимъ причинамъ прихода англичанъ присоединилась другая: совмѣстное дѣйствіе Финляндіи съ нѣмцами въ 1918 г. угрожали Мурманской ж.-д. Тутъ англичане, не задумываясь, поддерживаютъ отряды отступающихъ передъ финнами красногвардейцевъ.

Если всѣ перечисленныя выше области не стали въ результатѣ самостоятельными, то въ этомъ меньше всего виновно Англійское правительство: міровая конкуренція и рабочая партія заставили его бросить эти лимитрофы.

При первомъ взглядѣ на карту видно, что наиболѣе важнымъ и близкимъ объектомъ было для Англіи Балтійское море. Сообразно съ этимъ объясняются всѣ ея дѣйствія въ отношеніи къ бѣлому движенію. У англичанъ для осуществленія своихъ цѣлей въ Прибалтикѣ, было два способа дѣйствій: 1) занятіе линіи Нарва-Псковъ-Двинскъ значительными силами, которыя можно было создать только при участіи англійскихъ флота и арміи, безъ участія прочихъ союзниковъ, или 2) отвлеченіе большевиковъ въ противоположныхъ направленіяхъ большой операціей съ юга, востока и сѣвера. Подъ дѣйстви-

тельной угрозой, совѣтская власть должна была бы войти въ мирное соглашеніе съ находящимися у нея въ тылу балтійскими новообразованіями. Если когда-либо были колебанія въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то только въ выборѣ того или другого изъ указанныхъ образа дѣйствій.

События подсказали отвѣтъ. Закончивъ 2-й Кубанскій походъ, Деникинъ обрушился на большевиковъ съ юга, Колчакъ продолжалъ приковывать большія силы съ востока, оставалась угроза со стороны Архангельска.

Англійская агентура установила, что совѣтская власть оголила для противодѣйствія въ этихъ направленіяхъ свой западный фронтъ. Англіи оставалось лишь поддерживать такое положеніе посылкой боевого матеріала Деникину. Только такъ можно объяснить нижеслѣдующія цифры, которыя говорятъ убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ: «далекій» Деникинъ получаетъ отъ Англіи съ марта до сентября 1919 г. 558 орудій, 12 танковъ, 1.685.522 снаряда, 160.000.000 патроновъ, а «близкій» Юденичъ въ это время располагаетъ: орудіями 18-фунт. англійскими — 16, 45-лин. англ. гаубицами — 8, снарядами къ первымъ — 32.000, къ вторымъ — 17.000, ружейными патронами 21.000.000.

При отвлеченіи силъ противника демонстраціей, какъ извѣстно, успѣхъ возможенъ только, когда исполнители маневра твердо увѣрены, что задача ихъ важнѣйшая, т.-е. когда они сами вѣрятъ въ нее. Этимъ объясняется, что всѣ представители Англіи при добровольческой арміи были убѣжденными по-

борниками ея интересовъ. Они настолько увлекались идеей, глубокій смыслъ которой имъ былъ закрытъ, что переходили границу интересовъ Англіи. Ихъ приходилось убрать изъ-за ихъ увлеченія. Такъ ушли генералы Пуль, Бриггсъ и Хольманъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, имѣя иную освѣдомленность о сущности дѣла, информировала о ней лишь своихъ служащихъ. Вотъ почему случилось поразившее Деникина явленіе, что военный представитель нсл. Кизъ съ одного дня на другой радикально измѣнилъ свое поведеніе, переходя въ министерств иностранныхъ дѣлъ Керзона.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ?

Франція поддержала расчлененіе Россіи въ поискахъ опоры противъ Германіи; Англія поддержала это расчлененіе съ цѣлью покончить съ «ледникомъ»; всѣ прочія націи высказались за расчлененіе во имя принципа національныхъ свободъ.

Могутъ ли бѣлые упрекать весь міръ и бывшихъ союзниковъ въ несправедливости, когда отъ нихъ самихъ зависѣло рѣшеніе вопроса: привлечь ли эти неисчисленныя силы на свою сторону, хотя бы для виду и временно, или вести войну одновременно противъ нихъ и противъ большевиковъ?

III. А благодарность? Въ связи съ расчетомъ трудно говорить о ней: нельзя упомянуть о хрупкой русалкѣ въ присутствіи одноглазаго великана Полифема: не возбудить ли это въ немъ желаніе использовать и ее?

Вопросъ осложнялся другимъ: кого же союзникамъ надо было считать Россіей? — Монархисты утверждали, что лѣвые виновны въ уничто-

женіи боевой силы и помощи союзникамъ, — не ихъ же за это благодарить? Лѣвые со своей стороны клялись, что они остались вѣрны союзникамъ, а что правые подготовляли въ теченіе 300 лѣтъ наступившій большевизмъ. Обѣ партіи нападали другъ на друга печатными и непечатными словами на глазахъ тѣхъ, у кого просили одновременно помощи. Если фактически вся услуга была оказана въ царскій періодъ войны, то всѣ симпатіи французскаго народа были на сторонѣ лѣвыхъ. Монархисты не имѣли шансовъ на поддержку общественнаго мнѣнія во Франціи, съ этимъ правительству приходилось считаться. Въ сущности оставалось выбирать между режимомъ Керенскаго и диктатурой Ленина. Между тѣмъ Керенскій, Миноръ и другіе обратились съ манифестомъ къ демократическимъ правительствамъ запада, приглашая ихъ не поддерживать арміи Колчака и Деникина (Оч. Рус. Смуты т. IV, стр. 240).

IV. Перейдя отъ поступковъ народовъ и ихъ правительствъ къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ людей, мы должны вспомнить, что всѣ этическіе вопросы мѣняются, какъ только человѣкъ перестаетъ дѣйствовать отъ своего лица, а является орудіемъ государственной власти. Такъ убійство на войнѣ, иногда и въ другихъ случаяхъ, вѣроломство и проч, переименовывается въ храбрость, справедливость, правосудіе, исполненіе священнаго долга и проч. добродѣтели. Вина снимается съ обязанныхъ совершать такія дѣйствія ([26]). Лордъ Кромеръ въ своей книгѣ

([25]) Политическія преступленія возникаютъ изъ-за того, что члены отдѣльной партіи приписываютъ ей право на этику государственную. Это обстоятельство интересно при сопоставленіи личности, партіи и государства.

«Египетъ» говоритъ: «необходимо приноравливаться къ обстоятельствамъ и пытаться извлекать выгоду даже изъ того, что намъ вовсе не по душѣ». Вотъ мысли идеальнаго исполнителя. Дѣйствія Бьюкенена въ Россіи не могутъ ему быть поставлены въ личный упрекъ, и это относится къ поступкамъ цѣлаго ряда упомянутыхъ лицъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнитель проявляетъ излишнюю жестокость и этимъ вредитъ репутаціи своей Родины, его можно осуждать. Поэтому цѣль этой главы не состоитъ въ оправданіи личныхъ дѣйствій англійскихъ начальниковъ въ Эстоніи или поведенія исполнителей въ Одессѣ и Севастополѣ. Они оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ народной памяти, какъ не забудутъ и ген. Гудзонъ-Лоо на Св. Еленѣ 1821 г. Распространять за нихъ упреки на правительства, а тѣмъ болѣе на народы—нелогично. Одинъ человѣкъ не отвѣчаетъ за поступки другого той-же національности. Русскій имѣетъ право возмущаться, если его отожествляютъ съ Горгуловымъ. Столь же неосновательно дѣлать англичанина и француза, какъ такового, отвѣтственнымъ за Ревель, Одессу и Севастополь.

Для поясненія нѣкоторыхъ поступковъ слѣдуетъ упомянуть еще и слѣдующую обще-человѣческую черту. Русскій, французъ, англичанинъ и всякій другой съ сарказмомъ говоритъ, что стоитъ собраться тремъ его соотечественникамъ, чтобы было 4 мнѣнія, считая это горькой правдой въ отношеніи своей родины. Фактически это всюду одинаково, лишь проявленіе разногласія выражается разно: у однихъ — ломаніемъ стульевъ, у другихъ—заказомъ слѣдую-

ющей очереди кружекъ пива для новаго спора. Во всемъ мірѣ происходятъ постоянно ожесточенныя разногласія, не только между частными лицами, но и въ государственныхъ учрежденіяхъ и между различными вѣдомствами и учрежденіями. Англія можетъ претендовать на одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Насъ интересуетъ 1918 и 1919 г.г. Въ отношеніи Россіи методы ея ослабленія оцѣнивались разно въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое опредѣленно желало сближенія съ большевиками, и въ англійскомъ военномъ министерствѣ, которое въ первый періодъ съ этой же цѣлью стояло за политику интервенціи. Это обстоятельство отнимаетъ силу упрековъ, дѣлаемыхъ полк. Спирсу и Черчиллю. Въ искренности перваго не приходится сомнѣваться. Черчилль дѣйствовалъ подъ психозомъ страха возможнаго союза Россіи съ Германіей, считая его величайшей опасностью для Англіи. Это мнѣніе побуждало его поддерживать англо-русскую дружбу, какъ противовѣсъ. Объ англійскомъ послѣ въ Парижѣ лордѣ Дерби мы предоставляемъ судить болѣе свѣдующимъ.

Путать вышеизложенныя понятія частному лицу не слѣдуетъ: но горе тому отвѣтственному передъ своей Родиной дѣятелю, который примѣнитъ личныя чувства любви, чести и добродѣтели къ государственнымъ вопросамъ: Безжалостный судъ исторіи переименуетъ добродѣтели въ недальновидность, слабость и другіе пороки. Локкартъ говоритъ про императора Николая II: «своимъ союзникамъ онъ остался вѣренъ до конца; но онъ потерялъ свой тронъ и погубилъ свою страну...» А про своего

друга Керенскаго, которому онъ спасъ въ Москвѣ жизнь, онъ пишетъ: «Въ іюлѣ 1931 г. я какъ-то сидѣлъ съ нимъ въ лондонскомъ Карлтонъ отелѣ. Къ намъ присоединился лордъ Биверрбрукъ и съ присущимъ ему ко всему интересомъ засыпалъ Керенскаго вопросами: «справились ли бы вы съ болшевиками, если-бъ вы заключили миръ?» «Само собой разумѣется и сидѣли бы по сегодняшній день въ Москвѣ.» «Почему же вы не заключили мира?» «Потому, что мы были наивны». Наивность, — что еще можно сказать о Керенскомъ!»

Подчеркивающій благородство Вел. кн. Николая Николаевича ген. Шерфисъ (la guerre de Délivrance p. 172) пишетъ: „Il les a conçus (ses operations) comme une intervention de secours, de diversion et de soulagement pour le front français. Il a été au tant que généralissime, plus allié que Russe. Il a sacrifié les intérêts de la Russie a ceux de la France. Il a eu une stratégie veritablement antinationale".

Жаль, что этотъ писатель, столь искренно признающій заслуги, оказанныя союзниками, не высказался и объ Императорѣ, и министрѣ иностранныхъ дѣлъ, о послѣ и другихъ. Будущій историкъ вѣрнѣе оцѣнилъ бы сущность.

Макіавелли говоритъ: Dans les actions de tous les hommes et surtout des princes contre lesquels il n'y a point de juges à réclamer, on ne regarde qu' a l' issue qu' elles ont. („Le prince" Nicolas Machiavel.

Таковъ ужъ суровый законъ жизни, и ополчаться противъ кажущейся намъ страшной несправедливости, какъ противъ смерти и прочихъ постановле-

ній высшаго разума, безполезно. Надежда своей личной волей измѣнить примѣненіе этихъ законовъ въ свою пользу или въ пользу своей родины имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ. Вѣрующіе предлагаютъ молитву. Къ счастью, молитвы не всѣ исполняются, — иначе какой былъ бы хаосъ! Не только солнцу Іисуса Навина пришлось бы остановиться надъ Гаваономъ!

V. Личная дружба Щербачева съ маршаломъ Фошемъ не помогла повернуть ходъ исторіи. Изъ другого лагеря ушедшихъ изъ Россіи были также сдѣланы попытки повліять въ пользу своихъ плановъ, на базѣ личныхъ отношеній. Во время одного изъ визитовъ генерала Бертело у Клемансо послѣдній объявилъ ему: „Vous allez tout à l'heure voir cette sale gueule de Kerensky". (Записки ген. Геруа стр. 19). Несмотря на соотвѣтствующій дружескій пріемъ, Керенскому не удалось добиться возвращенія въ Зимній дворецъ. Многообѣщающія слова Клемансо остались сказаны лишь Бертело, а не Россіи.

А чего добивался и чего добился Савинковъ?

При создавшейся обстановкѣ, правительства, отвѣтственныя передъ своей страной, не могли поступать иначе. Понятіе объ обязательной благодарности уже сложно, когда рѣчь идетъ о государствахъ между собой: оно становится запутаннымъ при предъявленіи своихъ правъ на этотъ невѣсомый кладъ наслѣдниками законными, незаконными, любовницами и прохожими молодцами, — всѣми со своими адвокатами. Иначе обстоитъ вопросъ о личныхъ правахъ участниковъ войны — они служили союзникамъ на общихъ основаніяхъ и непонятно,

какъ эти права остались неуваженными: но это частный вопросъ, не входящій въ настоящую работу.

Остается нравственный вопросъ: допустимо-ли съ человѣческой и высшей точки зрѣнія, чтобы невинный страдалъ за грѣхи другихъ? Отвѣтъ всякій христіанинъ найдетъ въ своей религіи, которая вся основана на признаніи этого именно принципа божественнымъ. Наши безсмертныя души собираются, вѣдь, на немъ отыграться.

Все вышеизложенное въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что упреки Зарубежной Россіи по адресу союзниковъ основаны на недооцѣнкѣ разницы между этикой частнаго лица и таковой-же государства.

ГЛАВА 9-ая.

Когда Польша была разбита большевиками и польскія войска отхлынули назадъ, маршалъ Фошъ пригласилъ къ себѣ Щербачева и поручилъ ему передать Врангелю категорическое требованіе верховнаго союзнаго командованія немедленно начать энергичное наступленіе, чтобы спасти Польшу, обративъ его вниманіе на то, что промедленіе выполненія этого приказанія вызоветъ полное прекращеніе всякой поддержки бѣлыхъ армій со стороны союзниковъ.

Положеніе Франціи было трудное. Что она могла сдѣлать для новой союзницы Польши? Никто во Франціи не хотѣлъ воевать, тѣмъ болѣе для другихъ. Между тѣмъ съ паденіемъ Польши Франція должна была потерять плоды міровой войны. Если Франція

все же рѣшились бы выставить армію въ Польшѣ, то возникали самые опасные и сложные вопросы: Какъ перевести армію черезъ Германію? Какъ обезпечить громадную коммуникаціонную линію черезъ дышащую ненавистью чужую страну? Сколько выставить войскъ при фронтѣ, почти равномъ восточному германскому во время міровой войны? Среди сложнѣйшихъ вопросовъ, возникалъ еще и слѣдующій: гдѣ-же остановиться, когда большевики начнутъ отступленіе? Нельзя было формировать большую армію и ее потомъ расформировать съ тѣмъ, чтобы послѣ ея ухода большевики повторили нападеніе. Всѣ эти соображенія приводили къ заключенію о необходимости нанести полное и окончательное пораженіе Совѣтамъ. Въ противномъ случаѣ не имѣло смысла начинать обширную операцію. Это повлекло бы за собой необходимость новыхъ переговоровъ съ Германіей, которая воспользовалась бы благопріятной обстановкой для пересмотра Версальскаго договора, отъ котораго могло ничего не остаться.

Армія Врангеля пріобрѣтала новое неожиданное значеніе для союзниковъ. Изъ орудія одной изъ враждовавшихъ между собой группировокъ чужой страны она стала для Франціи единственнымъ удобнымъ средствомъ спасенія Польши при создавшемся тогда положеніи. Цѣнность арміи Врангеля возрастала съ каждымъ днемъ по мѣрѣ отступленія поляковъ. Чѣмъ дольше ея помощь заставляла-бы себя ждать, тѣмъ больше возрасталъ ея вѣсъ. Если-же она вовсе не выступила-бы и осталась-бы на мѣстѣ, то союзники, а въ частности Франція должны были бы преодолѣть всѣ трудности, и будь то съ привле-

ченіемъ Германіи и проистекающими отъ этого слѣдствіями, или безъ нея, выставить большую армію и уничтожить большевиковъ. Но и послѣ этого, значеніе бѣлыхъ армій, если-бы онѣ не исполнили указаннаго требованія, продолжало-бы возрастать безпрерывно, т.-к., даже свергнувъ большевиковъ, союзники не могли-бы безконечно держать въ Россіи оккупаціонную армію, какъ по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ и изъ-за давленія прогрессивныхъ элементовъ у себя дома, наконецъ и изъ страха заразить войска коммунистическими идеями. Смѣнить чужеземную армію могло только организованное войско, т.-е. только армія Врангеля. Допуская совершенно неправдоподобное предположеніе, чтобы Франція бросила Польшу на произволъ судьбы, положеніе Врангеля отъ этого лишь бы выиграло: дойдя на плечахъ отступающихъ въ безпорядкѣ поляковъ до германской границы, красная армія вышла-бы окончательно изъ рукъ начальниковъ и занялась-бы грабежомъ. Извлечь ее изъ Польши могло-бы только общее отступленіе большевиковъ: опасность для Врангеля такая армія уже не могла бы представлять. Но гораздо важнѣе то, что при непосредственномъ соприкосновеніи Сов. Россіи съ Германіей создавалось положеніе, котораго Франція ни при какихъ обстоятельствахъ не могла допустить, — она оказалась-бы еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ описываемое нами мгновеніе. Необходимости сформированія арміи она не избѣжала бы и тогда.

Отвѣтъ Щербачева Маршалу Фошу, въ точности не извѣстенъ. Но отправляя приказаніе союз-

никовъ Врангелю, онъ отъ себя добавилъ, что считаетъ выступленіе его противорѣчащимъ русскимъ интересамъ, предлагая воздержаться отъ всякихъ активныхъ дѣйствій. Мы уже раньше разбирали шансы на успѣхъ прежнихъ плановъ, взвѣшивая вѣроятность удачи. При данной обстановкѣ предложенный Щербачевымъ способъ полнаго бездѣйствія привелъ бы къ неизбѣжному паденію большевиковъ. Спасти ихъ при точномъ исполненіи этого плана ничто не могло. Прибавимъ, что одіумъ содѣйствія иностранцевъ для реставраціи отпадалъ, такъ какъ союзники выступили за Польшу безъ помощи или поддержки бѣлыхъ.

Рѣшившись на такой шагъ, Щербачевъ перешелъ отъ этики личной къ этикѣ государственной. Его чувства, какъ къ союзникамъ, такъ и къ другу маршалу Фошу отошли на второй планъ. Онъ самъ сознательно шелъ на опалу. Это было рѣшеніе государственнаго человѣка: Теперь просить о помощи уже не приходилось. Бѣлые стали хозяевами положенія. Ничего не дѣлая, отказываясь отъ исполненія сперва приказаній, потомъ отъ уступокъ подъ угрозами и, наконецъ, отварачиваясь отъ просьбы о помощи, они могли, какъ побѣдители, ставить условія, торговаться и добиться въ результатѣ даже перекройки карты въ свою пользу.

Врангель былъ импульсивный человѣкъ. Въ немъ кипѣла жизнь. Его энергія толкала на дѣйствія. Подсиживать счастіе было не въ его натурѣ. Онъ не принялъ совѣта Щербачева. Своимъ наступленіемъ онъ въ стократъ вернулъ всѣ расходы союзниковъ на бѣлое движеніе и спасъ Поль-

щу, не оказавшую содѣйствія Деникину въ самый критическій періодъ конца 1919 г.

Польша не замедлила заключить съ большевиками Рижскій миръ.

Предоставленный самому себѣ, брошенный союзниками за дальнѣйшей ненадобностью, Врангель погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣлое движеніе.

Случилось то же, что и съ С.-З. Арміей: будучи использована посторонними, добровольческая армія содѣйствовала укрѣпленію удобнаго для Европы статусъ-кво.

Послѣдній финальный эпизодъ заставляетъ насъ вспомнить стихи Шекспира въ драмѣ «Юлій Цезарь»:

There is a tide in the affairs of men
Which taken at the flood leads on to fortune
Omittet all the voyage of the life
Is bound in shalldows and in miseries
On such a full sea are we now afloat
And we must take the current when it serves
Or lose our ventures.

Если въ приведенномъ выше прогнозѣ были ошибки, то лишь въ вопросѣ о личной опалѣ Щербачева. Весьма возможно, что онъ, напротивъ, заслужилъ бы въ результатѣ лишь благодарность со стороны союзниковъ. Въ своей книгѣ «Клемансо на закатѣ своей жизни», ген. Мордакъ, бывшій начальникъ военнаго кабинета Клемансо, приводитъ слѣдующія слова «Тигра» по поводу рижскаго договора: «Во внѣшней политикѣ меня больше всего

безпокоить въ настоящее время рижскій миръ между Польшей и Россіей. Союзники совершили въ этомъ случаѣ крупнѣйшую ошибку, за послѣдствія которой Европѣ придется очень дорого расплачиваться. Нужно признать, что послѣ успѣховъ Польши и украинцевъ, а равно успѣховъ генерала Врангеля, союзники имѣли единственный случай — о такомъ случаѣ не смѣли прежде и мечтать — покончить съ совѣтами, которые, — какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, — были въ величайшемъ смятеніи. Вмѣсто этого, союзники позволили Польшѣ заключить съ ними сепаратный миръ. Послѣ этого совѣты получили возможность разгромить по очереди украинцевъ и генерала Врангеля. Въ томъ, что касается Совѣтовъ, вопросъ, такимъ образомъ, разрѣшенъ. Отнынѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ они смогутъ вести свою пропаганду во всей Европѣ, ибо Европа, въ сущности, окончательно склонилась передъ ними. Я знаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ главной виновницей является Англія — ей придется въ свое время жестоко раскаяться. Но пока-что — зло сдѣлано и Франціи приходится нести за него долю отвѣтственности».

Рошаль точно намѣтилъ наиболѣе опаснаго врага совѣтскаго правительства. Если бы Щербачеву дали осуществить наступленіе 5 корпусовъ изъ Румыніи, получить средства для сербскаго и польскаго плана, настоять на своемъ въ привлеченіи Финляндіи къ наступленію С.-З. арміи, а тѣмъ болѣе если-бы исполнили его планъ въ 1920 году, то совѣтское правительство имъ было-бы погублено.

Послѣ этого коренного разногласія съ Врангелемъ, Щербачевъ покинулъ свой постъ и въ качествѣ частнаго лица поселился на Ривьерѣ. Благодарная ему Румынія обезпечила его отъ личной матеріальной нужды. Если онъ послѣдніе годы своей жизни и сносился съ лицами Императорскаго Дома, имѣвшими политическіе виды, то это не приводило къ какимъ-либо конкретнымъ дѣйствіямъ съ его стороны. Щербачевъ скончался въ Ниццѣ 18 января 1932 г. На его похоронахъ участвовали войска союзной Франціи.

КОНЕЦЪ.

Дополненіе къ стр. 136 (прим. 24.)

На сѣверномъ фронтѣ англійскій генералъ Пуль высадилъ 2 августа 1918 г. въ Архангельскѣ (куда 23 апрѣля 1918 г. переѣхали изъ Вологды союзныя посольства) 4—5 баталіоновъ англичанъ, 4—5 баталіоновъ американцевъ, 1 баталіонъ французовъ, части поляковъ и итальянцевъ. Осенью его смѣнилъ ген. Айронсайдъ. Къ концу 1918 г. на фронтѣ собралось: 10—15000 союзниковъ и 7—8000 русскихъ, бывшихъ сначала подъ командой ген. Марушевскаго, а потомъ ген. Миллера. Правительство возглавлялось Чайковскимъ, переѣхавшимъ въ началѣ января 1919 г. въ Парижъ. Не достигнувъ результатовъ, союзники покинули Архангельскъ. Ихъ эвакуація закончилась 20 сентября 1919 г. Послѣдніе эшелоны ген. Миллера покинули Архангельскъ 4 февраля 1920 г.

Цѣна Ekr. 0.75 = Rmk. 0.50 = Frs. 3.—

Складъ изданія: Tallinn (Estonie) Uus Kalamaja 9 — В. Г. Бревернъ. Высылается по полученіи стоимости и почтов. расход. можно и почт. марками.